

Ядовитый Змей
И СМОЛКНЕТ ЗВОН МЕЧЕЙ

Одинокая красавица-леди благодаря своему происхождению становится центром интриг.

Переживший тяжелую потерю и разочарованный в жизни рыцарь становится наемником.

В моей выдуманной вселенной их пути внезапно пересеклись.

Конечно, эта история прежде всего о любви, как и все прочие

- [Змея Ядовитая. И смолкнет звон мечей](#)
 - [Глава 1. Выгодная сделка](#)
 - [Глава 2. Позорное поражение](#)
 - [Глава 3. Милосердие вместо виселицы](#)
 - [Глава 4. Возвращение](#)
 - [Глава 5. Тайные желания](#)
 - [Глава 6. Приоткрывая завесы](#)
 - [Глава 7. Королевская кровь](#)
 - [Глава 8. Горечь победы](#)
 - [Глава 9. Опасный путь](#)
 - [Глава 10. На выручку](#)
 - [Глава 11. Исповедь](#)
 - [Глава 12. Неожиданное предложение](#)
 - [Глава 13. Снимая оковы](#)
 - [Глава 14. Враг у ворот](#)
-
-

Змея Ядовитая. И смолкнет звон мечей

Одинокая красавица-леди благодаря своему происхождению становится центром интриг.

Переживший тяжелую потерю и разочарованный в жизни рыцарь становится наемником.

В моей выдуманной вселенной их пути внезапно пересеклись.

Конечно, эта история прежде всего о любви, как и все прочие.

Глава 1. Выгодная сделка

— Значит, вы капитан Грейв, — лорд Доннел Мортингер медленно откинулся на спинку массивного кресла, уложив крупные короткопалые руки на широкие подлокотники.

У этого тоже мания величия, — подумалось Грейву, когда его оценивающий взгляд прошелся по креслу: обитое дорогим красным бархатом, с высоченной полукруглой спинкой, обрамленной замысловатой позолоченной резьбой, с подлокотниками в виде оскаленных медвежьих морд, оно напоминало самый настоящий королевский трон.

Огромный, тщательно отполированный стол редкого красного дерева составлял идеальную композицию с креслом и общим богатым убранством кабинета грандлорда Междуречья.

— Совершенно верно, милорд.

— И кто же возвёл вас в чин капитана? — прищурился лорд Доннел.

Будь на месте Грейва другой человек, он мог бы почувствовать себя весьма неуютно под пытливым взглядом лорда, эффект от которого усиливал изобличающий тон.

— Люди, милорд, — спокойно ответил Грейв, едва заметно пожал плечами. — Я не гонюсь за чинами. И мне без разницы, как вы будете меня называть.

— А уж мне тем более, — ответил лорд. — Мне просто нужен человек, который добротой выполнит работу.

Его длинные волнистые волосы густо припорошила седина, и теперь сложно было понять, какого цвета они были когда-то.

— Раз уж я здесь, значит, вы получили на меня рекомендации. Давайте приступим к сути. В чем состоит работа?

— Как угодно, — седовласый лорд слегка хлопнул ладонями по блестящим подлокотникам. — Вы должны взять для меня один замок.

Грейв кивнул, побуждая лорда Мортингера говорить дальше. Он не привык бросать слова на ветер и задавать лишние вопросы, предпочитая вначале выслушать собеседника. Лорд Междуречья, очевидно, полагал, что необычность заказа произведет на наемника впечатление, но, не получив ожидаемого эффекта, продолжил с толикой разочарования в голосе:

— Замок не то чтобы неприступен, но неплохо защищен.

Грейв молчал, выжидая. Лорд Доннел побарабанил пальцами по подлокотникам и нетерпеливо уточнил:

— Так что же? Вы возьметесь?

— Я возьмусь за все, кроме самоубийства и убийства детей.

Лорд Мортингер приподнял седую бровь.

— Наемник с моральными принципами? Это что-то новенькое. Какие-то личные мотивы?

— Я бы предпочел не обсуждать это.

— Как угодно. Впрочем, в этом нет нужды. Мне нужен лишь замок. У вас есть ко мне вопросы?

— Если это все, что вы пожелали мне сообщить, то вопросы, конечно, есть. Что за замок?

— Волчье Логово. Абсолютно ничего противозаконного — эти земли входят в мои владения.

— Тогда зачем вам понадобился штурм?

Лорд Мортингер потер указательным пальцем красноватый мясистый нос.

— В замке хозяйничает моя племянница, она же и мой вассал. Вздумала проявлять непокорность и пытается оспаривать мое право на Междуречье. Впрочем, это неважно.

— А почему для её усмирения вам потребовались наемники? Разве вы не можете послать отряды своих вассалов? Это их обязанность.

Лорд Доннел состроил страдальческую гримасу.

— Дело довольно деликатное. Я бы не хотел предавать огласке семейные ссоры. Кроме того... леди Волчьего Логова пользуется некоторой... симпатией среди моих вассалов.

— Вы опасаетесь их бунта? — хмыкнул Грейв.

Лорд Мортингер бросил на него недовольный взгляд.

— Скажем так — я не хочу давать повода для пересудов. Мое имя не должно быть замешано в этом деле.

Грейв снова пожал плечами.

— Как угодно. Есть ли предпочтения по штурму?

— Мне все равно, просто возьмите этот замок.

— Планы крепости?

— Вам их предоставят сегодня же.

— Допустимые жертвы?

Лорд Доннел снова поморщился.

— Меня мало волнуют судьбы мятежников. Но если кто-то пожелает сдаться — окажите им такую любезность и оставьте в живых. При условии, что они присягнут мне на верность.

— А как быть с самой леди?

Лорд Мортингер нервно побарабанил толстыми пальцами по подлокотникам.

— Как быть с леди... Меня устроит любой вариант. Если не получится взять ее живой — я не стану вас осуждать. Но если все же получится... прошу вас ее не калечить и не причинять ей никакого вреда. В этом случае я награжу вас дополнительно.

Грейв внутренне выдохнул. Он не упоминал женщин в своем списке ограничений, и все же предпочитал избегать подобных заказов. А лорд Мортингер вдруг оживился, будто пронзенный внезапной идеей:

— Я тут подумал... Если леди останется жива, было бы очень неплохо, если бы мы разыграли небольшое представление для моих вассалов и челяди. Когда вы будете возвращаться обратно, пусть мои люди устроят засаду — все по договоренности, никакой импровизации! — и якобы отобьют у вас мою племянницу. Таким образом, ее возвращение под мою защиту из рук разбойников будет вполне обоснованным.

Грейв поморщился.

— Это будет стоить дополнительных денег, поскольку речь идет о риске для моей репутации. До сих пор я еще не знал поражений в бою.

— Разумеется, — тон лорда Мортингера так же внезапно похолодел, как прежде воспылал горячечным возбуждением, — но это вовсе не обязательно. Мне нужна победа и леди Волчьего Логова — живая или мертвая.

Грейв вдруг ощутил внезапную резкую неприязнь к этому человеку, и это ему не

понравилось. Он думал, что давно уже утратил способность испытывать к заказчикам оценочные эмоции. Поэтому поспешил задать следующий вопрос:

— Сроки?

— Как можно быстрее, но я вас не тороплю. Вы будете ограничены лишь собственными средствами: я не намерен оплачивать каждый день пребывания ваших людей у стен замка. Я плачу за результат.

— Мне потребуется задаток.

— В разумных пределах. Но основная часть — после выполнения работы.

Грейв кивнул.

— Должен предупредить: в случае неудачи задаток не возвращается.

Лорд неуютно поерзал в своем бархатном кресле.

— Мне не нравится слышать слово «неудача» от вас.

— Могу вас заверить, мне тоже. Вам не стоит беспокоиться: у меня еще не было недовольных заказчиков, вероятность неудачи ничтожна. Но все же она существует.

Лорд задумчиво ковырнул коротким ногтем золоченый завиток на подлокотнике.

— Хорошо. Согласен.

— В таком случае, самое время обсудить размер оплаты.

Торги были жаркими и долгими, но Грейв никуда не торопился. Вышколенные слуги тихо входили и выходили из кабинета, то и дело поднося лорду и его гостю все новые и новые напитки и угощения. Не каждый день ему удавалось есть досыта и пить столь благородное вино, которым его угощали у грандлорда Междуречья. Кроме того, у Грейва давно была отработана схема торгов. Он намеренно завышал цену втрое: его дурная слава позволяла ему чувствовать себя уверенно и не бояться вызвать праведный гнев у нанимателей. Тот, кто был послабее характером, сбивал цену лишь на треть, и Грейв наслаждался двойными барышами. Если же попадался хитрый и изворотливый заказчик, такой, как и сам капитан наемников, готовый торговаться до последнего вздоха — тому Грейв мог и уступить до разумной цены.

С Мортингером они дошли до половины, и каждый из них чувствовал себя победителем. Правда, оба постарались изобразить крайнюю степень недовольства.

Грейв внутренне ликовал, отщипывая сочные виноградины от спелой громадных размеров грозди. Он не помнил, чтобы в Междуречье были виноградники — стало быть, виноград привозили с юга, что стоило весьма недешево.

— Смотрите же, капитан, не подведите меня, — подытожил разговор разгоряченный яростным торгом лорд Мортингер.

— Я еще никого и никогда не подводил, — вставая, произнес Грейв стандартную фразу. — Не думаю, что вы будете первым.

* * *

Несколько дней Грейв провел за изучением планов замка под названием Волчье Логово. Кроме того, он не терял времени даром и отправил разведчиков в сам замок и ближайшие деревеньки — чтобы собрать как можно больше полезной информации о его владельцах, о нуждах и трудностях его обитателей, о грядущих событиях и все доступные слухи о когда-либо происходивших у его стен битвах.

Планы ничем особенным не порадовали: замок был очень старым, а в те времена люди умели строить добротнo, на века. Построен он был с умом, и, видимо, за свою историю не раз переживал лихие времена, так как весь арсенал оборонных сооружений присутствовал, как полагается: защитный земляной вал, ров, наполненный водой из притока реки Жемчужной, подъемный мост, высокие и толстые крепостные стены, кольцом окружающие довольно просторный внутренний двор и жилые строения. Сторожевые башни размещались по всей окружности крепостной стены, а сама крепость была оснащена узким «загоном». Даже если штурмующим удалось бы взять мост и проникнуть за внешние решетчатые ворота, «загон» похоронил бы все попытки добраться до внутренних ворот: в ход непременно пошло бы кипящее масло, горящие стрелы, камни и все прочее, что придет в голову защитникам замка — из смертельного капкана никто не смог бы выбраться живым.

На прямой штурм могло пойти только войско, обладающее огромной численностью, способное пожертвовать сотней-другой отважных воинов. Но Грейв, чей отряд не дотягивал даже до полусотни, не мог позволить себе роскошь бессмысленно потерять хотя бы одного человека. Преданные люди были всем его богатством.

Возвратились разведчики, докладывая о том, что удалось выведать. Каждый слух сам по себе, казалось, вовсе не имел никакой ценности, но для Грейва годилась любая, даже незначительная мелочь. Кто знает, какое из обретенных знаний станет ключевым при составлении плана штурма?

Питер Зануда, старый соратник и верный друг Грейва, разузнал о том, что на днях в стенах замка будет проходить большая ярмарка, которая продлится около недели. Для нее уже расчищают место во внутреннем дворе, у самых крепостных стен.

— Славная новость! — возбужденно вскричал Дэн Болтун, главный советник Грейва, к которому тот питал особую благосклонность. — Проникнуть в замок будет проще простого! Всего лишь прикинуться крестьянами или торговцами, что везут товар на продажу...

— Едва ли, — покачал головой Зануда, который никогда прежде не был замечен в оптимизме. — В замке действует строгий запрет на вход с оружием. Каждого, кто входит, обыскивают с величайшей дотошностью.

— Придумаем что-нибудь, — упрямо возразил Болтун. — Можно спрятать оружие в телегах под барахлом, которое повезем на ярмарку.

— Не получится, — привычным заунывным тоном ответил ему Зануда, — стражники перебирают каждую картофелину, перетряхивают каждый мешок с зерном. Как ты сможешь провезти железа на сотню человек? А доспехи? А лошадей? Да ну...

— Да уж, — кивнул Грейв, — не представляю, сколько надо купить добра, чтобы все это прикрыть. Но ярмарка — это хорошо. Что еще?

Арчибальд Хейл, более известный среди друзей-наемников под прозвищем Проньера, узколицый парень довольно смазливой наружности, узнал от любвеобильной женушки одного из стражников о том, что замок обороняет хорошо тренированное войско числом около шестидесяти человек.

— Даже если каким-то чудом мы окажемся внутри, вооруженные до зубов, нам с ними не справиться. Многовато выходит, — затянул свою песню Зануда, — это же латники!

Стэн Чахотка, изможденный и вечно кашляющий, он же мастер перевоплощения, выведал у старожилов о том, что в последний раз замок штурмовали лет сорок назад, но безуспешно. А какой-то сгорбленный старик поведал ему о том, как будучи ребенком, слышал от своего деда, что пару сотен лет назад в гористой части Междуречья случилось

нешуточное землетрясение, которое образовало разлом в крепкой каменной кладке одной из стен замка. Этот разлом заделали, да, видать, не слишком удачно — старик говорил, что им воспользовался лорд Предгорий, когда хотел подчинить себе земли Междуречья, а Волчье Логово располагается на самой границе этих земель. Было это полторы сотни лет назад, и тогда штурмовавшие замок солдаты пробили мощными таранами брешь в слабом месте укреплений, где-то за пределами «загона», сквозь которую и смогли пробраться внутрь. Впрочем, замок вскоре отбили обратно. Грейв весьма заинтересовался услышанным.

— Любопытно. Пролом относительно свежий. Едва ли каменщики, которые наскоро его латали, заботились о крепости соединительной смеси. Быть может, он заделан не настолько добротно, насколько построен сам замок.

— Мы с Крысой это проверим, — оживился Проныра, — если эта брешь действительно существует.

Следующий слух, принесенный Звездочетом, прозванным так за то, что по ночам он любил в задумчивости наблюдать за звездным небом, тоже был полезен. Из-за засухи, вот уже несколько последних недель терзающей Междуречье, уровень воды во рву опустился настолько, что кое-где местная детвора перебегала его вброд — от вала до крепостной стены.

Несколько разведчиков принесли слухи и о самой леди Волчьего Логова. Замок и принадлежащие ему окрестные деревни располагались на приграничных землях между скалистыми Предгорьями и равнинным Междуречьем, но все же входили в состав последнего по древнему и нерушимому договору, скрепленному многие столетия назад королевской печатью.

Междуречье располагалось на самых богатых землях Королевства. Климат здесь был большей частью мягким и теплым, почва — жирной и плодородной, а крестьянам в иные годы удавалось за сезон получить с распаханых полей по два урожая. На бескрайних лугах досыта кормился скот, поэтому недостатка в свежем мясе местный люд не знал и охотно торговал всякой снедью и провиантом с близлежащими землями.

Предгорья были значительно беднее — их каменистая земля не могла похвастаться плодородием и обилием зелени. Местные жители в основном пасли коз, приноровившихся отыскивать скудную растительность среди холмов и горных склонов. Поэтому конфликты на приграничных землях были нередки — из-за земельных наделов, из-за перебежавшей туда-сюда скотины, а порою из-за самого настоящего воровства.

Однако в землях, принадлежавших леди Ройз, конфликты случались редко. Местный люд любил ее — управляла она рачительно и справедливо, а недовольных ею было ничтожно мало. Ближайшие деревеньки с каждым годом разрастались, принимая все больше и больше переселенцев с ближних и дальних земель. Крестьяне охотно плодились, производя новые поколения работников — недостатка в руках для возделывания полей и скотоводства у леди Волчьего Логова не было.

— Ничего прежде не слыхал о Ройзах, — задумчиво заметил Грейв, подправляя острым концом прутика начерченный на земле план замка, которому вскоре предстояло пасть. — Мортингер сказал, что она — его племянница. Но почему-то носит другую фамилию. Выходит, у лорда была сестра?

Том Ригер, белобрысый здоровяк, ростом почти с самого Грейва — неудивительно, ведь он был родом с Окольных земель, что граничили с Зазимьем — тряхнул сальными кудрями:

— Брат. Старший. Его звали Робар. Вообще-то, это он был лордом Междуречья, но лет

пять назад преставился.

Сыновей у него не было, лишь единственная дочь, Гвендолин. Ей он и завещал фамильное наследие — замок Дрохенвальд. Но младший братец Робара, с которым ты давеча встречался, уж не знаю правдами или неправдами, но прибрал Дрохенвальд к рукам, а племянницу выпихнул замуж за лорда Ройза, владельца Волчьего Логова.

— Так нам еще и с лордом придется иметь дело? — нахмурился Грейв.

Это было хуже. Лорды — они, как правило, смышленные. Не то что леди. Те бывают либо капризными, либо тщеславными, либо дурами... а еще хуже — невысказанной смесью всех этих достоинств вместе взятых.

— Не в этом мире, — усмехнулся Том. — Лорда Ройза постигла печальная участь — он умер на собственном свадебном пиру. Говорят, лет ему уже было немало. То ли сердце не выдержало великой радости, что у него появилась молодая жена, то ли желудок не вместил в себя столько праздничных яств — но что-то там в нем разорвалось. А его леди осталась соломенной вдовой, и ей пришлось взять на себя управление замком умершего мужа.

— Ладно, — Грейв отмахнулся от слухов, которые посчитал пустой шелухой, — рассказывай теперь о стражниках. Кто там у них главный?

* * *

— Итак, — подытожил Грейв, размышлявший над обрывками полученной информации днями и ночами, — план такой. Чахотка и Ригер — берете парней, сколько нужно, и пробираетесь в замок под видом крестьян, желающих торговать на ярмарке. И отправляйтесь пораньше — места вы должны купить непременно у той самой брешли. Чем больше лошадей, телег и громоздкого товара, тем лучше — надо хорошенько замаскировать эту часть стены. И начинайте долбить кладку сразу же, с самой первой минуты. Надо управиться за три-четыре дня, пока ярмарка не закончится.

Грейв сделал небольшую паузу и отпил глоток браги. Вытер губы — ну и мерзкое пойло! С сожалением вспомнил благородное вино, которым потчевал его недавно лорд Мортингер, и вздохнул. Несколько десятков пар глаз внимательно наблюдали за ним. Когда Грейв говорил, остальные хранили молчание. Так было всегда.

— Основная часть замковой стражи в ближайшую неделю будет дежурить у внешних ворот, проверяя торговцев. В день, когда все будет готово, придется действовать слаженно. Несколько наших людей должны тихо снять часовых на тех башнях, что выходят на брешь. Другие в это же время устраивают небольшую заварушку у внешних ворот, привлекая к ним как можно большее количество стражников. В это время остальные переходят вброд ров и проникают внутрь замка через прорытый проход — к тому моменту, когда большая часть стражи будет находиться в загоне за внутренними воротами. Еще четверо караулят у самих внутренних ворот, по сигналу опускают их и запирают изнутри, отрезая стражникам путь в замок. На валу напротив моста ставим лучников — если наше проникновение будет замечено, они отрежут страже путь к выходу на подъемный мост. Ну, а дальше все просто: пользуясь переполохом, перебьем тех, кто остался внутри, забираем леди Ройз и уходим тем же путем.

Несколько мгновений вокруг костра продолжало царить молчание.

— А лошади? — скептически протянул Зануда, почесывая в затылке. — Через лаз в

стене мы вряд ли их проведем.

— Лошадей добудем в бою, — строго глянул на него Грейв, — а наши останутся здесь, вместе с часовыми.

Вслед за вопросом Зануды последовали и другие, вызывая бурные обсуждения. Наконец, сгустившиеся сумерки взорвались одобрительными возгласами.

— Неплохой план! — после жарких споров одобрил Дэн Болтун. — За него стоит выпить!

Все дружно подняли кружки с брагой.

* * *

План и правда был неплох. Все шло как по маслу, и Грейв с удовольствием отмечал слаженность действий своих людей. Поначалу его «войско» составляла лишь жалкая кучка человеческих отбросов: беглые каторжники, младшие сыновья мелких многодетных землевладельцев, обнищавшие дворяне, странствующие рыцари, потерявшие в турнирах лошадей и доспехи. Грейв лишь почесывал в затылке, понимая, что работать с такой компанией будет непросто.

Но с каждым разом их выучка и боевые навыки совершенствовались, и теперь они были достаточно вышколены, чтобы четко соблюдать распланированные заранее действия.

Несколько конных добровольцев устроили шумную потасовку у внешних ворот, делая вид, будто пытаются проникнуть в замок. Как и предполагал Грейв, стражу у входа сразу же усилили, и рухнувшая по сигналу тяжелая решетка внутренних ворот заперла в загоне около тридцати солдат замковой стражи. В это время основные силы Грейва во главе с ним самим проникли по пробитому в крепостной стене лазу во внутренний двор и врубались в разрозненные группы оставшихся в замке защитников. Несмотря на их численный перевес и отвагу, неожиданность атаки застала солдат врасплох, силы противника стремительно таяли, и Грейв уже ощущал на губах вкус победы.

Было невыносимо жарко, и доспехи накалились на солнце, обжигая кожу не хуже пылающей печи даже сквозь слой одежды, но Грейв был не из тех, кто сетует на неудобства, тем более, когда кровь уже разогрета битвой. Сверкающий на солнце меч был словно продолжением правой руки, а в левой вместо щита плясал тяжелый молот — после первого поверженного им солдата он и счет потерял остальным.

Конем он обзавелся почти сразу, позаимствовав его у первого же сраженного им латника, и теперь врубался в толпу не только мощью собственного тела, но и массивным корпусом жеребца. Животное попало породистое и с норовом, но он умел таких умирять, и вскоре уверенно правил лошадью лишь движением бедер, освободив для битвы обе руки.

Уже близился финал недолгого сражения — около двадцати павших защитников замка выхватил наметанный глаз воина, когда вдруг из центрального узкого перехода появилась конная подмога. Грейв, окруженный осатаневшими от битвы и крови боевыми товарищами, ринулся навстречу рыцарям. Успел удивиться тому, что предводителем конницы из десяти воинов был тщедушный молодой рыцарь в золоченых доспехах с причудливой чеканкой и в высоком шлеме с щегольским плюмажем из перьев и конских волос. Что за глупый юнец решил встретить свою смерть, нарядившись в парадные доспехи, судя по всему, ни разу не видевшие настоящего боя?

Может, у леди Ройз есть сын, о котором ему не доложили?

Но в следующее мгновение мысли исчезли — он одним движением направил коня к тощей фигурке в сияющих на ярком солнце доспехах. Тренированное тело безупречно исполняло свой боевой танец, получая сигналы от обостренных в битве органов чувств: замах снизу правой рукой, чтобы одним ударом отсечь голову безрассудному юнцу, одновременно с этим вертушка левой, чтобы разmozжить закрытое забралом лицо воина, что уже наскакивает слева, а затем возврат правой руки — воин, маячивший за тщедушной фигуркой, как раз подоспеет, чтобы напороться на меч.

— Госпожа, нет!!! — заорал тот, кто был слева, бросая свое тело наперерез правой руке Грейва.

Госпожа? Адово пламя...

В прорези золоченого шлема мелькнули изумрудные глаза. Идеально направленное движение Грейва вдруг сбилось. Он не смог ослабить силу удара, но все-таки сумел отвести меч чуть в сторону и ударить золоченый шлем по касательной. Отбиться левой уже не успел, невольно изменив направление тела и линию замаха. Именно это стоило ему победы.

Он успел увидеть, как сбитый с головы «юнца» шлем взлетает в воздух, открывая взору взметнувшиеся вверх золотистые длинные волосы и прекрасное лицо, но в следующий миг на его голову обрушился страшный удар. Странное видение взорвалось перед глазами кровавым туманом, а затем наступила темнота.

Глава 2. Позорное поражение

Закончив бинтовать Гвен голову, старый лекарь подал ей глиняную чашку с каким-то горьким отваром.

— Это облегчит вам боль, миледи, — извиняющимся голосом молвил лекарь, когда увидел ее гримасу после первого глотка.

— Спасибо, Филипп. Не беспокойтесь, я уже не малое дитя. Горькое питье — не самое страшное, что могло бы со мной приключиться.

— Мудрые слова, миледи, — согласился старый лекарь, кивая лысой головой. — Но должен заметить, что поступки ваши не столь же мудрые. Это было очень, очень безрассудно с вашей стороны — надевать доспехи и рваться в бой.

— Я знаю, Филипп, вы этого не одобряете...

— Не одобряю?! — глаза несчастного старика округлились. — Посмотрите на мои руки! Они до сих пор дрожат от ужаса! Что было бы, если бы мы вас потеряли?! Мне жаль, что вы меня совсем не слушаете! Был бы жив ваш батюшка...

— Но он мертв, — отрезала Гвен. — А я не могла отправить своих людей на смерть, не воодушевив их личным примером.

— Глупости! — голос старика гневно дрожал. — Молодой леди вроде вас положено сидеть в горнице и вышивать вместе с подругами красивые узоры на платьях, а не гарцевать на коне наряду с рыцарями! Вас ведь могли убить! Вы это понимаете?

— Понимаю, — Гвен вспомнила удар тяжелого меча о свой шлем и потеряла ушибленную голову сквозь повязку.

— Болит? — лекарь тут же сменил гнев на милость.

— Совсем немного, — Гвен поднялась, взяла со стола маленькое зеркальце в золоченой оправе и постаралась расправить распущенные волосы над повязкой так, чтобы скрыть ими как можно больше некрасивой белой ткани, обернутой вокруг головы. — Тот рыцарь, что ударил меня...

— Рыцарь?! Побойтесь бога, миледи, какой же это рыцарь? Это просто разбойник!

— Неважно, — перебила его Гвен. — Он жив?

— Не знаю... Кажется, я видел, как его среди других волокли в подземелье для допроса. Меня туда пока не звали.

— Допроса? — Гвен поежилась.

— Что вам до него?

— Он пощадил меня.

— Что?.. — растерянно моргнул глазами лекарь.

— Его удар должен был снести мне голову. В последний момент он удержал руку и хотел отвести от меня меч. У него не совсем получилось, — Гвен снова потрогала ушибленную голову, — но благодаря ему я осталась жива.

— Бог все видит! — назидательно изрек Филипп и осенил себя крестным знаменем.

— Не знаю, Филипп... Но благодаря этому мы победили, а они проиграли. Они потеряли своего вожака, и это подкосило их решимость. Если бы тот рыцарь убил меня...

— Разбойник!

— ...исход боя мог быть совсем иным.

Старый лекарь пожал плечами.

— Провидение божье...

— Я хочу его видеть, — Гвен отложила зеркало и оправила на себе платье. — Вы говорите, его повели в подземелье?

— Скорее, потащили... Миледи, умоляю вас... ну послушайте меня хотя бы один раз! Не надо вам туда ходить! Если он способен говорить, ваши верные слуги добьются от него признаний.

— Мне нужны не признания, — резко ответила Гвен и вышла из своей комнаты.

С каждым шагом она нервничала все больше. А если она не успеет? Если он уже умер от полученных ран? Или его уже замучили насмерть во время допроса?

У входа в подземелье она прихватила со стены факел и ускорила шаг. Каменные ступени были слишком круты и местами покрыты плесенью, поэтому ей приходилось быть осторожной, но все же она торопилась.

Почему-то для Гвен было важно узнать, отчего враг пощадил ее, обрекая самого себя на смерть.

Она должна была успеть.

Дойдя до коридора с чередой тяжелых дверей, она принялась заглядывать в каждую. Почти все темницы были заняты — в плен было взято много разбойников, посягнувших на мирную жизнь замка. Избитые, окровавленные, корчащиеся от боли в ожидании допросов люди походили один на другого, и Гвен засомневалась, сможет ли она узнать того самого рыцаря. Впрочем, она помнила, что тот был высок.

Очень высок и широк в плечах — пока среди пленных ей такие не попадались.

Гвен сбилась со счета, какую камеру открывала, когда, наконец, нашла то, что искала. В этой камере дверь была приоткрыта — и она отличалась от остальных тем, что узник в ней был один, а допрашивающих двое.

Да, он был весьма высокого роста. Его вздернули на железном крюке, вделанном в каменную стену, привязав за запястья. Обычно в таком положении люди могли стоять на ногах, но этот упирался в пол коленями. Человек, что его допрашивал, стоя в полный рост, лишь слегка наклонялся к его лицу.

Он был еще жив. Похоже, он только что пришел в себя — после того, как его окатили из ведра холодной водой.

Гвен успела.

* * *

Сколько времени прошло до того, как он очнулся, он не мог бы сказать даже под пыткой. Впрочем, пыткой было само возвращение сознания: разбитую голову разрывало от боли, крепко связанные над головой руки, державшие вес безвольного тела, онемели, выкрученные в суставах плечи горели огнем. Он попытался переместить вес на ноги, чтобы хоть немного ослабить боль в руках, и понял, что его поставили в унижительную позу — на колени, пристегнув лодыжки к полу железными скобами.

Рукам действительно стало чуть легче — если можно как-то выразить степень боли, охватывавшей все тело, но теперь заныли колени, приняв вес и соприкасаясь с неровной и твердой каменной поверхностью — похоже, он был в подземелье. Хоть немного переместить ноги не удалось: он был зафиксирован в оковах прочно и таким образом, чтобы

поза доставила ему как можно больше неприятных ощущений.

Жестоко болели ребра — при каждом вздохе тело словно пронзали тысячи толстых игл. Сломаны, что ли? Но как? Боль такая, будто по нему потопталось стадо лошадей. Хотя, может так и было — кто знает, что случилось после того, как он мешком свалился с коня?

В довершение ко всему было адски холодно. И мокро. На нем не было никакой одежды, и, похоже, его только что окатили холодной водой.

Безумно хотелось пить. Он попробовал слизнуть с губ капли воды, стекающие с мокрых волос по лицу — вкус воды, смешанной с его собственной кровью, оказался солоноватым.

Но больше всего докучала боль. Боже всемилостивый, тело будто окунули в боль целиком.

В тишине подземелья Грейв услышал собственный хриплый стон.

— Очухался? — беззлобно спросил кто-то, кого он не мог разглядеть.

Ресницы Грейва слиплись от запекшейся крови, веки опухли — он с трудом сумел их разлепить. Сквозь узкую щель между веками он видел лишь пляшущие огни факелов вокруг себя и размытые тени, неясно меняющие очертания.

Одна из теней склонилась над ним, схватила за нависшие над лицом мокрые волосы и задрала голову Грейва кверху. Ее тут же пронзило огненной болью. Воспаленные, заплывшие кровью глаза закрылись сами собой, из сухого и саднящего горла снова вырвался стон.

— Я же говорил, что этому могила пока не светит. Пусть вначале развлечет нас беседой.

— Если он хоть что-то соображает. Как из него мозг не вытек, после такого-то удара, просто диву даюсь.

— Эй! Это ты был у них главный?

Грейв заставил себя разлепить глаза. Пересохшие губы растянулись в насмешливой улыбке.

— Смеется... Боже милостивый, ты посмотри на него! Он смеется! Что я такого смешного сказал?!

Чья-то рука по-прежнему держала его голову за волосы, а другая рука в перчатке из грубой кожи с металлическими накладками с размаху встретила с его лицом. Губы лопнули, будто спелые помидоры, по подбородку заструилась теплая кровь. Раненая голова буквально взорвалась болью от удара, и Грейв опять не сумел подавить стон.

Гребаный слабак.

Язык несмело скользнул вдоль ряда зубов. Вроде целы. Хотя дальний снизу, похоже, шатается — раньше так не было.

Зубами он всегда дорожил. Лекарь с самого детства приучал его ухаживать за зубами, приговаривая, что взрослому они даются раз и на всю жизнь. Потеряешь — уже ничем не заменишь.

А без зубов плохо. Это он знал.

— Я тебя разучу смеяться, тварь. Назови свое имя! — донесся до его сознания вопль бесплотной тени.

Грейв хотел бы не улыбаться, но просто не мог. Ему подумалось — если он назовет себя собственным прозвищем, не сочтут ли они это насмешкой? *

(*Грейв (англ. Grave)— «могила, надгробный камень».)

Следующий удар сломал ему нос, и на этот раз он громко зарычал и задергался в своих оковах. Боль в плечах и запястьях казалась теперь нежной лаской по сравнению с болью в переносице — походило на то, будто ему всадили нож прямо в мозг. Он бы с радостью

лишился сознания, но оно почему-то все еще оставалось при нем.

— Может, он язык себе откусил? — поинтересовалась другая тень, стоявшая чуть поодаль от первой. — Постой, постой, дай проверить...

Первый мучитель отпустил его голову, а второй приподнял за подбородок — почти нежно — и вставил лезвие ножа ему между губ, пытаясь разжать зубы. Грейв решил, что упрямитесь глупо.

— Нет, язык пока еще при мне.

Он не узнал собственный голос — хриплый, надсадный, гундосый, отдающий пульсирующей болью на затылке и в переносице.

— Тогда назови свое имя. И попробуй еще раз оскалиться — я начну с того, что отрежу тебе губы.

Грейв рассудил, что его имя не такая уже большая ценность, а губ определенно было жалко.

— Капитан Грейв.

— Капитан? — хмыкнула первая тень. — Какой ты, в пекло, капитан?! Вор помойный — вот кто ты на самом деле!

— Если точнее, то наемник, — прогундел Грейв, слизывая кровь с нижней губы.

Жаль, капель воды на губах не осталось.

Тень заржала противным смехом. У Грейва и то получилось бы лучше, если бы оставались силы смеяться.

— Наемник? Скажи уж как есть — шлюха, продающаяся богатеньким лордам за деньги.

Грейв попытался пожать плечами и тут же пожалел об этом. Сознанию трудно было сконцентрироваться на всех источниках боли, которыми изобиловало тело.

Кроме того, его начало колотить от холода. Как такое могло быть, в разгар лета? В леднике они его держат, что ли? А мокрая после ледяной купели кожа остывала еще быстрее.

Теперь он не был уверен, что досаждало хуже — холод или боль.

— Кто тебя нанял? — не заставил себя ждать следующий вопрос.

Грейв осторожно облизнул верхнюю губу.

— Какая разница?

Тень неожиданно отошла, а в следующее мгновение тишину подземелья прорезал свист плети — а торс опоясало кольцом свежей боли. Грейв дернулся и зашипел.

— Кто тебя нанял?

— Да пошел ты...

Плеть прошла по телу Грейва еще раз. И еще раз. И еще.

— Кто тебя...

Грейв старался молчать, стиснув зубы, и корчился от боли. Нет никакого шанса увернуться от ударов, если твои руки прикованы к стене высоко над головой. А ты обнажен, обездвижен и обречен.

— Хватит, — вступилась Вторая Тень, у которой был нож. — Ты его только щекочешь. Не видишь — он даже удовольствие получает от твоих поглаживаний. Давай лучше я — и сразу к делу.

Вторая Тень подступила к Грейву и вновь приподняла клонившуюся книзу голову за подбородок, словно изучая. А затем провела острием ножа под веками.

— Предлагаю начать с глаз. Какой тебе милее — левый или правый?

Грейв попытался открыть глаза и сконцентрироваться на расплывающемся за кровавой завесой лице. Вполне вероятно, эта мерзкая щетинистая рожа, скалящаяся гниловатыми зубами — последнее, что он видит в своей жизни.

Дерьмо. Лучше бы его прикончили тогда, в битве, тем самым ударом, наказавшим за малодушие. Тогда последним, что запечатлели бы глаза перед смертью, было бы прекрасное лицо зеленоглазой незнакомки.

Грейв набрал в легкие побольше воздуха, словно для вдоха, а затем сплюнул кровью в нависшую над ним поганую рожу. Тень брезгливо отпрянула, ругаясь и отираясь.

— Это точно будет стоить тебе языка, гнида. Но чуть позже. Сначала — глаз. Итак, повторим: кто тебя нанял?

Грейв внимательно следил за кончиком ножа, приближавшимся к правому глазу. Жаль, что правый. Хотя... он не сомневался, что совсем скоро та же участь постигнет и левый.

Интересно, сколько он продержится вот таким вот куском мяса, прежде чем начнет орать от боли во весь голос? А прежде чем сдохнуть?..

— Это же и так ясно, господа, — послышался откуда-то издалека мелодичный голос. — Его нанял мой дядя. Оставьте его, я сама поговорю с ним.

Грейв попытался повернуть лицо в сторону голоса, ощутив новый резкий приступ боли в затылке, и только теперь потерял сознание.

* * *

— Но, миледи... — неуверенно возразил один из палачей. — Мы должны добиться признания...

— Все, что мне надо, я уже знаю, — тоном, не терпящим возражений, отвечала Гвен, подходя к узнику.

Похоже, тот лишился чувств — его руки неестественно вывернулись в плечах, голова с нестриженными мокрыми волосами упала низко на грудь. Гвен поежилась — слишком, слишком болезненное положение.

И слишком много крови на обнаженном теле.

— Отвяжите его, немедленно. И велите отнести к лекарю Филиппу. Он мне нужен живым.

— Но, миледи...

— Немедленно.

Палачи кинулись исполнять приказ, и через мгновение бессознательное тело рухнуло на пол. Гвен невольно вздрогнула и закусил губу.

— Да, и насчет остальных. Пусть пока остаются в темницах, но распорядитесь от моего имени, чтобы им обеспечили нормальные условия. Тюфяки со свежей соломой, еда и питье, одеяла. Кому надо — одежда. И пусть им дадут помыться — не хватало еще разнести по замку заразу. Когда лекарь закончит с этим, пусть осмотрит остальных.

— Как прикажете, миледи...

— Кроме того, сосчитайте всех пленных, запишите имена — кто не откажется их называть, и предоставьте мне списки.

— Да, миледи.

— За отказ называть свое имя — никаких наказаний! Вы меня слышали? И если хоть

один из них умрет с этой минуты до тех пор, пока я не решу, что с ними делать — будете отвечать за это лично.

— Да, миледи.

Гвен слышала плохо скрываемое возмущение в голосе отвечавшего. Но это ее мало заботило — ей нужно было лишь подчинение. И чтобы они побыстрее перенесли бесчувственного человека, валявшегося на холодном каменном полу подземелья, к лекарю Филиппу.

Тот, конечно же, снова принялся причитать. Старый лекарь не разделял ее порыв милосердия к разбойникам, напавшим на замок. Он взывал к ее разуму, просил вспомнить, сколько рыцарей полегло, отбивая их атаку. Всех злодеев необходимо казнить, в назидание остальным, кто посягнет на Волчье Логово!

Гвен морщила нос: голова болела от ушиба, а от гневного ворчания старого лекаря боль лишь усиливалась. Но его высохшие старческие руки тем временем умело делали свое дело. Он велел ученикам уложить пленника на скамью и хорошенько обмыть, удаляя грязь и очищая свежие раны. Затем распорядился просушить его чистой тканью и переместить на лежак, застеленный свежей простыней поверх набитого соломой тюфяка. Повернув набок безвольно откинутую голову, осмотрел глубокую рану, зашил раскаленной в пламени свечи иглой, а затем смазал целебными мазями, после чего велел ученикам забинтовать ее. Причитая и охая, на ощупь вправил кости сломанного носа, покрыл чистым платком и поверх него наложил целебную глину, что должна была зафиксировать его в правильном положении для заживления. Затем осмотрел более мелкие раны, порезы и ушибы.

Гвен сидела у кровати, сцепив пальцы рук, кусала губы и наблюдала за умелой работой лекаря.

— Сломано три ребра, — изрек он, осмотрев торс больного. — Но ничего страшного, тугая повязка — и со временем все заживет.

Удовлетворенный своей работой, лекарь устало отер рукавом вспотевший лоб и посмотрел на Гвен.

— Я выполнил ваше поручение, миледи. Но теперь, прежде чем я спущусь в подземелья, я должен убедиться, что это чудовище не причинит вам вреда.

— Господь с вами, Филипп... Посмотрите на него — как он может причинить мне вред?

— Можете меня обезглавить, миледи, но я не сделаю ни шага из этой комнаты, пока на него не наденут кандалы.

Гвен сердито нахмурилась. Она не могла припомнить, чтобы верный Филипп когда-либо позволял себе подобную вольность. Но, подумав, решила согласиться. Тем людям, в подземельях, тоже нужна была помощь.

— Хорошо. Но без жестокости.

Старый лекарь упрямо сидел у лежака, скрестив на груди сухощавые руки, пока не убедился, что его условие выполнено. Руки и ноги узника заковали в железные кандалы, прикрепив их к металлическому остову кровати — так, чтобы он мог лишь слегка двигать ими, но не мог бы поменять положение. Лишь убедившись, что его леди в безопасности, Филипп поднялся, чтобы удалиться из комнаты.

— Когда он очнется? — спросила Гвен, глядя старику вслед.

— Думаю, скоро, миледи, — когда он обернулся через плечо, его губы сложились в обиженную гримасу. — Этот разбойник крепкий, как дуб. Судя по его сложению, это

северянин, а они отличаются отменным здоровьем. Если дожил до сих пор — выживет и дальше.

Когда за стариком захлопнулась дверь, Гвен повернула лицо к узнику. Когда его заковывали в кандалы, простыня, которой он был накрыт, сбилась и кое-где открывала ее взгляду сильное тренированное тело, испещренное застарелыми шрамами. Губы Гвен дрогнули, и она поправила ее, накрывая пленника до самого подбородка.

* * *

Если прошлое пробуждение от забытья казалось настоящим пеклом, то в этот раз он готов был поверить, что очнулся в раю. Он лежал — да не где-нибудь, а на удобной постели, в теплой комнате, укрытый легким покрывалом. Многострадальная голова покоилась на мягкой подушке.

Правда, было существенное обстоятельство, говорившее в пользу того, что он все еще не в раю, а на брэнной земле — нещадная пульсирующая боль во всем теле вернулась с прежней силой.

Лежа неподвижно, Грейв рискнул слегка приоткрыть глаза.

Помещение освещалось лишь неяркими лучами заходящего солнца, оставляя часть комнаты в полумраке. Рядом на стуле сидела женщина из его предсмертного видения. Слегка повернув голову, она задумчиво смотрела в окно. Грейв наблюдал за ней некоторое время из-под полуопущенных ресниц, пытаясь понять, что с ним произошло, и как могла ситуация измениться настолько кардинально за время его беспомощности.

На короткое мгновение он даже засомневался насчетрая. Слишком уж прекрасна была женщина, сидящая у его кровати. Аристократические черты лица, идеальная форма бровей, красивый разрез глаз, мягкие, как у ребенка, бледно-розовые губы. Светлые волосы, отливающие золотом в тусклых лучах закатного солнца, водопадом рассыпались по спине и плечам. На мгновение ее лицо исказила гримаса боли, и она дотронулась пальцами до повязки, закрывающей ее лоб.

— Больно? — вырвалось у Грейва.

Голос звучал отвратительно.

Женщина вздрогнула и повернула голову к нему. Красивые брови слегка нахмурились.

— Не очень. Вам наверняка больнее.

— Прошу прощения, миледи. Не хотел причинить вам боль.

Она вела себя не так, как обычная женщина. На ее прекрасном лице он не заметил ни тени смущения. На бледных щеках не вспыхнул румянец, длинные ресницы не дрогнули, стыдливо закрывая глаза — ее спокойный взгляд был устремлен прямо ему в лицо.

— Почему вы не убили меня? Вы же собирались.

— Собирался, когда думал, что передо мною рыцарь. Когда же понял, что ошибся...

— Тогда что? Разве для вас была разница, рыцарь я или леди?

Грейв помолчал, пытаясь сглотнуть. Пересохшее горло, казалось, опухло, и нещадно саднило, требуя хотя бы глотка воды.

— Нет чести для мужчины в том, чтобы убить женщину.

— Чести? — тонкая бровь насмешливо изогнулась. — Значит, вы человек чести? Как благородно.

На переносице у Грейва что-то лежало, мешая смотреть на женщину, а кончик носа вдруг стал нестерпимо зудеть. Грейв попытался поднять руку, чтобы почесать его и убрать гадость, лежащую на его лице, но звякнули кандалы — оказалось, что его руки прикованы к кровати, поднимаясь всего на несколько дюймов. Пошевелив ногами, он понял, что такие же кандалы охватывают его щиколотки.

— Простите за эту предосторожность, — заметив его движение, сказала женщина. — Так что же, это честь велела вам напасть на мирный замок?

Грейв инстинктивно поморщился, но переносица отплатила ему за это новой вспышкой боли, и он лишь судорожно дернулся, звякнув оковами.

— Нет, — ответил он, облизнув сухие губы. — Деньги.

— Значит, вы разбойник?

— Не совсем. Я наемник.

— Вас наняли, чтобы убить меня?

— Нет, — кончик носа зудел просто невыносимо, и Грейв попытался повернуть голову, чтобы почесать его о подушку.

Маленькая изящная рука предупредила его движение, придержав голову Грейва за подбородок.

— Не вертитеесь — вы собьете повязку.

— Что это за дрянь у меня на лице?

— Это не дрянь, а глина. Она должна засохнуть и зафиксировать нос. Он у вас сломан.

— Пекло. Мой нос был сломан уже не один раз — и ни разу его не макали в глину. Уберите это с меня.

Он попытался высвободить подбородок из ее пальцев и все-таки почесать нос, но она удержала его лицо обеими руками.

— Прекратите вертеться. Чего вы добиваетесь?

— Хочу почесать нос, — признался он. — Зудит сильно. Но не получается.

Он еще раз дернул закованными в кандалы руками, будто пытаясь продемонстрировать ей свое незавидное положение.

Ее губы тронула легкая улыбка.

— Я почешу, — и она почесала.

Грейв невольно рассмеялся, чувствуя и неловкость, и желанное облечение, но тут же ощутил новый приступ боли.

Лучше воздержаться от смеха.

— Спасибо, — сказал он.

— Не стоит благодарности. Так для чего же вас наняли?

Грейв помрачнел. Женщина, сидевшая рядом с ним, вызывала у него симпатию, но начинала задавать вопросы, на которые он не мог ответить.

— Поверьте, вам не причинили бы никакого вреда, леди Ройз.

— Значит, вы знаете меня.

— Об этом нетрудно было догадаться. Едва ли в этом замке есть еще одна леди.

— Вас нанял мой дядя?

Грейв молчал, глядя на нее с толикой досады. Если она знает, зачем спрашивает?

Она нравилась ему, эта светловолосая женщина — скорее, молодая девушка, — но это не значило, что он мог болтать с ней о своем нанимателе.

Пусть даже он и провалил дело.

— Чего же он хотел? — не унималась красавица. — Если он не приказал вам убить меня, то что вы должны были сделать, взяв замок?

Грейв молча облизнул сухие саднящие губы. Его взгляд спустился с прекрасного лица ниже, задержался на длинной белой шее, что терялась в целомудренном вырезе простого платья, на отчетливо проступавшей сквозь натянутую ткань высокой груди, скользнул по сложенным на коленях изящным рукам, не отягощенным никакими украшениями.

— Не хотите сказать мне?

— Я не могу. Простите.

— Что ж, — произнесла она задумчиво. — На допросе вы держались храбро — было бы глупо с моей стороны ожидать, что вы расскажете мне все по доброй воле.

Грейв напрягся. На допросе? Она что, видела, как его допрашивали? Вот дерьмо. Он вспомнил, в каком виде очнулся в подземелье — совершенно голый, обездвиженный, в унижительной позе, на коленях, неспособный дать отпор... Грейв закрыл глаза и слегка отвернул голову, скрывая смущение и досаду от этой женщины, что от начала до конца была причиной и свидетелем его позорного поражения.

— Что ж, как хотите. Я могу рассказать вам все сама, чтобы вы не возомнили, будто храните какой-то страшный секрет. Я, конечно, удивлена, что мой дядя не велел вам меня убить. Значит, он все-таки решил попытаться еще раз...

— Попытаться что? — Грейв был рад, что она не стала смаковать детали допроса, а отвлеклась на другую тему.

— Заставить меня выйти за него замуж. Ведь он велел вам меня украсть, да? И привезти ему?

— Замуж?! — Грейв посмотрел на нее ошеломленно. — Он хочет жениться на вас? На своей племяннице?!

Он опешил настолько, что позабыл о своем положении и попытался подняться. Кандалы не позволили ему, и он со злостью дернул руками, словно пытаясь разорвать их. Мягкая тонкая простыня, которую он поначалу принял за покрывало, сползла с его плеч, но поправить ее он не мог.

— Лежите смиренно, — в голосе леди Ройз прорезалась сталь. — Это в ваших же интересах.

Он затих и послушно положил разрывающуюся от боли голову на подушку, стараясь не потревожить рану. Красавица, ничуть не смутившись, поправила на нем простыню, укрыв его по самую шею.

— Увы, — продолжала она, разводя руками. — То, что я его племянница — не помеха.

— Но зачем это ему?

— Таким образом он решил узаконить узурпацию моего замка. Впрочем, — спохватилась она, — это вряд ли вам интересно. Отдыхайте.

— Отчего же, мне интересно, — поспешно возразил Грейв.

Слишком уж поспешно. Он и сам был удивлен, насколько сильное разочарование постигло его, когда он увидел, как красавица-леди поднимается с места, чтобы уйти.

Она обернулась и пытливо взглянула на него из-под полуопущенных ресниц.

— Что ж, тогда я расскажу, — легко согласилась она, возвращаясь на место.

Грейв был очень рад этому. Ему нравилось смотреть на нее. Нравилось ее слушать. Это отвлекало от боли.

— Мой отец, Робар Мортингер, был старшим сыном своего отца. К нему по праву

наследования перешел наш родовой замок Дрохенвальд. Моя мать рано умерла, а отец решил не жениться во второй раз, поэтому я осталась единственным его ребенком. Я должна была унаследовать и замок, и титул, но его брат тоже заявил права на наследство, мотивируя тем, что я женщина. Мне было лишь пятнадцать лет, и я не могла тягаться с ним, с моим взрослым и хитрым дядей. Теперь-то я знаю, что следовало подать прошение королю, чтобы он рассудил нашу тяжбу, но вместо этого... Вместо этого меня принудили выйти замуж.

— Принудили? — тихо переспросил Грейв, припоминая наполовину забытые слухи.

— Именно, — красавица холодно кивнула. — Принудили силой. Мой дядя... не погнушался ничем, чтобы вынудить меня подписать отказ от наследства.

— И вы подписали? — выдохнул Грейв.

— Нет, — леди Ройз гордо встряхнула головой, тут же поморщившись от боли. — Но я вынуждена была подчиниться его воле и выйти замуж — после смерти отца он стал моим опекуном и мог решать за меня.

Грейв жадно слушал, впитывая каждое слово.

— Этот замок, — леди Ройз неопределенно повела рукой вокруг себя, — принадлежал моему мужу. Но он умер, к сожалению или к счастью. Не знаю, слышали ли вы об этом.

— Кое-что слышал, — уклончиво ответил Грейв, продолжая вспоминать сплетни, рассказанные у костра. — Ваш муж умер сразу после свадьбы.

— Прямо на свадьбе, — уточнила женщина, бросив на него быстрый взгляд, в котором он впервые прочитал смущение. — Моей вины в этом нет.

— Я и не думал вас обвинять, миледи, — поспешил заверить ее Грейв. — И что же было дальше? Вас не устроило владение замком вашего мужа, и вы захотели вернуть себе замок своего отца? Но зачем?

— Странный вопрос, — леди Ройз изогнула красивую бровь. — Что лучше: быть сюзереном или вассалом?

— А королем — лучше, чем лордом земель, — хмыкнул Грейв, вновь облизывая сухие губы.

Леди Ройз бросила на него странный взгляд.

— Безусловно.

— Но даже король является божьим сюзереном, — продолжал насмехаться Грейв.

— Вы считаете меня слишком честолюбивой? — казалось, леди Ройз была оскорблена.

— Кто я, чтобы считать вас такой? — парировал Грейв.

— И то правда. Кто вы? — зацепилась за его вопрос красотка.

— Грейв, — он решил упустить свое липовое капитанское звание. — Наемник.

Она прошлась по его лицу и фигуре, скрытой под простыней, оценивающим взглядом.

— Не думаю, что это ваше настоящее имя. Вы не похожи на простолюдина.

— Отчего же? — Грейв вдруг почувствовал себя очень неудобно под взглядом этой леди.

Леди Ройз пожалала плечами.

— Я наблюдательна. Ваша выправка, умение сидеть в седле, ваш меч — ведь это дорогой фамильный меч руки известного мастера, не так ли? — и ваши глаза.

— Глаза? — на этот раз Грейв искренне изумился. — А что с ними не так?

— Слишком разумны — для простолюдина.

Некоторое время они смотрели друг на друга, не отрываясь. Грейв ожидал новых вопросов, но леди Ройз молчала, будто ответы, которых она так и не добилась, были не слишком важны. Наконец, она поднялась.

— Что ж, если вы больше ничего не хотите добавить, я все же вас оставлю.

— Что вы намерены делать дальше? — поспешил спросить ее Грейв, пока она не ушла.

— Вы имеете в виду — что я намерена делать с вами?

— Именно, — Грейв напрягся всем телом и замер в ожидании ответа.

Леди Ройз пожала плечами.

— Вам не кажется, что вы задаете мне слишком много вопросов, учитывая то, что сами не ответили ни на один?

Грейв стусеивался. Едва ли он мог рассчитывать, что любезная хозяйка замка станет и дальше откровенничать с ним.

— У вас будут еще какие-то просьбы, пожелания? — поинтересовалась она, соблюдая вежливость.

Грейв вновь облизнул сухие губы.

— Да, если можно... Я бы хотел выпить воды.

— Ох... — теперь на ее красивом лице Грейв заметил растерянность и искреннее смущение. — Простите, я должна была сразу предложить вам напиток.

Она на мгновение скрылась где-то за изголовьем кровати и вскоре опять села на стул, поднося к его разбитым губам глиняную кружку, в которой торчала соломинка. Грейв с трудом приподнялся на локтях — ему очень мешали кандалы и адская боль во всем теле — и жадно обхватил губами соломинку. Захлебываясь и откашливаясь, он за доли мгновения осушил кружку и неуверенно взглянул на леди Ройз.

— Еще? — участливо поинтересовалась она, поймав его взгляд.

— Если можно...

Она вновь наполнила кружку водой из кувшина, скрывшись за изголовьем его ложа, и вернулась к Грейву. На этот раз он пил не так жадно, небольшими глотками, растягивая удовольствие и перекачивая свежую, чистую воду во рту, чтобы хорошенько смягчить воспаленные губы и сухую глотку.

— Благодарю, — сказал он, поднимая на нее глаза.

Леди Ройз смотрела не на лицо, а куда-то ему в грудь, словно задумавшись о своем. От звука его голоса она вздрогнула и встретилась с ним взглядом.

— Я велю лекарю принести вам отвар, облегчающий боль... когда он освободится.

— Вы очень добры ко мне, леди Ройз, — давно забытые слова вежливости теперь лились из него сами собой.

— Ложитесь и постарайтесь уснуть. Не волнуйтесь, вы не останетесь в одиночестве — за вами будут присматривать.

Он осторожно лег, стараясь не кривить лицо и чувствуя, как от напряжения и боли на лбу выступают капельки пота. Леди Ройз вновь заботливо накрыла его простыней и тихо вышла из комнаты.

Когда за ней захлопнулась дверь, он почувствовал себя опустошенным.

Глава 3. Милосердие вместо виселицы

Гвен отчего-то не могла найти себе места в собственном замке. Учитывая обстоятельства, все сложилось довольно неплохо. Замок выстоял, каменщики срочно принялись заделывать дыру в крепостной стене — на этот раз как полагается; враги были повержены, а сама Гвен осталась жива.

Единственное, что мучило ее совесть, — войско потеряло убитыми около двух десятков храбрых солдат. Во дворе над телами павших героев голосили вдовы и дети, и Гвен вышла к ним, чтобы высказать свои соболезнования и слова утешения. Она посулила достойные выплаты семьям отважных бойцов, сложивших голову во имя защиты замка, но сама понимала, что утрату мужей, сыновей и братьев ничем не восполнить.

— Не нужны нам деньги! — возопила одна женщина, потрясая рукой над телом юного воина, вероятнее всего, ее сына. — Мы требуем возмездия!

— Господь бог велел нам всем проявлять милосердие... — начала было Гвен, но ее перебил хор возмущенных женских голосов.

— Мести! Мести! Казнить их! Повесить! — раздавалось повсюду.

К ней подступили стражники, видимо, опасаясь, что в нее полетят камни, но Гвен знаком велела им держаться в стороне. Она молчала, переводя взгляд с одного разгневанного и перекошенного болью утраты лица на другое, до тех пор, пока нестройный хор голосов не утих. Люди смотрели на нее выжидающе — и это были не только женщины, оплакивающие павших воинов. Во внутреннем дворе собрались все жители замка.

— Если вы хотите мести, вы выбрали не того сюзерена, — холодно молвила Гвен, понимая, что обрекает себя на людскую ненависть. — Я всегда говорила и говорю — вы вольны сами выбирать себе хозяина. Ваши отцы, мужья, сыновья положили свои головы за то, чтобы все мы остались живы. Они герои, и нет благодарности более той, что я испытываю к павшим воинам. Но так было и будет — мне служат лишь те, кто готов проявить свою верность и впустить в свое сердце милосердие.

Люди молчали, бросая на нее недружелюбные взгляды.

— Я буду судить преступников сама. Я выслушаю каждого и вынесу свое решение после суда. И вы примете мое решение, понравится вам оно или нет.

С этими словами Гвен развернулась и удалилась, пройдя по длинным коридорам замка в свою опочивальню.

Но заснуть она не смогла. Слишком много эмоций было в этот день: ужас, когда внутри замка началось сражение, внезапная безумная храбрость, побудившая ее сесть на коня и повести в бой своих солдат, страх смерти перед мечом огромного наемника, а потом... боль — и своя, и чужая, которую она видела в подземелье.

Она и сама не знала, что делать с командиром наемников. По закону их следовало повесить, всех до единого — и люди в этом были правы. Но она не могла так поступить. Не могла уподобиться остальным жестокосердным лордам. Ей хотелось мира на своей земле. Ей хотелось справедливости. Ей хотелось, чтобы люди, живущие на ее землях, были счастливы. И чтобы те, кто вздумает еще раз покуситься на ее замок, боялись не смерти. Она хотела бы, чтобы никто и мысли не допускал о том, что на Волчье Логово можно напасть.

Оставив надежды на сон, она облачилась в домашнее платье, взяла свечу и снова спустилась в подземелье. Отыскала утомленного лекаря, которому в этот день перепало

много работы — лечить от ран ее выживших солдат, лечить ее саму, лечить командира наемников... А теперь вот куча хлопот с самими наемниками. Старый лекарь посмотрел на нее с укоризной, но не сказал поперек ни единого слова. Гвен молча закатала рукава и принялась помогать его ученикам и монахиням, которые, не делая различий между праведниками и грешниками, безропотно ухаживали за ранеными.

Управились они далеко за полночь. Старого лекаря, который едва передвигался от усталости, увели под руки его помощники. Гвен убедилась, что все сделано, и лишь тогда снова поднялась в свои покои, с трудом удержавшись от того, чтобы не заглянуть к пленному наемнику.

Он чем-то привлекал ее, и она никак не могла объяснить, чем. Убеждала себя, что с ее стороны это простая человеческая признательность за то, что он не убил ее, хотя мог. Но в глубине души она понимала, что это неправда.

Ей хотелось не просто облегчить его участь — ей хотелось смотреть на него. Говорить с ним. Слушать его.

Она не могла даже понять, красив он или нет — настолько разбитым и опухшим было его лицо, особенно после того, как его покрыла широкая повязка, фиксирующая нос, но ей определенно нравились глаза. Светло-серые, пронизательные, в них отчетливо читался острый ум.

Ум — вот чего ей недоставало среди прислуживающих ей денно и ночью людей. Она почти не общалась с представителями своего круга, предпочитая добровольное заточение в собственном замке. Она слишком рано поняла, что каждый, у кого есть мало-мальская власть, будет стремиться использовать ее в собственных интересах. Плести интриги против других, звать ее замуж, чтобы укрепить собственное положение, а возможно, и взлететь до невиданных высот, учитывая ее происхождение.

Гвен вздохнула. Да, ей хотелось разговаривать с умным человеком. И Грейв определенно был таковым. Но как раз говорить-то он с ней не пожелал.

Она вздохнула еще раз, вызывая в памяти его образ. Стоило признать — ум был не единственным, что привлекло ее в нем. Он был отлично сложен: она рассматривала его тело и во время допроса, и тогда, когда ученики лекаря обмывали его, хотя сам лекарь был недоволен ее присутствием при этом действе. Обе его руки были развиты одинаково — неудивительно, если в одной он привык держать меч, а в другой молот. Плечи не перекошены и так широки, что латы ему, вероятно, приходилось делать на заказ. Его тело бугрилось мышцами, хотя и было поджарым — очевидно, ему не приходилось смаковать богатые яства на пирах, как ее толстопузому дядюшке.

Гвен смутилась от собственных мыслей, вспоминая, как ее взгляд блуждал по его широким плечам и мощной груди, покрытой старыми и свежими шрамами, когда он сбросил с себя простыню.

Ей нравилось даже то, что он предпочитал не отвечать на вопросы. Он не испугался палачей, готовый даже потерять глаз, а может быть и оба, но не выдать своего работодателя. Весьма странно для наемника — что ему терять после поражения? И даже когда она заговорила его ласковыми речами, он не поддался на ее провокации и не стал говорить ни о ее коварном дядюшке, ни о себе самом. Ее уважение к нему лишь росло, хотя его молчание и разожгло в ней истинное девичье любопытство.

Гвен повернулась на другой бок и подперла щеку ладонью. Что же ей делать с ним? Добиться признания и раскаяния она вряд ли сможет. Казнить вместе с остальными

разбойниками? Гвен вздохнула, вспоминая широкие плечи, разбитые губы, кривящиеся в усмешке, и умные, глубокие, спокойные глаза... вспоминая, как дрогнула его рука, занесенная над ней в пылу битвы. Поднимется ли теперь ее рука, чтобы отнять у него жизнь?

Отпустить? Гвен поерзала в своей постели.

А почему бы и нет? На повторный штурм замка он вряд ли решится — ей хотелось в это верить. Пусть идет к дядюшке с повинной и расскажет, что замок взять невозможно. Пусть дядюшка после этого попробует собрать людей, которые согласятся выступить против нее...

Хотя — что ему помешает заплатить новым наемникам? Ее замок был хорошо укреплен, и все же... этот Грейв сумел найти в нем слабое место.

Да, он умен. Было бы неплохо иметь его у себя на службе. Пусть бы вместо того, чтобы разбойничать и творить зло за деньги, использовал свой разум на благо ее замка.

Но согласится ли он?

Гвен снова перевернулась на другой бок.

Слишком уж много она о нем думает.

А завтра... ведь завтра можно его навестить?..

* * *

К ночи у Грейва началась лихорадка. Он знал это состояние. Нередко оно начиналось после боя, когда живая плоть оказывалась иссечена железом. Обычно озноб проходил через несколько дней, а при должном лечении и раньше, но он знал, что однажды это может закончиться скверно.

В эту ночь ему приснилась Кристина. Раньше она часто приходила к нему во снах. Иногда просто садилась рядом с ним, укладывала голову ему на плечо и тихо напевала колыбельную — ту самую, которую пела их маленьким детям. В такие ночи ему не хотелось просыпаться, а утром на него тяжким грузом наваливалась тоска, от которой сложно было избавиться.

Но чаще всего сны были иными. Она страдала и умирала на его глазах. Он видел ее отчаяние, слышал ее крики, изо всех сил стремился защитить ее, но ноги, как на беду, были скованы и неподвижны, а бесполезные руки искали и не находили в ножнах меч. Иногда и руки не чувствовались, словно их не было... И тогда он просыпался от собственного крика, в холодном поту, тайком от товарищей утирая скупые слезы.

Со временем Кристина стала приходить к нему все реже, порой вместе с детьми, и он разговаривал с ними. Но в последнее время даже во сне он понимал, что это не настоящее.

А этой ночью, после ранения, когда его измученное тело сотрясалось от горячечной дрожи и пылало разыгравшейся болью, его мозг породил странную грезу. Темно-каштановые кудри Кристины в его болезненном видении вдруг перемешались с золотистыми локонами леди Ройз, а сливово-черные глаза любимой женщины вдруг вспыхнули ярким изумрудным светом. В лихорадочном бреде два образа смешались воедино, слились в странном танце — одна кричала от страха и звала за собой, другая утешала, склоняясь над постелью и трогая прохладными пальцами пылающий жаром лоб.

Проснувшись утром и с помощью безмолвного прислужника утолив жажду горьким питьем, которое оставил для него лекарь, Грейв смутно понадеялся, что златовласая

красавица снова навестит его, ведь она так и не добила никаких признаний. Он даже поразмыслил над тем, в чем готов был ей уступить и что поведать, а чего не стал бы рассказывать ни при каких обстоятельствах.

Но она не пришла.

Еще один день и последовавшая за ним ночь стали для него сплошным кошмаром. Болела разбитая голова, болел сломанный нос, невыносимо зудели рваные ссадины, оставленные плетью на его теле, суставы ломило от разыгравшейся не на шутку лихорадки. Он грезил наяву: ему казалось, что он видит перед собой леди Ройз и пытается что-то ей сказать, но она исчезает, оставляя вместо себя расплывчатый образ Кристины.

Третья ночь измучила его окончательно, иссушив мозг тяжелыми видениями, в которых умирала от рук врагов Кристина, умирала от его собственной руки златовласая красавица в сияющих доспехах, умирал он сам — снова и снова корчась в муках, — и почему-то никак не мог умереть...

Днем он думал о ней и гнал от себя дурные мысли. Почему он вдруг решил, что она придет? Может, она уже и думать забыла о нем? Хотя нет, едва ли. Разве забудешь, что треть твоих солдат перебита, когда стенания вдов до сих пор слышны из распахнутых окон?

Быть может, она обдумывает, какую казнь выбрать для него и его выживших людей?

Об их судьбе он ничего не знал. Ни стража, ни прислужники не разговаривали с ним и не отвечали на его вопросы. Эта неизвестность и беспомощность была едва ли не хуже пыток в подземельях.

Чтобы хоть как-то отвлечься от боли и от навязчивых мыслей о своих людях и хозяйке замка, Грейв занимал себя тем, что пытался выбраться из оков. Не то чтобы он питал большие надежды, что ему удастся разжать толстые и добротнo склепанные соединительные звенья или выдрать кусок металла из остова лежака, к которому они были прикованы, но это было хоть какое-то занятие. Чем дальше, тем больше его бесило беспомощное положение, на которое его обрекли, неспособность сделать что-либо самостоятельно, даже почесаться, не говоря уж о прочих плотских нуждах.

Он уже готов был молиться, чтобы кто-нибудь пришел и сообщил ему, когда и как он будет казнен, лишь бы добиться хоть какой-то определенности.

В таком состоянии и застала его леди Ройз, когда он в очередной раз остервенело рвал оковы, а на самом деле попросту зря сдирал кожу с запястий.

Он поднял на нее глаза — и испытал новый прилив раздражения.

Вот дерьмо! Она опять видела его в унижительном положении, обездвиженным, неспособным с честью держать ответ за свои поступки...

А сама была красива и держалась с поистине королевским достоинством.

* * *

Она в течение нескольких дней не заходила в комнату, где выздоравливал после полученных ран наемник Грейв. Но ежедневно справлялась о его здоровье у лекаря, и тот охотно отвечал, радуясь, что леди не предпринимает попыток нарушать приличия и опекать раненых мятежников самостоятельно. От лекаря она знала, что трое суток Грейв провалялся в горячке, но сильный организм воина и правильно подобранные снадобья побороли ее, и теперь пленный пошел на поправку. Однако вместе с выздоровлением он стал проявлять

некоторую нервозность, крайне недовольный тем, что остается прикованным к постели.

В конце концов Гвен решила навесить его снова, многократно обдумав все, что собиралась ему сказать. У двери она немного замешкалась, отчего-то нервничая, и попыталась взять себя в руки. Уловила растерянный взгляд стражника, стоявшего на карауле, глубоко вздохнула, вежливо постучалась и, не дожидаясь приглашения, вошла внутрь.

Он выглядел совсем иначе. Накладки из глины, закрывающей нос, уже не было, отеки на лице практически сошли, из-за чего глаза были нормально открыты. От глубоких трещин на разбитых губах остались лишь тонкие следы, а лицо было гладко выбрито. К счастью, в этот раз он был одет в чистую тунику и до пояса накрыт простыней.

Гвен сразу поняла, о чем говорил лекарь, жалуясь на беспокойное поведение пленного: когда она вошла, он полулежал, опираясь на локоть, а над запястьем поверх оков был хорошо заметен ярко-красный след — очевидно, он продолжал с силой дергать руками, пытаясь освободиться.

— Разве так уж сложно полежать спокойно несколько дней? — с порога спросила она, мгновенно растеряв все свои тщательно заготовленные речи.

— Попробуйте полежать так хотя бы день, когда ни повернуться, ни согнуться, ни сесть толком не можешь, — злобно бросил он, отчаянно потянув на себя кандалы.

Мышцы под туникой вздулись от напряжения, а в раскрытом ворота отчетливо проступили выпуклые вены.

— Я не говорю уже о том, чтобы нормально пожать или посс...

Он осекся. Гвен молча вышла за дверь, велела стражнику отдать ей ключи от оков и так же молча отомкнула скобы кандалов одну за другой. Грейв наблюдал за ней с настороженным недоумением, но лишь только оказался на свободе, моментально вскочил с ложа и сделал несколько шагов в сторону окна, на ходу потирая содранные оковами запястья. Гвен показалось, что он тотчас же сиганет в распахнутое окно, но он остановился, оперся руками о каменный подоконник и глубоко вдохнул уличный воздух.

Она терпеливо наблюдала за ним, не выказывая страха, который, надо признать, закрался ей в душу, когда она так опрометчиво освободила его. Только ощутив его дикую мощь, она вспомнила, что этот человек её враг.

Но она умела бороться со страхом. Отец научил ее этому.

— Благодарю, — буркнул он, по-прежнему стоя у окна, но разворачиваясь к ней лицом.

— Так лучше?

— Намного.

— Теперь мы можем поговорить?

Он напрягся, как в первый раз, когда ожидал от нее неудобных вопросов.

— Давайте попробуем, — нехотя кивнул он и тут же поморщился от боли.

Гвен знала, что перед важным разговором собеседника желательно расположить к себе легкой беседой.

— Как вы себя чувствуете?

Но он смотрел настороженно, не теряя бдительности.

— Как в раю.

— Вас хорошо кормили?

— Будто свинью на убой.

— С вами хорошо обращались?

Он хмыкнул.

— Почти по-королевски. Особенно мне понравились кандалы. Но давайте уж сразу к делу, миледи.

Гвен вскинула бровь.

— Как угодно, милорд. Я предлагаю вам присягнуть мне и поступить на службу в Волчье Логово. Вам и вашим людям.

* * *

Грейв нахмурился, догадываясь, что леди пытается его одурачить. Он и без того чувствовал себя до крайности неловко из-за того, что накинулся на нее с жалобами, будто капризное дитя. Неудобства неудобствами, но ему не следовало забывать о том, что он пленник. И не какой-нибудь мелкий воришка, а опасный наемник, совершивший нападение на ее замок. Шутка ли — они с ребятами перебили около двух десятков хорошо обученных солдат!

Но вместо того чтобы рассердиться, бросить его в темницу или просто казнить, она сняла с него оковы и предложила ему служить ей. Сказать, что он был обескуражен — ничего не сказать. Что это может значить? Леди решила поиграть в Святую Деву и подкупить его своей простотой?

Нет уж, с ним этот фокус не пройдет.

— Не думаю, что это хорошая идея, — осторожно возразил Грейв.

— Что ж, — она, казалось, вовсе не расстроилась, чем опять удивила его, — тогда вы свободны.

В первое мгновение Грейв подумал, что ослышался.

— Что? — растерянно переспросил он.

— Вы свободны, — сказала невозмутимая леди Ройз и направилась к двери.

— Постойте, — сам не зная зачем, окликнул ее Грейв.

Она обернулась в ожидании.

— Что за игру вы ведете?

— Никакой игры. Я не хочу вас казнить. Я предложила вам службу, потому что мне нужны умные, смелые и преданные люди вроде вас. Но вы отказались... я не могу вас заставить. Умолять на коленях тоже не стану. Вы вправе сами решать, что для вас лучше. Хотите уйти — уходите. Ступайте к моему дядюшке Доннелу и скажите, чтобы прекратил попытки заполучить меня. Впрочем, можете к нему и не ходить — ваше право.

Она помолчала, явно удовлетворенная его замешательством.

— Вас и ваших людей выведут за ворота замка под стражей. Там вам отдадут оружие.

— И расстреляют из луков? — хмыкнул Грейв, отчаянно пытаясь найти логику в сумасбродных речах девчонки.

— Вы боитесь? — хмыкнула она так же язвительно, как и он.

Он смолчал, проглотив насмешку.

— Прощайте, капитан Грейв, — сказала она невозмутимо.

Одарив его напоследок взглядом изумрудных глаз, леди Ройз величественно удалилась.

* * *

Гвен стояла на полукруглой площадке просторного смотрового балкона между двумя сторожевыми башнями, с которой открывался вид на подъемный мост, и смотрела, как замковая стража выводит за ворота помилованных ею наемников. Их осталось в живых всего двадцать восемь из почти полусотни человек. Рядом с ней стоял старый лекарь. Всем телом она ощущала его недовольство... Впрочем, такое же недовольство сквозило во взглядах всей замковой челяди.

Её решения не понял и не принял никто. Гвен было горько осознавать, что впервые за пять лет ее управления Волчьим Логовом люди её не поддержали.

Как жаль, что рядом с ней нет ни единого человека, способного дать ей мудрый совет. Она, конечно, очень уважала и любила старого лекаря Филиппа — он опекал ее с младенчества, с тех самых пор, как умерла ее мать. Но его скучные закоснелые наставления, давно не вязавшиеся с реалиями нынешней жизни, последнее время очень тяготили её. Хотелось свежих идей, смелых решений... хотелось выделить свои владения среди других справедливым и мудрым управлением... Но у нее не было даже подруг ее круга, а служанки и дочери стюардов все как одна смотрели ей в рот и испытывали праведный ужас, когда она пыталась обсудить очередную из своих идей, которые верный Филипп именовал «безумными».

С высоты балкона ей была видна часть внутреннего двора, вся каменная площадка «загона», сам подъемный мост и огромные распаханые поля, изумрудные луга и дальше, к предгорьям — лес. Она видела, что командир наемников, называющий себя капитаном Грейвом, то и дело озирался по сторонам, изучая глазами балконы и смотровые площадки внутреннего двора замка, словно искал кого-то. Уголки губ Гвен слегка приподнялись в улыбке — она знала, кого он ищет. А в «загоне» его люди нервно оглядывались и смотрели вверх на крепостную стену, видимо, ожидая, что на них вот-вот полетят сотни стрел и бочки с кипящим маслом.

Лишь когда бывшие пленные достигли внешней части моста, капитан обернулся и посмотрел туда, где стояла Гвен. С такого расстояния она не могла видеть выражения его глаз и даже рассмотреть черты лица, но была абсолютно уверена, что он увидел её. Он замешкался, остановившись, и кто-то толкнул его в плечо, побуждая идти.

Когда небольшой отряд наемников, которым, как она и обещала, вернули оружие, скрылся из виду за валом, Гвен взглянула на старого лекаря. Выражение его лица было снисходительным.

— Они ушли, — зачем-то констатировал он, хотя это и так было очевидно. — Вы и вправду рассчитывали, что они присягнут вам и останутся в замке?

Гвен старательно изображала спокойствие и безмятежность.

— Они вернуться, — уверенно ответила она.

В глубине души она не была в этом убеждена, но очень не хотелось выдавать своего разочарования.

* * *

Грейв был угрюм и мрачен. В первый же вечер, когда его оставшиеся в живых немногочисленные соратники праздновали вокруг походных костров свое счастливое освобождение, Грейв не мог радоваться вместе с ними. Это было поражение со всех сторон,

как ни взгляни, несмотря на то, что их раны были залечены, сами они были сыты, остались при оружии и обрели вожделенную свободу.

Вместо пеньковых ошейников их снабдили вином, не столь великолепным, конечно, какое он пробовал в замке Мортингера, но весьма и весьма недурным, и его поредевшая команда наливалась им под самую завязку в ожидании подрумянивающейся на вертеле жирной свиной тушки и густого овощного варева в большом котле.

Первым делом они разыскали дозорных, которые остались дожидаться их с победой, охраняя обоз. Первая радость от того, что их вещи и деньги целы, омрачилась мыслью о том, что придется возвращать полученный и уже потраченный на закупку реквизита задаток.

— Чего такой невеселый? — хлопнул его по плечу подошедший Болтун. — Ты не рад, что твоя облезлая задница вырвалась на свободу?

Грейв поморщился и осторожно потер бок — от резких движений еще не сросшиеся ребра ощутимо болели.

— Осторожнее! Еще раз ударишь — полетишь в котел, для навара.

— Какая оса тебя ужалила? — удивился Болтун. — С нами не пьешь, молчишь, рожа недовольная. Все веселье портишь!

— А вам бы только надираться да веселиться.

— А с чего бы нам не веселиться?

— А с чего веселиться? — вдруг взорвался Грейв, вскакивая на ноги. — Замок мы не взяли!

— Ну, подумаешь... бывает, — осторожно заметил Чахотка. — Что ж теперь, убиться всем?

— Убитых у нас и так достаточно. Вам-то ничего, а мне придется снова идти к этому жирному лорду и возвращать задаток.

Он заметил, как вытянулись лица его людей.

— Возвращать? Ты спятил? — спросил Болтун.

— Мы не взяли замок, — терпеливо повторил Грейв.

— Да и хрен с ним! Пусть попробует погоняться за нами, чтобы забрать свои денежки, — хохотнул Проныра.

— Слово «честь» для тебя ничего не значит? — в голосе Грейва послышалась злоба.

Наступило молчание — каждый задумался о своем. Грейв был уверен, что вряд ли кто-то из его людей вспоминал о чести, став наемником. Скорей всего, все они, как и Болтун, считали, что капитан после удара по голове повредился умом.

Разрядил обстановку Зануда, который внезапно заныл о том, что у него слишком тонкая подстилка, и острые камни впиваются ему в бока.

— Хочешь вернуться на мягкие перинки в темницу? — лениво покусывая травинку, поддразнил его Ригер.

— А я был бы не против, — мечтательно поддержал Зануду Проныра, — в темницах леди Ройз тюфяки были мягче, чем в доме моей матери. И кормили там знатно. Гляньте — я даже слегка зажирел!

Проныра задрал выстиранную и заштопанную чьими-то заботливыми женскими руками тунику и ущипнул себя за действительно раздобревший бок.

Кто-то громко заржал, поперхнувшись вином.

— Еще бы, ведь твоя мать была шлюхой, и жила она в борделе, где родился и ты сам!

— И что? — огрызнулся Проныра. — Тот бордель, в котором я родился, поди, побогаче

королевского дворца будет.

— Так уж и богаче?!

— А ты бывал в королевском дворце?

— Хотите вернуться? Это можно устроить! — злобно бросил Грейв, исподлобья зыркнув на предателей. — Ваша обожаемая леди Ройз предлагала нам остаться у нее на службе.

У костров вновь воцарилось молчание: каждый по-своему переваривал услышанное. Даже Гик Стряпун, оставленный следить за истекавшей жиром тушкой на вертеле, от изумления умудрился прижарить ее самый аппетитный бочок.

— А почему ты нам не сказал? — нарушил тягостное молчание Болтун.

Грейв посмотрел на него, как на помешанного.

— Ты серьезно?!

Болтун почесал в затылке.

— Ну... вообще-то ты мог дать нам возможность выбора. Может, кто из нас и захотел бы пустить корни.

— За всех не говори, — хмуро возразил Ригер, — не всем по душе запрягаться в ярмо. Кое-кому, чтобы жить, нужна воля.

— И разбой, — ввернул кто-то с дерзким смешком.

Перебранки продолжались до позднего вечера, пока не подоспела жареная свинина и не заткнула всем рты. Упившись вином, братия улеглась спать, уже не разбирая, что кому впивается в бока, а Грейв все молчал, будучи не в состоянии выйти из глубокой задумчивости.

Его беспокоило и злило, что леди Ройз никак не хотела выходить у него из головы.

Глава 4. Возвращение

Лорд Мортингер был взбешен.

— Не получилось?! Что значит «не получилось»?! Вы ведь уже были в замке! Вы выполнили самую сложную часть задачи, вам оставалось только перебить стражников и закрепить победу! Вы что, сражаться не умеете?!

Грейв поморщился и тут же потерял все еще беспокоившую его переносицу.

— Умеем. Это моя ошибка. Я не ожидал, что леди Ройз выведет последний отряд сама.

— Вас одолела девчонка?! — Мортингер буквально впивался ногтями в резные подлокотники своего кресла-трона и брызгал слюной во все стороны.

— Не то чтобы одолела... Я собирался ее убить, еще не зная, кто скрывается за латами. Понял лишь в последний миг. Она лишь чудом не погибла от моего меча.

— Вы шутите?! Вы могли ее убить и трусились?!

— Я не мог ее убить, — удивленно возразил Грейв, — она ведь леди.

— Я же говорил вам, что не буду плакать в случае ее смерти! — кипятился дядюшка Мортингер. — Если этого было не избежать — надо было убить! Тогда бы и замок не замедлил пасть, без хозяйки-то!

Грейв молчал.

— И как же вы выбрались оттуда?! — Мортингер запустил короткие толстые пальцы в седую гриву и, соскочив со своего кресла, принялся расхаживать по кабинету. — Вы попали в плен и должны были быть казнены!

— Леди Ройз отпустила нас.

— Отпустила?! — Мортингер недоуменно уставился на Грейва. — Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал, — пожал плечами Грейв, — велела подлечить, накормить и отпустила восвояси. Даже оружие вернула.

— Подлая змея! — задыхаясь от ярости, прошипел лорд Мортингер.

Грейв нахмурился. Великодушная леди Ройз не заслуживала таких слов.

— Не стоит так говорить о вашей племяннице, лорд Мортингер. Она отличается необыкновенным милосердием.

— Она отравила и ваше сознание, капитан? — голос лорда весь сочился ядом. — Вы теперь тоже в нее влюблены, как и все остальные, кто пытался иметь с ней дело?

— Вы забываетесь, милорд, — Грейв начинал закипать от гнева. — Мне жаль, что не удалось выполнить ваш заказ. Я вернул вам задаток и считаю, что мы квиты.

— Квиты?! Вы должны вернуться туда и доделать работу!

— Вернуться?! — теперь уже Грейв вскипел не на шутку, вскакивая со своего стула. — Я потерял почти половину своих людей, да и остальные зализывают раны! Я взял на себя все затраты по подготовке к штурму, хотя они по уговору входили в ваши риски! Я вернул вам ваши деньги и принес извинения — чего еще вы от меня хотите?!

— Вы... Вы заплатите мне неустойку! — орал Мортингер, осознавая свое бессилие. — Я ослаблю вас на все Междуречье, как труса! Да что Междуречье — на весь мир! И вообще... Берегитесь, Грейв! Вы не единственный наемник на свете, а у меня долгая память!

— Как вам угодно, — сквозь зубы процедил Грейв, коротко кивнул и покинул кабинет лорда.

После долгой, изнуряющей августовской жары в Междуречье зарядили дожди. Грейв повел свой отряд на север, подальше от Дрохенвальда, чтобы попытаться счастья в Равнине. Так назывались обширные земли, граничащие с Междуречьем к северу от реки Благодатной. Однако непрекращающиеся дожди вынудили его искать укрытия: сырость достала его людей до печенок, вызывая все больше и больше недовольства. К счастью, на пути им попались руины древнего безымянного замка, сплошь поросшего мхом и густо заплетенного диким плющом. Похоже, он был заброшен долгие десятилетия, если не столетия назад, и вид имел весьма далекий от жилого. В надземной части замка крыша практически нигде не сохранилась, зато на его территории обнаружили подземелья — вероятнее всего, когда-то их использовали как хранилища припасов. А может, и как-то похуже, но Грейву не хотелось думать об этом после недавнего происшествия в темницах Волчьего Логова.

Остаткам его отряда пришлось подобно крысам бродить по воняющим сыростью подземным ходам, хлюпая размокшими сапогами по затхлой воде, пока наконец не обнаружилось сносное место, куда не доставала дождевая вода и где было относительно сухо и достаточно просторно, чтобы разместить их всех.

Дрова изрядно отсырели, но костер все же удалось развести.

Однако сырость, влажный заплесневелый хлеб в качестве обеда, мокрая одежда и могильный холод подземелий угнетали всех, а Грейва больше других.

Его хандра затянулась, и он не мог найти этому разумного оправдания. Давненько он не чувствовал себя так погано, пожалуй, с тех пор, как пережил личную трагедию, которую спрятал глубоко в сердце, закрыл дюжиной дверей и запер их на дюжину засовов.

После неудачного штурма Волчьего Логова заказов не было. Провиант заканчивался, да и денег надолго тоже не хватит. Люди роптали, не понимая куда и зачем идут.

— Мы больше не сможем заработать в Междуречье, — в который раз объяснял Грейв недовольным соратникам, — лорд Мортингер не стал бы бросать слов на ветер, а он обещал, что на его землях никто нам не заплатит даже ломаного гроша. Нам надо уходить дальше, в Равнину. А может, и в Зазимье. Тамошние лорды не слишком дружны со своим западным соседом, глядишь, и работёнка появится.

— Тащиться на север? — заныл Зануда. — Морозить там яйца?

— Было бы что морозить, — хохотнул Ригер.

Вокруг костра раздались жидкие смешки.

— До морозов еще далеко, — возразил Грейв, не чувствуя уверенности в собственных словах.

— Чем дальше на север — тем ближе морозы. Чем тебе здесь плохо? — поддержал Зануду Чахотка, чем немало удивил Грейва: их мнения редко совпадали.

Когда эти двое перестали быть в контрах?

— Ты оглох? — раздраженно огрызнулся Грейв. — В Междуречье работы не будет.

— Тебе уже предлагали работу, — подлил масла в огонь хитрый Проныра.

— В Волчьем Логове, поди, сейчас тепло, сытно и сухо, — мечтательно протянул Звездочет, закинув руки за голову и устремив взгляд в темноту замшелого свода вместо привычного звездного неба.

— Тошнит от вашего нытья, — в сердцах рыкнул Грейв, словно ему надавили на

больную мозоль.

Он злобно пнул полено, выпавшее из костра, и пошел подалее от остальных по противному узкому коридору, где под ногами что-то омерзительно хрустело, с потолка что-то постоянно сыпалось, а в темных углах слышался подозрительный писк.

Как бы он ни хотел выкинуть из головы леди Ройз, она немедленно возвращалась обратно в его мысли, едва он переставал себя контролировать.

Помимо угрызений совести, его одолевала смутная тревога. Лорд Мортингер слыл злопамятным малым. Если уж он положил глаз на племянницу и ее земли, то добьется своего, рано или поздно. А защита ее замка ослаблена: как-никак, она потеряла треть своего войска.

И она слишком доверчива.

Почему Мортингер так ненавидит ее? Неужели действительно боится, что она оспорит его права на замок брата? При всей симпатии к леди Ройз, Грейв в этом сомневался. Насколько ему было известно, подобные тяжбы, дошедшие до королевского суда, редко заканчивались в пользу женщины. Современное общество не благоволит к слабым созданиям, считая, что женщина должна быть поддержкой и опорой мужчине, должна уметь управляться с хозяйством, обеспечивать нужды, но не способна грамотно вести дела в земельных владениях, поддерживать правильные отношения с соседями и, тем более, заниматься обороной замка.

И все же у Мортингера были причины не любить свою племянницу. Его желание жениться на ней хоть и казалось нелепым, но не выходило за допустимые рамки приличий. Женитьба на наследнице своего брата действительно обеспечила бы ему гарантированное право владения Дрохенвальдом и дополнила бы их Волчьим Логовом, поскольку покойный лорд Ройз не оставил после себя наследников. Тогда почему Мортингер так разозлился из-за того, что Грейв не убил ее? Смерть Гвендолин оставляла за ним Дрохенвальд, но автоматически лишала его прав на замок Ройза.

Что-то не сходилось в логических размышлениях Грейва, и это беспокоило его все больше.

А также тревожили намеки Мортингера на то, что он не остановится перед своей целью.

Ночью, дрожа от холода в непросохшей одежде и слушая зычный храп своих товарищей, он думал о Гвендолин. Вызывал в памяти ее лицо — прекрасное, молочно-белое, с легким, едва заметным румянцем, её изумрудные глаза, излучающие величавое спокойствие, рассыпавшиеся по хрупким плечам волны золотистых волос, шелковым водопадом стекающие ниже талии...

Почему, собственно, он отказался остаться в замке? Что он терял? Вот эту призрачную свободу? Свободу, дающую возможность гнить в вонючих канавах, жрать плесневелый хлеб и пойманных под ногами крыс? Свободу бездумно убивать за деньги по указке людей, к которым не испытываешь ничего, кроме презрения?

Глупец. Тщеславный глупец.

Он перевернулся на другой бок, подставляя затухающему костру исходящую смердящим паром спину, и воображение тут же нарисовало ему огромное войско на подступах к одинокой крепости. Он ясно видел осадные орудия, мощные тараны, требушеты и лестницы с крюками... и огромную массу закованных в латы рыцарей, черной океанской волной наползающих на древние стены. И посреди всего этого хаоса огня, железа и смерти на

смотровой площадке стояла невысокая беззащитная фигурка со вскинутыми к небу руками, молящая богов о милосердии.

«Дрейк! — кричала Гвендолин Ройз голосом Кристины. — Помоги мне!»

Грейв вскочил со своего места, как ужаленный, напугав часового, который чуть не свалился в костер от неожиданности.

— Ложись спать, — Грейв запустил пятерню в свои спутанные волосы и кивнул часовому в сторону своего места,

— я подежурю... что-то не могу заснуть.

А утром, когда все проснулись и набили животы похлебкой из плесневелого ячменя, Грейв негромко сказал:

— Я возвращаюсь в Волчье Логово. Кто со мной?

* * *

Гвен очень старалась скрыть волнение, готовясь принять в своем кабинете капитана наемников. После их ухода она ждала больше недели — и все это время капитан Грейв не выходил у нее из головы. Почему-то ей казалось, что в тот момент, когда они посмотрели друг другу в глаза, между ними установилась незримая связь, которая должна была удержать его возле нее.

Однако он ушел — и это было ее первое разочарование.

Второе постигло ее к исходу второй недели ожиданий: он не вернулся.

Когда же она почти смирилась с тем, что ее старый лекарь оказался прав, а она ошиблась, ей внезапно доложили, что наемники вернулись. Их задержали у ворот, и они безропотно сложили оружие, а их предводитель смиренно просил аудиенции леди Ройз.

Как же возликовала ее душа! Нечасто ей доводилось волноваться так, что дыхание сбивалось, сердце учащенно колотилось в груди, а щеки жгло терпким жаром. Лекарь Филипп, глядя на нее, неодобрительно хмурил почти безволосые брови и жевал старческими сморщенными губами.

— Вы опять поступаете безрассудно, миледи. Однажды вместо виселицы вы даровали этим разбойникам свободу, а теперь они вернулись. Вам следует гнать их в шею, и подальше отсюда!

— У меня на них другие планы, Филипп, — стараясь унять волнение и дрожь в голосе, ответила Гвен.

— Планы? — Филипп нахмурился пуще прежнего. — А почему это вы так зарделись, миледи?

— В кабинете душно, — Гвен опять почувствовала к своему старому верному другу легкую неприязнь.

Ах, Филипп... Милый, добрый, старый Филипп... Ведь он действительно печется об интересах Гвен, его послушной маленькой девочки, которую буквально вырастил с пеленок.

Но она больше не маленькая, и сейчас он ей мешает. Он никогда не сможет понять ту бурю чувств, которая разбушевалась у нее в душе. Он никогда не сможет разделить ее радость.

Радость от того, что она победила. Радость от того, что капитан Грейв сейчас придет говорить с ней. Радость от того, что он будет просить ее принять их на службу... от того, что

он присягнет ей.

Нет, Филипп не должен присутствовать при ее разговоре с Грейвом.

Никто не должен.

— И что же это за планы, позвольте узнать? — не унимался Филипп.

— Они поступят ко мне на службу.

— Дитя мое, — вместо гнева на лице Филиппа отобразились мольба и отчаяние, — вы не понимаете, что делаете! Разбойники — на службу в замок? Вы хотите, чтобы это отребье встало в ряды вашей стражи бок о бок с прославленными рыцарями?

— Это отребье перебило почти два десятка моих лучших бойцов. Значит, не такие уж они и никчемные, — жестко возразила Гвен, чувствуя, как к ней начинает возвращаться самообладание, а волнение отступает куда-то глубоко.

— А разве вас не тревожит, что когда вы поставите врагов рядом друг с другом, в рядах наших воинов больше не будет мира и согласия? Их же ненавидят! Как вы собираетесь преодолеть эту ненависть?

Гвен пожала плечами.

— Меня это не тревожит — это должно быть их заботой. Кто не справится — уйдет.

— Уйдет... — лекарь Филипп горько покачал головой. — Или, может быть, их одного за другим будут находить во рву с перерезанным горлом. Ваши люди не отступятся от жажды мести!

Гвен нахмурилась, твердо решив прекратить перебранку со старым лекарем.

— Пусть попробуют. Я не жестока, но не потерплю неповиновения в своем собственном замке. А теперь ступайте, Филипп, я должна подготовиться ко встрече.

— Как?! — старый лекарь выглядел ошеломленным. — Вы меня гоните?

— Называйте это как угодно, мой друг. Но с капитаном я буду говорить одна.

Сморщенный рот несчастного лекаря несколько раз дернулся, складываясь в неровную букву «О», но он поджал губы, запахнул на плече свое сползшее бесформенное одеяние и с достоинством поклонился.

— Как пожелаете, моя госпожа.

Филипп удалился со всей гордостью, на которую был способен, невзирая на свою разбитую подагрой ногу, которую он слегка подволакивал. Но Гвен не сомневалась, что там, за дверью, он тут же велит Майлзу Кроу, начальнику ее личной стражи, усилить охрану возле ее кабинета.

Оставшись одна, Гвен вновь почувствовала легкое волнение, но оно было странно приятным. Подойдя к окну, она распахнула ставни пошире, впуская теплый, напоенный недавними дождями воздух, а затем велела страже впустить наемника.

* * *

Дожидааясь аудиенции, Грейв едва ощутимо нервничал, и это ему опять не нравилось. Он усиленно пытался себя убедить, что на его решение повлиял лишь здравый смысл. Ведь с какой стороны ни посмотри, служба в замке всем лучше, чем бродяжничество по чужим, порою враждебным землям в поисках сомнительной работы.

Утром того дня, когда они снимались с лагеря на подходах к замку, Грейв основательно вымылся в узком быстроводном притоке реки Жемчужной, по обыкновению тщательно

вычистил зубы кусочками дубовой коры, к чему его с детства приучил лекарь и благодаря чему они до сих пор были белыми и крепкими, вымыл и хорошенько расчесал гребнем волосы, которые уже давно было бы неплохо показать цирюльнику, тщательно побрился острым лезвием кинжала и натянул на себя с вечера выстиранную и высохшую за ночь одежду.

Одежда, правда, была слегка влажной, но по крайней мере, больше не воняла дымом, сыростью и многодневным потом — конским и его собственным.

Приводя себя в порядок перед встречей с леди, он вдруг явственно ощутил, насколько сильно его нынешний облик отличается от того, прежнего... Тогда он был гордым и даже несколько тщеславным: он никогда бы не надел плохо сшитой одежды, никогда бы не довольствовался плохо подогнанными доспехами, которые его оруженосцы полировали ежедневно и старательно, никогда бы не сел верхом на коня, если он был не самой лучшей породы и не стоил ему целого мешка денег... И его меч — как верно подметила леди Ройз — был выкован самым лучшим мастером из стали высочайшего качества. Свой меч, в отличие от одежды, доспехов и коня, он не доверял никому. О, как он гордился собой, когда побеждал в битвах! Большею частью эти битвы случались на турнирных ристалищах, где он мастерски бил и копьем, и мечом, но случались и настоящие войны, которые закалили его, сделали сильным, научили быстроте и смекалке.

Грейв усмехнулся, вспоминая себя — юного, горячего, бесстрашного.

Любовь изменила его. Поумерила гордость, сделала мягче, успокоила кровь, вечно жаждущую битв, заставила его пожертвовать тем, чем он отчаянно дорожил прежде.

А потом...

А потом ему стало все равно. Все равно, что он носит, где спит, что ест и пьет. Ему было все равно, чью землю он топчет и что за люди его окружают. Он научился пить дерьмовую брагу вместо хорошего вина, научился спать на холодной земле вместо чистой постели, научился общаться с людьми, которых прежде презирал.

Жить. Надо было жить, провалилась бы она в пекло, эта жизнь... Он убеждал себя, что для выживания ему нужны деньги, поэтому начал наниматься на временную службу к лордам и землевладельцам, что попадались ему на пути. Но и в деньгах он не находил счастья, расставаясь с ними так же легко, как и зарабатывая. Как-то незаметно для самого себя сколотил отряд, следовавший за ним повсюду.

Который и сейчас последовал за своим капитаном.

Почему же он нервничал?

Увидев его, Дэн Болтун поперхнулся брагой и громко заржал:

— Ты никак жениться собрался, капитан?

Грейв нахмурился.

— Пасть закрой.

— Да и вправду, наш капитан теперь жених хоть куда, — как всегда, подзуживал красавчик Проныра, хитро прищунив болотно-зеленые глаза. — Я в печали — таким-то франтом отобьешь у меня всех замковых красоток.

— Я сегодня должен предстать перед благородной леди, — почему-то принялся оправдываться Грейв, — мне надо продать себя и вас всех. Не могу же я показаться перед ней оборванцем! Да и вам не мешало бы помыться — вонь от вас за версту слышать.

— Что-то прежде наша вонь тебя не слишком заботила, — осторожно подметил Ригер.

— А теперь заботит, — огрызнулся Грейв. — Вы идете наниматься на службу в замок,

значит, придется забыть, что прежде жили как помойные крысы.

Он обвел угрюмым взглядом своих притихших соратников.

— Кто не согласен — еще не поздно повернуть назад, — бросил он и ушел седлать коня.

Поразмыслив, доспехи решил не надевать. В конце концов, сражаться он сегодня не собирался. И подумал, что стража леди Ройз не станет поднимать его на копья у самых ворот.

Так и вышло.

Недружелюбные рыцари, вооруженные до зубов и облаченные в боевые доспехи, забрали у него оружие, проводили ко входу в Главный Замок и оставили дожидаться решения хозяйки в компании стражников.

Когда же его пригласили в кабинет, он вдруг занервничал еще сильнее. Ладони вспотели, несмотря на то, что перчаток он сегодня решил не надевать, сердце гулко забилося за грудиной, отдаваясь шумом в ушах, а легким вдруг стало недоставать воздуха.

Он открыл дверь и увидел ее.

Глава 5. Тайные желания

Когда капитан Грейв вошел в ее кабинет, Гвен все так же стояла у окна, делая вид, что увлеклась простирившимся перед глазами видом. А затем обернулась с величайшим достоинством, будто бы сущая мелочь отвлекла ее от чего-то важного, и сразу же встретилась с серыми глазами Грейва, которые так необъяснимо понравились ей с первого взгляда.

— Миледи, — он сделал несколько шагов к ней и неуверенно остановился на почтительном расстоянии.

А затем опустился на одно колено и склонил голову.

— Прошу вас, встаньте, капитан, — мягко сказала она. — Рада снова приветствовать вас в своем скромном замке. Что привело вас сюда на этот раз?

Он поднялся, и Гвен в очередной раз удивилась его высокому росту и широким плечам. Ей вспомнилось, как лекарь Филипп говорил, что телосложением капитан походил на северянина, и любопытство относительно его происхождения до сих пор не давало ей покоя. Левую бровь, захватывая часть лба и спускаясь на скулу, пересекал старый шрам — она помнила его еще с тех пор, как он лежал беспомощный, прикованный к кровати, после неудавшегося штурма замка. Но его свежие шрамы и ссадины зажили, даже нос, хоть и кривоватый, с характерной горбинкой, сросся и выглядел гораздо лучше, чем в день их расставания.

Капитан хрипло кашлянул, словно горло до сих пор саднило, и переступил с ноги на ногу. Его правая рука инстинктивно дернулась к поясу, где обычно у рыцарей находятся ножны — ему было непривычно не чувствовать тяжести меча и знакомой гладкости его рукояти.

— Я... э-э-э...

— Надеюсь, вы вернулись не с той же целью, что и в прошлый раз, и не станете вновь принуждать меня сдаться? — она придала голосу оттенок легкой игривости и приветливо улыбнулась.

— Я... нет, я... кхм... Когда мы виделись в последний раз, вы предлагали мне и моим людям поступить к вам на службу.

— Я помню, что предлагала. Но также помню, что вы отказались.

Он чувствовал себя до крайности неловко, особенно после ее слов — она видела это. На короткое мгновение даже слегка испугалась, что в нем снова разыграется гордость, он вздернет голову, холодно попросается и уйдет, так и не сказав, зачем вернулся. Но он лишь судорожно сглотнул и хрипло ответил:

— Я передумал. Могу ли я надеяться вернуть вашу благосклонность?

Гвен плавным движением отодвинулась от окна, медленно и грациозно подошла к большому деревянному столу, за которым обычно занималась делами, встала перед ним, повернувшись лицом к Грейву и положила руки на столешницу. Он внимательно, не шевелясь, следил за ее перемещениями и ждал ответа.

— Все говорят, что у меня мягкое сердце. Я всегда готова дать второй шанс тому, кто об этом попросит. А кроме того, я действительно нуждаюсь в верных людях, капитан Грейв. С нашей прошлой встречи ничего не изменилось. У меня есть цель — да, честолюбивая цель, не скрою, — создать собственное войско, способное не только противостоять нападениям,

но и устрашить любого, кто вздумает пойти на меня войной.

Она сделала паузу, чтобы дать Грейву возможность высказаться, если он того пожелает. Но он молчал, ничем не выдавая своих мыслей.

— Вы готовы помочь мне, капитан Грейв? — она постаралась, чтобы её голос звучал как можно мягче, надеясь этим подкупить его.

— Я готов сделать все, что вы пожелаете, миледи, — ответил он, не сводя с нее глаз.

— Превосходно, — улыбнулась она. — Тогда присягните мне на верность, и пусть ваши люди сделают то же самое.

Гвен ожидала, что после ее слов капитан снова встанет на колени и склонит голову, готовый немедленно произнести слова клятвы, и уже хотела было окликнуть стражников, чтобы вернули ему меч, но... вместо этого увидела в его серых глазах легкий испуг. Это ее озадачило.

— Присягнуть?.. — растерянно переспросил он. — Но... миледи... нельзя ли обойтись без этого?

Брови Гвен удивленно поползли вверх, а легкая улыбка погасла на ее лице.

— Вы не хотите? Тогда как же вы собирались служить мне?

— Ну... как... кхм... э-э-э...

— Как наемник? — догадалась она и грустно улыбнулась. — Который будет мне верен лишь до тех пор, пока его будет устраивать плата? И с легкостью сменит хозяина, если кто-то заплатит больше?

— Я не сменю хозяина, — вдруг твердо сказал Грейв, враз лишившись хрипоты и неуверенности в голосе, — даже если вы вообще не будете платить мне. Я обязан вам жизнью и останусь верен вам до конца своих дней, миледи. Но я не могу присягнуть вам. Простите меня.

— Почему? — вырвалось у Гвен.

Она действительно не понимала, и его странный отказ огорчал ее.

Он молчал, плотно сжав слегка побелевшие губы. Внезапная догадка осенила ее, и она снова не удержалась от вопроса:

— Вы уже присягнули кому-то?

Его губы шевельнулись, но ответ она услышала не сразу:

— Да. Это было давно.

— И вы до сих пор... — она сглотнула, боясь произнести эти слова, — связаны присягой?

— Я... нет, я... уже никому ничего не должен. Однако присяга моя сыграла со мной злую шутку. И с тех пор я поклялся... самому себе...

У Гвен немного отлегло от сердца.

— Понимаю, — сказала она в своей обычной мягкой манере, хотя ровным счетом ничего не понимала.

Но ей не хотелось спугнуть его, хоть он и расстроил ее своим отказом. Она рискнула подойти к нему — медленно, плавно, размеренным шагом.

Остановилась прямо перед ним, слегка запрокинув лицо, чтобы смотреть ему в глаза... ей показалось, будто он вздохнул, но так и не услышала выдоха. В нем действительно чувствовалась опасность. Высокий, мощный, широкоплечий, с большими сильными руками, загрубевшим и обветренным лицом, покрытым шрамами, уверенно стоящий на длинных крепких ногах — он был именно таким человеком, который мог как устрашать врагов, так и

вести за собой союзников.

— Хорошо. Мои люди сочтут это глупостью с моей стороны... Но я готова уступить вам и здесь. По крайней мере, пока, — сказал Гвен.

И тут же добавила с легкими металлическими нотками в голосе:

— Но должна предупредить — я не потерплю предательства и неповиновения. Мне нужны верность и преданность. К предателям я беспощадна.

Она наконец-то услышала выдох. В ответ на её слова Грейв криво усмехнулся:

— Сложно представить вас беспощадной.

— Уверяю вас, это так. Я отпустила ваш отряд потому, что вы не имели передо мной никаких обязательств. Но теперь...

— Вам не стоит беспокоиться, миледи, — поспешил заверить ее капитан. — Наши мечи будут служить вам верой и правдой, а наши сердца будут преданы вам. За своих людей я ручаюсь — они присягнут вам без раздумий.

— Мне нужна армия, Грейв, — напомнила ему Гвен, — армия. Вы способны вербовать и обучать людей?

— Безусловно, — отчеканил он, глядя на нее сверху вниз.

— Хорошо. Вы приняты на службу. К вечеру мои люди приготовят всё необходимое для проведения церемонии присяги.

— Благодарю вас, миледи, — выдохнул Грейв и вновь опустился перед ней на одно колено.

Гвен слегка растерялась и отступила на шаг, но капитан поймал ее руку и прижал к своим губам.

«Очень по-рыцарски, — удовлетворенно отметила про себя Гвен, — сколько же ещё сюрпризов в нем скрыто?»

* * *

Грейв гнал своего коня во весь опор, чтобы успеть попасть в Волчье Логово до захода солнца. Если он успеет, то наверняка получит желанную награду — аудиенцию с леди Ройз.

Болтун и Ригер, которых он брал с собой для подмоги, едва поспевали за ним, и Грейв спиной чувствовал их явное недовольство. Он не мог их винить — в конце концов, он знал, ради чего загонял свою несчастную лошадь, а они... Они просто не понимали, какая вожжа попала под хвост их капитану.

Последний месяц они провели в сплошных разъездах, кочуя от одного землевладения к другому и занимаясь вербовкой людей. Это было нелегкой и не совсем приятной задачей, но Грейв считал, что справился с честью, сумев набрать более трех десятков подписей добровольцев. Все они в течение месяца должны были прибыть в Волчье Логово.

Этого, конечно, мало. Но пока он был в дороге, у него появилась мысль, как можно собрать гораздо больше людей для будущей армии леди Ройз, и ему не терпелось обсудить это с ней. И, конечно же, просто увидеть её.

Еще в первые недели после их поступления на службу между ними установилось правило: вечером, на исходе дня, Грейв обязан был приходить к леди на доклад о том, как прошел день, какие были достигнуты успехи в обучении новобранцев, что отработывалось на тренировках замкового войска, прочие учебные маневры и планы на следующий день.

Он всегда ждал этих встреч с внутренним трепетом, поэтому какими бы событиями ни был наполнен каждый день, он неизменно был в хорошем настроении, предвкушая будущую встречу. И покидал кабинет леди Ройз окрыленным, медленно и с наслаждением перебирая в памяти каждую черту красивого лица, которую успели запечатлеть его внимательные глаза.

Но затем ему пришлось отлучиться, чтобы выполнить задание, которое уже давно поставила перед ним хозяйка. Целый месяц — это слишком долго. Слишком долго и мучительно не видеть ее столько времени. Когда на горизонте показались верхушки сторожевых башен замка, перед глазами Грейва снова всплыл желанный образ, заставляющий его мчаться галопом вперед, не разбирая дороги.

Лошади были все в мыле и жалобно храпели, когда всадники прибыли в замок. Ригер и Болтун валились с ног, жалуясь на боль в спине и держась за отбитые в дикой скачке задницы; Грейв же, бросив поводья оруженосцу, попросил доложить о его приезде леди Гвендолин и отправился напрямик в замковую баню, чтобы хорошенько вымыться с дороги и привести себя в порядок.

Не прошло и часа, как он уже преклонил колено перед прекрасной леди, с трудом заставляя себя склонить голову, чтобы в первые же минуты не сожрать хозяйку ненасытными глазами.

— Рада вас видеть, капитан, — мелодичным голосом приветствовала его Гвен, протягивая руку для поцелуя.

Он с трепетом взял ее тонкие пальцы и прикоснулся к запястью губами. Вдохнул знакомый аромат, круживший ему голову, когда он склонялся к ней для поцелуя. Каждый раз в этот момент ему хотелось остановить время, чтобы насладиться ее запахом и ощущением нежной кожи у своих губ, но каждый раз она мягко и уверенно отдергивала руку, едва поцелуй начинал переходить границы формальности.

— Я тоже очень рад этому, леди Ройз, — ответил он и поднялся, впиваясь глазами в ее прелестное лицо.

Он скучал по ней в долгой разлуке и теперь никак не мог насытиться созерцанием милых черт.

Волосы она чаще всего носила распущенными, но сегодня они были заплетены в косы и уложены замысловатыми узорами вокруг головы, частично спускаясь на спину и грудь. Грейву нравилась ее прическа, но... он все же предпочитал свободно струящийся по ее плечам водопад золотистого шелка. Так она казалась ему хрупкой и трогательной, словно трепетная юная дева, вышедшая напрямик из рыцарских баллад.

Сейчас же перед ним сидела величественная знатная леди, своей красотой, манерой держаться и внутренним достоинством не уступавшая даже королеве в годы ее молодости.

— Какие новости вы привезли мне, Грейв? — она приступила сразу к делу, жестом указав ему на кресло.

Сама же села не во главе стола, как обычно, а напротив Грейва — в такое же кресло для посетителей. Грейв сглотнул, наблюдая, как изящные пальцы расправляют на коленях складки тяжелого платья, и ответил:

— Обнадеживающие. Я собрал больше трех десятков добровольцев. Конечно, кто-то из них еще передумает, но некоторые, я надеюсь, приведут с собой друзей.

— Это радует, — кивнула леди Ройз, лаская приветливым взглядом его лицо, — но этого мало.

— Знаю, — согласился с ней Грейв. — Объехать все королевство в поисках людей — занятие долгое и хлопотное. Боюсь, нам понадобится не менее года, чтобы достигнуть желаемых результатов.

Леди Гвендолин слегка сдвинула изогнутые изящной дугой брови. Грейв мог бы смотреть на легкие, едва уловимые движения ее бровей целую вечность.

— Что вы предлагаете?

Грейв заглянул в красивые глаза, подернутые весенней зеленью, и забыл, что хотел сказать.

— Э-э-э...

Леди Ройз смотрела на него, терпеливо дожидаясь более внятного ответа, и в конце концов ободряюще улыбнулась. Грейв почувствовал себя полным дураком. Какое счастье, что его лицо настолько загорело, что уже просто неспособно покрываться краской от смущения!

— Э-э-э... турнир, — выдохнул он.

— Турнир? — тонкие брови взметнулись вверх, и взгляд Грейва зачарованно проследил за ними, на миг отрываясь от прекрасных глаз.

— Да. Турнир. Я думаю, это отличный повод. Надо разослать весть о грядущем турнире во все королевские земли, и рыцари, желающие попытать удачи, стекутся к нам рекой. На турнире мы и объявим о том, что набираем для вас армию. Поверьте, участвовать захотят многие — быть может, и сотни рыцарей! Я думаю, месяца нам хватит, чтобы его подготовить.

— Давненько в королевстве не проводились турниры, — задумчиво произнесла Гвен, скользя по нему взглядом.

Грейв судорожно сглотнул.

— Это из-за недавней чумы, миледи. Оставшиеся в живых люди долго восстанавливали свои силы и здоровье после нашествия «черной смерти».

Леди Ройз передернула хрупкими плечами. Сегодня она была в закрытом платье, чем слегка разочаровала его. В жаркие дни она обычно предпочитала носить декольтированные наряды с открытыми плечами, позволявшие его жадному взгляду увидеть ровно столько, чтобы разгулялось богатое воображение. Но с приходом осени жара спала, и вечерами по замку распространялась приятная октябрьская прохлада.

Грейв вздохнул, украдкой рассматривая то, что было доступно взгляду: точеную длинную шею и маленькую ушную раковину, которую сегодня можно было рассмотреть из-за собранных в прическу волос.

Их неторопливую беседу вдруг прервал негромкий стук в дверь.

— Прошу прощения, миледи, — в приоткрывшемся дверном проеме возникла голова личного писаря Гвендолин, — прибыл гонец с посланием.

— От кого?

— Говорит, от лорда Эксбери.

— Что-то срочное? — нахмурилась леди Ройз.

— Не могу знать, миледи, — растерянно пробормотал писарь. — Оно запечатано, я не посмел...

— Давай сюда.

Писарь услужливо положил сложенный аккуратным четырехугольником листок с круглой восковой печатью посередине и почтительно удалился.

Леди Ройз нетерпеливо взломала печать и пробежалась глазами по убористым строчкам. С расстояния, на котором сидел Грейв, невозможно было распознать ни единого слова. Дочитав до конца, она хмыкнула и бросила письмо на стол. Грейв сгорал от любопытства — что там могло быть написано? Впрочем, судя по её реакции, ничего хорошего ожидать не приходилось. Наверняка одно из тех самых предложений руки и сердца, которыми чуть ли не ежедневно засыпали ее рыцари и лорды самого разнообразного происхождения и достоинства.

Подумав об этом, Грейв помрачнел и бросил взгляд на лежащее на столе письмо. Лорд Эксбери? Он знал этого напыщенного и разжиревшего от безделья лордика. Неказистый, с мутными водянистыми глазками, с рожей, сплошь усыпанной бородавками, к тому же, старше Гвен раза в два, если не больше. Грейв наморщил лоб, пытаясь вспомнить, был ли лорд Эксбери женат. Ему казалось, что да, но в последние годы многое поменялось: чума унесла тысячи жизней. Не пожалела даже королевскую семью, беспощадно лишив короля и королеву на склоне лет всех троих наследников.

Гвендолин проследила глазами его взгляд и снова усмехнулась. Однако не пожелала сообщить ему о содержании письма, а спросить напрямую, нарушив приличия, он не посмел.

— Мне нравится ваше предложение, — вдруг прервала затянувшееся молчание Ройз. — Турнир... Да! Я разошлю приглашения всем лордам нашего королевства. Мы устроим смотр не только для вольных рыцарей. Заодно я собственными глазами увижу, что представляют из себя все эти лорды, мечтающие заполучить меня в жены. Положение и древность рода, конечно, весьма значимы, но не хотелось бы в один прекрасный день очутиться замужем за какой-нибудь старой толстой жабой вроде моего дядюшки.

Настроение Грейва при этих словах испортилось окончательно.

— Да, миледи, — сухо сказал он, больше не глядя ей в лицо: теперь он старался смотреть в окно за ее плечом.

— Что с вами, Грейв? Отчего вы так помрачнели? — непринужденно спросила Гвендолин своим самым медовым голосом.

— Вам показалось, миледи. Просто устал с дороги.

— Ах... верно, простите, — леди Ройз грациозно поднялась со своего кресла, и Грейв не замедлил вскочить со своего. — Конечно же, вы устали, а я продолжаю утомлять вас пустыми разговорами.

— Вы меня вовсе не...

— Увидимся завтра, когда вы отдохнете, капитан, — прервала его Гвендолин и одарила самой благожелательной из своих улыбок.

* * *

После ухода Грейва Гвен еще некоторое время в задумчивости стояла у окна, теребя кончиками пальцев жесткий пергамент письма.

Сквозь окно за высокой крепостной стеной ей был виден лишь небольшой кусочек желтого поля, на котором наливалась зерном пшеница — благодаря теплой и ранней весне и не менее теплой поздней осени крестьяне вскоре должны были собрать второй за этот год урожай, которым доверху заполнятся амбары в ее замке. Будущий год обещал быть богатым и сытым.

Однако сейчас мысли ее витали далеко от щедрого урожая. Сегодня она испытала невероятное душевное волнение от встречи с человеком, по которому ее сердце тосковало целый месяц.

С первых же недель поступления капитана Грейва на службу в Волчье Логово она привыкла проводить с ним вечера за неторопливой беседой. Вначале они испытывали взаимную неловкость и ограничивались лишь краткими сухими отчетами о проведенном дне. Но постепенно их беседы стали все содержательнее: он много путешествовал, бывая во многих землях Королевства и даже за его пределами, и рассказывал ей занимательные истории об обычаях и особенностях жизни в самых отдаленных уголках страны, о неизвестных ей лордах и диковинных землях. Он умел рассказывать так необычно и забавно, что Гвен часто хохотала над незадачливыми героями его историй, попадающими впросак из-за своей чванливости и высокомерия.

Рассказывал он и о кровавых битвах, о прославленных воинах, о разрушенных войнами семьях, о прекрасных девушках, не дождавшихся с поля брани своих женихов, об ужасах чумы, в последние годы гулявшей по королевству и лишь чудом не зацепившей окраин Междуречья. И тогда она украдкой утирала непрошеные слезы.

После его отъезда она поначалу и сама не могла понять, почему вдруг ею завладела непривычная меланхолия. Вечерами она не могла найти себе места, а по утрам вставала грустная, серьезная, не испытывая радости в предвкушении грядущего дня. А затем поймала себя на мысли, что слишком уж часто вспоминает Грейва. И — что для нее стало очевидным — скучает по нему.

Это открытие озадачило ее и даже слегка задело ее самолюбие. Никогда еще прежде не приходилось ей вздыхать по какому-нибудь сыну знатного лорда или славному рыцарю — она слишком привыкла к тому, что мужчины готовы на что угодно, чтобы добиться ее расположения и помечтать о том, чтобы заполучить молодую, знатную и богатую вдову себе в жены. Она же забавлялась тем, что разжигала их желания, оставляя им в качестве надежды едва уловимые намеки, но никто из них никогда не затрагивал ее сердца.

Капитан Грейв отличался от всех. Он вел себя подчеркнуто любезно и держался с ней в рамках приличий, лишь иногда слегка переступая их, словно бы невзначай. Порою она ловила на себе его задумчивые взгляды и видела в них абсолютное восхищение. Впрочем, к восхищению она привыкла. Она знала, что нравится многим, и Грейв, конечно, не был исключением.

Исключение было в одном — она жаждала его общества. А за время его отсутствия необъяснимая тоска буквально насквозь проела ее душу, причем настолько, что к моменту его приезда она готова была бежать к нему навстречу и повиснуть у него на шее, как она в детстве вешалась на шею отцу.

Конечно, подобные томления и желания были недостойны благородной леди, поэтому она хранила их в тайне, а свою безграничную радость от встречи попыталась обуздать. И все же, их первая встреча после долгой разлуки оставила ее в смятении.

Она готова была поклясться, что увидев ее, он испытал такое же лихорадочное возбуждение, как и она сама. Но если ей худо-бедно удалось скрыть свои чувства, то волнение Грейва сквозило в каждом его нервном жесте, в каждом невпопад сказанном слове, в каждом жадном и страстном взгляде, брошенном на нее.

Каким бы ни было ее странное чувство к нему, совершенно очевидно, что оно было взаимным.

Неожиданное письмо с очередным предложением стать чьей-то женой пришлось очень кстати. Когда Гвен намекнула, что на турнире не прочь устроить смотр женихов, лицо Грейва разительно изменилось — он стал мрачен, отстранен, и явно потерял интерес к обсуждению грядущего турнира. Значит ли это... что ему не нравится идея о ее замужестве?

Сердце Гвен учащенно забилося. Неужели это ревность?

Она улыбнулась сама себе, а щеки зарделись румянцем. Как хорошо, что в эту минуту ее никто не видит!

Но в тот момент, когда она позволила себе немного помечтать о том, какие чувства всколыхнула она в Грейве, в ее ушах тотчас же проскрипел назойливый голос лекаря Филиппа: «Не пристало воспитанной девице думать о подобных глупостях. Уж не возомнил ли безродный разбойник, что он может быть ровней высокородной леди?»

Улыбка Гвен потускнела.

А ведь и правда... Хотелось ей того или нет, но рано или поздно ей придется сделать выбор и выйти замуж — не коротать же ей век вдовой... Молодость скоротечна, а в ее возрасте ей уже стоило бы позаботиться о наследниках... И лорд, достойный ее руки, непременно должен обладать достаточно знатным происхождением, высоким положением и завидным богатством, чтобы ее выбор пал на него.

Гвен бросила грустный взгляд на письмо и печально вздохнула.

Что ж. Уже завтра они начнут готовиться к турниру.

Глава 6. Приоткрывающая завесы

Хмуря брови и сверяясь с чертежами, Грейв наблюдал за установкой трибуны, когда вдруг боковым зрением заметил яркий отблеск и повернул голову в его сторону. К ним приближалась леди Гвендолин в сопровождении своего оруженосца, ведущего под уздцы их лошадей, и мягкое осеннее солнце отражалось ослепительными бликами в ее золотистых волосах, крупными волнами струящихся по спине и плечам, радуя глаз Грейва.

— Миледи, — он склонился перед ней, равно как и стоящие рядом рыцари. — Весьма рады, что вы почтили нас своим присутствием.

— Ах, оставьте эти церемонии, капитан. Я просто пришла посмотреть, как продвигается подготовка. Успеваем ли мы к назначенному сроку?

— Вполне, — заверил ее Грейв, хотя правдой это было лишь частично — его временами раздражала нерасторопность плотников, каменщиков и кузнецов, — смею заверить, вам не о чем беспокоиться.

— Отрадно слышать, — ответила она своим мелодичным голосом. — Готовы ли уже списки рыцарей и дворян, желающих принять участие в турнире?

— Э-э-э... да, большей частью. Если миледи изволит немного подождать, я могу съездить в замок и привезти их.

— Успеется. Я не хотела отвлекать вас от работы — прошу, не обращайтесь на меня внимания. А списки покажете мне вечером, во время нашей аудиенции.

Грейв смотрел на нее и испытывал радость и легкое головокружение от того, что видит ее сейчас и еще раз увидит вечером — уже наедине. Но она была права — ее присутствие разом смешало спорящую работу, ритмичный стук молотков сбился и потерял свою звонкость, и каждый, кто присутствовал на площадке, открыто или исподволь пытался рассмотреть прекрасную хозяйку замка. Грейв с затаенным чувством ликования окинул взглядом прочих мужчин — на леди смотрели все, а разговаривала она только с ним одним.

— Кхм... что ж, если вы окажете мне честь, я покажу вам, что уже сделано, и вы сможете представить, как ристалище будет выглядеть по завершении работ.

Гвен посмотрела на него с интересом и слегка склонила голову набок:

— Я с удовольствием приму ваше предложение, но только в том случае, если не отвлекаю вас от чего-то важного и неотложного.

— Что может быть важнее вашего присутствия здесь, миледи? — со всей галантностью ответил ей Грейв и предложил свою руку, от всей души надеясь, что от него не разит лошадью и потом настолько, чтобы оскорбить чувствительное обоняние благородной леди.

Они пошли вдоль по площадке, и Грейв смущенно махнул рукой в сторону работников, корчевавших пни.

— Вот это поле — пусть вас не тревожит, что оно еще все в ямах и пнях — собственно, и будет ристалищем для боев на копьях. Чуть дальше — позиции для лучников, а мечники будут состязаться вон там, — Грейв указал на покрытую травой площадку вдалеке, замечая, что леди Ройз внимательно следит за его рукой.

— А хватит ли места на трибунах? — поинтересовалась она.

— По нашим расчетам, трибуны должны вместить около трех тысяч зрителей. Конечно, самые почетные места будут отведены знатным лордам и их семьям. Вон там, — Грейв снова указал рукой, — будут находиться участники турнира. Места пониже предполагаются

под выкуп мелкопоместным дворянам и купцам. Будет отведено место для простого люда, а остальные, кто не поместится, смогут наблюдать за боями издалека, вон с той высокой насыпи.

Далее Грейв провел её за ограждения, ограничивающие места работ, к наружной части поля.

— Здесь мы планируем разместить шатры участников и их сопровождения. Во время наших ближайших встреч я хотел бы узнать, кого из лордов вы планируете поселить в замке, а кому необходимо место среди шатров.

Ему показалось, что леди Гвендолин бросила на него одобрительный взгляд.

— А там что будет? — указала она на широкую пустошь ближе к притоку реки.

— Там обоснуется челядь — будет устроена ярмарка, чтобы обеспечить снедью, выпивкой и прочим добром такое огромное количество народа. Там же будут кузнецы, торговцы доспехами, лошади на продажу...

— Превосходно, капитан, — ее зеленые глаза загорелись азартом и страстью, — требуется ли вам какая-либо помощь от меня в организации турнира?

— Кхм... — смущенно ответил Грейв, — если миледи будет угодно, я бы хотел попросить вас заняться организацией балов и развлечений. Это та часть подготовки, в которой я мало смыслю.

— Развлечений? — растерянно переспросила Гвен.

— Кхм... Обычно после первого турнирного дня и открытия состязаний зачинщиками и защитниками, организатор турнира устраивает пир с балом для знати... и было бы неплохо, если бы вы пригласили музыкантов и... э-э-э...

— Да, верно! — оживилась Гвен. — Конечно, музыканты! Я разошлю приглашения лучшим бардам королевства... Не беспокойтесь относительно балов, капитан, уж с этим я справлюсь.

Её глаза заблестели в предвкушении грандиозного праздника, дух которого витал в воздухе — ведь вскоре тысячи людей со всего королевства съедутся в Волчье Логово!

Она заметила, что Грейв облегченно выдохнул, и после недолгих размышлений спросила:

— Как думаете, простонародью тоже необходимы развлечения?

— Кхм... Думаю, да... обычно на такие турниры съезжается масса бродячих артистов, комедиантов, менестрелей...

— Мне это нравится, — улыбнулась она, — и мне нравится, как вы распорядитесь подготовкой. Вы для меня истинная находка, капитан.

Грейв слегка растерялся от такой неожиданной похвалы — он не любил, когда его хвалили прежде завершения дела.

— Благодарю вас за оказанную честь, миледи.

— Что ж, я увидела даже более того, на что рассчитывала. Пожалуйста, проводите меня обратно к лошади, Грейв. Я возвращаюсь в замок.

— Как вам будет угодно, миледи, — ответил Грейв, внутренне сожалея, что близость этой прекрасной женщины была не столь продолжительной, как хотелось бы ему.

— Не забудьте — вечером я жду вас со списками.

Грейв чувствовал себя уставшим после дневной суеты на ристалище, но желанная встреча придавала ему сил и энергии. Как обычно, прежде чем показываться на глаза благородной леди, он тщательно вымылся и переоделся. Леди Гвендолин по обыкновению ожидала его у себя в кабинете.

— Сегодня днем вы лично смогли убедиться, что работа по подготовке к турниру идет полным ходом, — сказал Грейв после обмена приветствиями, протягивая ей несколько свернутых в трубочку листов пергамента, — вы хотели взглянуть на списки, миледи.

— Много желающих? — Гвен один за другим разворачивала листки пергамента.

— Почти сотня, миледи, — ответил Грейв, любуясь изящными движениями тонких пальцев.

— Очень хорошо! Вместе с ними приедут множество сопровождающих, обслуги, зрителей...

— Убежден, что так и будет, миледи.

— Много ли рыцарей из наших людей выразили желание принять участие в турнире?

— Почти все, миледи. Турнир — событие выдающееся, особенно сейчас, когда после мора народ начал потихоньку возвращаться к жизни. Доводилось ли вам хоть раз присутствовать на турнире?

— Доводилось. Отец когда-то устраивал нечто подобное в честь моих десятых именин.

Грейв невольно усмехнулся, представляя леди Гвендолин в столь юном возрасте.

— Вам понравилось?

Ответная улыбка тронула прекрасные губы леди Ройз.

— Если говорить откровенно, я была не очень-то впечатлена. В то время у меня были совсем другие заботы. Однако я помню, что меня очень пугало такое количество народа — чужие люди заполонили наш замок, по внутреннему двору невозможно было пройти, чтобы с кем-нибудь не столкнуться, но самые многочисленные толпы собирались вокруг ристалища...

Грейв кивнул. Как же без этого? На то и зрелище, чтобы народ глазел на него... и тратил свои денежки.

— Помню, что меня очень пугали все эти рыцари, закованные в железо, и я плакала от страха, когда они сходились в бугурте*.

* бугурт — одно из соревнований на рыцарском турнире, в ходе которого две группы рыцарей сражаются друг с другом затупленным оружием.

Грейв бы сказал, что такая реакция весьма необычна для дочери знатного лорда, пусть и столь юной, но когда он вспомнил о ее безмерном милосердии, граничащем со святостью, удивление сменилось пониманием.

— И помню, что меня просили чествовать победителя, а я сбежала прямо с трибуны, из-под носа отца. Когда меня изловили, король смеялся так, что я испугалась, не лопнет ли он со смеху.

Грейв посмотрел на нее с недоумением.

— Король посещал турнир вашего отца?!

— Ну да... а что? — казалось, Гвен даже не задумалась над необычностью этого факта.

— Может, вы ошиблись, и это был не король...

Гвендолин рассмеялась, и ее смех прозвенел в тишине кабинета серебряными колокольчиками.

— Вы думаете, что я могла так ошибиться? Но я прощаю вам ваше недоверие — вы

знаете многое, как я уже успела заметить, но не можете знать всего на свете... Вероятно, вы будете ошеломлены еще больше, если я скажу, что уже направила его величеству приглашение посетить наш турнир.

Грейв почувствовал себя в точности так, как в незабвенный день во время штурма замка, когда его огрели здоровенной дубиной по голове. Видимо, потрясение отобразилось на его лице со всей живостью, поскольку леди Ройз снова засмеялась и даже позволила себе некоторую вольность, деликатно коснувшись ладонью его плеча.

— Поверьте, вам не стоит так волноваться, капитан. Я видела плоды ваших усилий собственными глазами, и у меня нет сомнений, что предстоящее действо будет достойно августейших глаз.

Грейв сглотнул.

— Но... осмелюсь спросить... Почему вы думаете, что король примет ваше приглашение?

Гвендолин мило улыбнулась.

— Думаю, что примет. Впрочем, вскоре мы сами все увидим. Но я была бы вам крайне признательна, если бы вы объяснили мне правила турнира — увы, в таких забавах не смыслю ровным счетом ничего. Потребуется ли моё участие? И какова будет моя роль, помимо роли радушной хозяйки?

После недавнего смятения чувств Грейв был рад вернуться к той теме разговора, которая была ему понятна.

— Ваша роль, предполагаю, вполне определена — не думаю, что на турнире будет присутствовать дама, достойная сравниться с вами своей красотой...

Гвендолин снова звонко рассмеялась.

— Ах, капитан! Сколько раз я слышала слова лести от славных рыцарей и сынов благородных домов, но от вас я слышу их впервые... Не хотите ли вы сказать, что уподобились прочим льстецам, льющим сладкий нектар мне в уши?

Растерянный Грейв не сразу понял, о чем она говорит, а когда понял, то смутился совершенно.

— Миледи... Смею заверить, в моих словах не было ни капли лести. Я просто сказал очевидное. А, кроме того, когда лорды и рыцари, желающие показать свое искусство и доблесть, прознают о том, что является истинной причиной турнира... я думаю, среди них будет немало смельчаков, лелеющих самые дерзкие мечты, которые пожелают сразиться за честь и благосклонность прекрасной дамы.

— Благодарю вас, капитан. Но все же я не склонна быть столь самоуверенной. Многие лорды привезут на турнир своих жен и дочерей — я хотела бы после окончания турнира устроить прощальный бал. И, быть может, вскоре мы получим множество приглашений на свадьбы... как вы думаете?

Грейв предпочел бы вообще не думать о свадьбах, поэтому позволил себе перейти к другому вопросу:

— Вероятно, миледи. Но я хотел бы обсудить с вами, кого бы вы предпочли видеть в роли зачинщиков — их мы выберем по числу феодальных владений нашего королевства. Я предлагаю следующих: Майлза Кроу, начальника замковой стражи — он прославленный рыцарь, закаленный в боях, нелегко будет соперникам найти равного ему; Лесли Вудса по прозвищу Вепрь — что касается меня, я на собственной шкуре ощутил справедливость его прозвища, поскольку его меч едва не размозжил мне голову; Герберта Мейера — хоть он и

молод, но силой и выносливостью не уступает самому Кроу; осмелюсь предложить одного из моих людей, Арчибальда Хейла — уверяю вас, что, несмотря на его худощавость, он весьма верткий и устойчивый малый, на коне держится как бог, а уж симпатии дам будут точно на его стороне...

Грейв продолжал увлеченно перечислять кандидатуры на роли зачинщиков, и ему казалось, что Гвен внимательно слушает; когда же он закончил перечислять имена и достоинства выбранных им рыцарей, она спросила:

— А вы? Разве вы не хотите стать одним из тех, кто начнет состязание?

— Я?! — ей удалось в который раз за день сбить его с толку. — Помилуйте, миледи... Я не собираюсь участвовать в турнире, мне и в роли распорядителя вполне хватает забот — к тому же, принимая во внимание столь высоких гостей.

— Как?! — на прекрасном лице Гвендолин отобразилось искреннее разочарование. — Разве вы не хотите прославить своей доблестью Волчье Логово?

— Но, миледи... — Грейв совершенно растерялся. — Какая доблесть у наемника? Я ведь даже не рыцарь.

— Зачем вы лжете и наговариваете на себя, капитан? — лицо Гвен преобразилось: обычная приветливая маска, с которой можно было позировать для написания картин, вдруг исчезла, а на ее месте появилось настоящее живое чудо — щеки покрылись румянцем, широко распахнутые изумрудные глаза загорелись азартом, тонкие крылья носа нервно вздрагивали, а губы приоткрылись из-за участившегося дыхания. — Вы можете рассказывать о себе все, что угодно, но мне давно понятно, что вы не тот, за кого себя выдаете! Не рыцарь? Ха! Откуда же вы тогда знаете столько подробностей о рыцарских турнирах? Вы ни минуты не колебались, когда я поручила вам заняться подготовкой, а это значит, что турниры для вас были делом едва ли не обыденным.

Грейв молчал, наблюдая за леди Гвендолин, и едва улавливал смысл ее слов. Она была особенно прекрасна в этом неожиданном гневном порыве. Такой пылкой, страстной, искренней, настоящей он ее еще не видел. Пожалуй, именно такой она была, когда в своих золоченых доспехах вскочила на коня и ринулась в бой, защищая свой замок.

— Но ведь есть правила, — попытался он воззвать к ее благоразумию, — если я не смогу подтвердить свое рыцарство, то герольд будет вправе наказать меня за обман! А наказания за мошенничество на турнирах, должен заметить, не столько болезненны, сколько унижительны. Вы хотите моего позора перед всем королевством?

— Что за глупый предлог для отказа! — фыркнула леди Ройз, не желая сдаваться. — Если вы не хотите признаться в своем истинном происхождении, кто угодно может посвятить вас в рыцари прямо сейчас — в вашей нынешней ипостаси. Я могу попросить сира Кроу, и он не откажет мне...

— Прошу меня простить, миледи, но я не стану потехой на радость вашим женихам, — резко вымолвил Грейв, тут же мысленно упрекнув себя за неслыханную дерзость.

Гвен вздернула подбородок.

— Даже если я прикажу?

Грейв нервно сглотнул и с горечью посмотрел ей в глаза.

— Если это приказ — что ж, я выйду на ристалище. Я обещал повиноваться вам во всем, миледи.

С этими словами он преклонил колени и склонил голову, пытаясь скрыть от ее взгляда выражение гнева и обиды на лице.

— Если у вас больше нет вопросов, миледи, то я, с вашего позволения, займусь делами.

— Ступайте, Грейв, — в голосе леди Ройз вновь звучало привычное спокойствие и достоинство.

Стараясь не смотреть на нее, проклиная себя за собственную вспыльчивость, но разочарованный окончанием их беседы, Грейв покинул кабинет хозяйки.

* * *

Гвен чувствовала себя прескверно. После его ухода она еще долго стояла у окна, вглядываясь в густую сумеречную мглу, сковавшую в своих объятиях внутренние дворы замка, и теребила кончик золотистого локона перекинутых на грудь волос. Сегодня был один из тех дней, когда и она сама, и капитан Грейв — или тот, кто скрывался под этим именем — вновь на маленький шажок продвинулись навстречу друг к другу сквозь завесу тщательно оберегаемых тайн. И каждый такой шаг, как она уже знала, давался им обоим нелегко.

Волей-неволей она выдала близкую связь своей семьи с королем, чем немало удивила его и, пожалуй, расстроила — она явственно читала это на его волевом лице.

Сама же она лишь подтвердила свою уверенность, что человек этот непрост: легко берет на себя роль лидера, и не только в бою; легко завоевывает уважение — она знала, что рыцари ее гвардии до сих пор враждебно относились к новобранцам, но даже угрюмый начальник стражи Майлз Кроу отдавал должное мастерству и толковости Грейва; он умен, дальновиден, расчетлив...

...и вспыльчив. Она поняла это еще в тот раз, когда впервые предложила ему перейти к ней на службу.

Удивительно, но Гвен почему-то не допускала ни малейших сомнений в том, что ее капитан примет участие в турнире — о таком событии мечтал любой прославленный рыцарь, дворянин и даже оруженосец, втайне лелеющий надежду быть посвященным в рыцари благодаря своей отваге. Но он не захотел. И более того, опять вспылал, хотя Гвен искренне не понимала, почему.

Конечно, ей понравилось, что он все же не посмел ослушаться ее прямого приказа, но в ее душе поселился червячок сомнения и теперь грыз ее изнутри, заставляя сердце сжиматься от тоски.

Она не ожидала размолвки между ними. Меньше всего ей хотелось давить на него и видеть обиду в серых глазах. Она рассчитывала лишь слегка его подтолкнуть, а стала причиной его недовольства. Нет, решение об участии в турнире должно целиком принадлежать ему.

Гвен закусила губу. В прошлый раз, когда он отказался служить ей и ушел, в ее душе зародилась уверенность, что он передумает и вернется. Так оно и вышло.

Что если она повторит подобное в этот раз? Отступит, согласится с его решением, признает за ним право поступать, как он посчитает нужным. Ее сердце сладко затрепетало в груди. Если она хорошо его изучила — а она самонадеянно полагала, что достаточно хорошо — то готова была поклясться, что когда он получит свободу выбора, он сделает так, как хочет она.

Взбодрившись и оправив на себе платье, Гвен пригладила волосы, сняла факел со стены и отправилась по темным коридорам в дальнюю часть донжона — она знала, что там,

этажом ниже, находились покои капитана Грейва.

Подойдя к двери, Гвен собралась с духом и негромко постучала, но войти без позволения хозяина не посмела, терпеливо дожидаясь ответа. Он не заставил себя ждать — вскоре за дверью послышался шорох, а вслед за ним тяжелые шаги; дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая фигура, заслонившая собою дверной проем. Он, видимо, уже отдыхал — его пурпурная туника явно была надета наспех и сидела на его мощной фигуре кое-как, не перехваченная ремнем.

— Миледи? — растерянно произнес он и тут же преклонил колено.

— Встаньте, капитан. Я здесь неофициально. Вы позволите мне войти?

— Э-э-э... конечно, проходите, — ей показалось, что в голосе Грейва проскользнуло смущение.

Она мысленно усмехнулась, предполагая, что капитан испытывает неловкость перед ней за то, что не уделяет порядку в своей комнате должного внимания — Гвен знала, что мужчины частенько страдают подобной небрежностью, — и с любопытством скользнула взглядом по скромному убранству его покоев. Однако, к своему удивлению, ничего такого не заметила: наоборот, все вещи в комнате были на своих местах, бумаги на столе сложены в аккуратные стопки, широкий пояс с ножнами висел на стене у кровати на специальных крюках, лишь разобранная постель служила свидетельством того, что перед самым ее приходом он собирался отходить ко сну.

— Я надеюсь, вы простите мне мой поздний визит, — извиняющимся тоном произнесла Гвен, заглядывая в его глаза, кажущиеся темными в полумраке комнаты, освещаемой лишь тусклым пламенем свечи на его столе и светом ее факела.

— Вам не за что извиняться — в своем замке вы вольны ходить куда и когда угодно, — его голос был учтив, но Гвен уловила в нем необычно прохладные нотки.

Грейв спохватился и взял факел из ее рук, вставив его в железный обруч, вделанный в стену — свет пламени стал освещать комнату ярче, озаряя его крупную фигуру красновато-желтыми бликами и отражаясь дьявольскими огоньками в его глазах.

— О, не беспокойтесь, я ненадолго, — начала было Гвен, чувствуя, что все больше волнуется, — я лишь хотела сказать, что была неправа сегодня вечером. Я не стану требовать от вас участия в турнире, если вы этого не хотите. Признаю, это был мой каприз, но ваши чувства и желания для меня важнее, чем удовлетворение собственных прихотей.

Гвен видела, как при ее словах его грудь стала вздыматься сильнее и чаще — ее волнение внезапно передалось и ему. Она ощутила внезапную сухость во рту и невольно облизнула губы.

— Вы свободны от данного мне обещания, — торопливо добавила она, стремясь нарушить тягучую пугающую тишину вокруг них, — но это касается только вашего участия в турнире. Надеюсь, во всем остальном вы будете все так же преданы мне.

— Я предан вам всецело, леди Ройз, — его голос казался ей еще более низким и непривычно хриловатым. — Благодарю вас за ваше великодушие.

— Что ж, доброй ночи, капитан, — вздохнула Гвен.

Она повернулась к стене и подняла руку к факелу, собираясь достать его из подставки и уйти, но ее вдруг перехватила мужская рука, осторожно, но крепко сжав запястье. От его дерзкого прикосновения у Гвен закружилась голова, а сердце в груди забилося еще чаще. Она медленно повернулась, не зная, гневаться ей или сохранять невозмутимость.

Он тотчас же отпустил ее руку и смутился.

— Простите, миледи... Я только хотел спросить...

— Спрашивайте, Грейв, — подбодрила его она, мечтая о том, чтобы кто-нибудь подбодрил ее саму.

— В вашей гвардии столько прославленных рыцарей, мечтающих отстаивать честь вашего знамени... Почему вы хотите, чтобы и я вышел на ристалище?

Казалось бы, в его вопросе не было ничего необычного, но Гвен совершенно растерялась. Она и сама не смогла бы объяснить, почему ей так хотелось увидеть этого странного мужчину закованным в латы, верхом на боевом коне, устремляющим копье в щит соперника.

— Возможно, потому что я верю в вашу победу, — нашлась она с ответом и вновь облизнула пересохшие губы.

Шумное дыхание Грейва сбилось.

— Но не тревожьтесь, я сдержу свое слово и не стану использовать власть, чтобы потакать своей блажи.

— Я буду счастлив биться за вас, — вдруг выпалил Грейв, и Гвен невольно улыбнулась.

В этот раз он сдался даже скорее, чем она рассчитывала. Она не могла скрыть своей радости, наблюдая за танцем желтых огоньков в его потемневших глазах.

— О... но я бы не хотела, чтобы это выглядело с моей стороны...

— Не стоит, леди Ройз, — перебил он ее, вновь позволив себе неслыханную вольность, — я уже сказал, что выйду на турнир.

Гвен некоторое время молчала, не зная, что сказать. Ее чувства разом пришли в смятение — она испытывала неловкость от того, что упрашивала его, радость от того, что победила, и какую-то смутную тревогу от того, как он смотрел на нее.

— Тогда, — ее голос также слегка сбился, и слова она произносила почти шепотом, — я не хочу быть в долгу. Услуга за услугу — вы вправе требовать от меня исполнения вашего желания.

Жесткие губы Грейва вдруг исказила нервная усмешка.

— Любого?

В горле Гвен пересохло, она впервые почувствовала настоящий испуг — зачем, спрашивается, она предложила подобную глупость? Кто тянул ее за язык? Сама себя поймала в ловушку... Но она и в мыслях не могла допустить, что желания капитана Грейва будут далеки от благородных — у нее была тайная надежда, что он попросит у нее знак отличия, чтобы закрепить его на свои доспехи или меч... Но что, если теперь он захочет большего?

Гвен с нарастающим волнением смотрела в его глаза своими расширившимися от страха глазами. Что, если он захочет... поцелуя? При этой мысли сердце словно остановилось, но вместе с этим в груди разлилось какое-то сладкое тепло, запретное, тайное, завораживающее... Что, если так и будет?..

— Любого, — шепнула она бесстрашно, шагая в темную бездну и бросая ему вызов, — но для этого вы должны победить.

Глава 7. Королевская кровь

После того, как Грейв во второй раз за вечер расстался с леди Гвендолин — он вызвался проводить ее по темным коридорам замка до покоев, и она согласилась, хотя и не проронила больше ни слова по пути, — он еще долго стоял у ее закрытой двери и пытался успокоить разбушевавшееся в груди сердце. Как странно было вновь испытывать подобное волнение! Будто он снова стал пятнадцатилетним мальчишкой, которому прекрасная юная дева, едва достигшая расцвета, подарила свой поцелуй; будто он снова стоял у алтаря и, глядя в прекрасные лилово-черные глаза любимой, произносил священные слова обета...

Едва пульсирующий шум в ушах прекратился, Грейв побрел обратно в свою комнату, с трудом передвигая ноги — казалось, целый день напряженной работы не настолько лишил его сил, насколько это сделал их последний разговор с леди Гвендолин.

Он шел по коридорам, проклиная себя за собственные несдержанность и дерзость, которые никак не мог искоренить, и в то же время в голове пойманной в силки птицей билась мысль — Гвен пообещала исполнить его желание! И даже не побоялась добавить, что исполнит любое. Сперва Грейв хотел проявить благородство и отказаться от платы, даже такой волнительной, но вовремя придержал язык — кто знает, что может ему понадобиться однажды от леди Ройз? Может, ее обещание спасет кому-нибудь жизнь? А может, оно улучшит положение кого-то из его людей? И кто знает, может, он сам однажды избежит незавидной участи...

Он понимал, что безбожно обманывает себя. Тратить желание впустую, на кого-нибудь другого, вовсе не хотелось. Он хотел его для себя. Но хватит ли ему дерзости пожелать того, чего захотел, когда она смотрела на него в полумраке комнаты, когда кончик ее языка едва уловимо скользнул по нижней губе, а потом спрятался в нежных розовых створках?

Грейв потрянул головой, стремясь прогнать непотребные мысли.

Она верно сказала: для начала ему следовало победить, а это весьма непросто, учитывая количество рыцарей, изъявивших желание принять участие в турнире.

Поистине, этот турнир будет грандиозным событием, особенно если его посетит сам король...

У двери в свои покои Грейв с удивлением обнаружил согбенную фигуру старого лекаря леди Ройз.

— Филипп, — Грейв почтительно наклонил голову, отдавая дань уважения его возрасту.

Старик не любил его до глубины души, но Гвен считала лекаря самым близким человеком — Грейв знал это и старался избегать общения с ним, чтобы не вступать в опасные препирательства.

— Вы позволите поговорить с вами, Грейв? — проскрипел в тишине коридора глухой голос Филиппа.

Что ж, видимо, сегодня день неожиданных разговоров.

— Извольте, — Грейв вздохнул, открыл дверь и пропустил старика внутрь; затем закрепил факел на стене и пододвинул гостю кресло, — присаживайтесь.

Старик устало опустил в кресло и, морщась и побряхтывая, вытянул страдающую от ломоты в суставах левую ногу.

— Зачем она приходила к вам? — без обиняков спросил он, грозно хмуря безволосые брови и изо всех сил пытаясь придать сморщенному лицу свирепости.

— Мы говорили о турнире, — уклончиво ответил Грейв.

— О турнире? Но вы вернулись после аудиенции! Насколько я знаю, вы собирались обсуждать турнир во время нее... Зачем леди Ройз приходила в ваши покои?

— Кое-какие моменты остались забытыми во время аудиенции и требовали срочного обсуждения.

Старик неприязненно хмыкнул.

— Не пытайтесь меня одурачить, Грейв! Я уже старый, лысый, беззубый и полуслепой, но разум все еще при мне! Вы понимаете, что компрометируете ее, позволяя приходить в свои покои и оставаться с вами наедине за закрытой дверью? Она — молодая девица...

— Она благородная леди и почтенная вдова, — перебил Грейв, не желая слушать прозрачных намеков старика.

— И все же она юна и неопытна. Увы, такая красавица, как наша милая Гвендолин, не успела познать любовь собственного благородного мужа — он умер прямо на свадьбе. Впрочем, — закричал старик, словно бы говоря сам с собой, — сомнительно, что этот брак был бы для нее счастливым...

Грейва внезапно тронула отеческая забота Филиппа о Гвендолин, и его гнев слегка поутих.

— Поверьте, уважаемый Филипп, никаких предосудительных разговоров...

— Ах, оставьте, Грейв! Не надо обладать зоркостью орла, чтобы заметить, как вы на нее смотрите! Впрочем, я вас не виню — на нее все так смотрят... Но вот как она смотрит на вас! Это неслыханно! Даже не думайте морочить ей голову, Грейв, слышите?!

— У меня и в мыслях такого... — возмутился было Грейв, но старик вновь перебил его.

— Уж поверьте, я знаю, что бывает в мыслях мужчины, когда он видит такую молодую и красивую женщину. Но она не для вас, об этом — да, да, именно об этом! — я и хотел вас предупредить! Даже думать о подобном не смейте! В этой женщине течет королевская кровь, и кто знает, может, однажды она...

— Королевская кровь? — ошарашенно переспросил Грейв. — Что вы имеете в виду?

— Вы не знали? — старик поморщился и потер искореженные суставной хворью пальцы рук. — Ну разумеется, откуда вам знать — вы же разбойник... что вы могли знать в тех помойных ямах, откуда вылезли?

Грейв снова вскипел, но скрипнул зубами и заставил себя промолчать. Если он сейчас начнет пререкаться с лекарем, то опять не узнает, что за тайны окружают леди Ройз.

— О чем я должен был знать?

— О том, что наш светлейший государь — дядя леди Ройз по материнской линии.

Что?

Более сильного потрясения Грейв не испытывал даже тогда, когда Гвендолин объявила ему о присутствии короля на турнире.

Леди Ройз — племянница короля?!

— О да, друг мой... — словно прочитав его мысли, закивал лысой головой старик, — ее мать была младшей сестрой его величества. Увы, наша прекрасная Гвен не смогла познать материнской любви и заботы: несчастная леди Амелия умерла вскоре после рождения дочери. О, она была так красива и мила, что совершенно покорила сердце отца Гвен, покойного лорда Робара. После смерти жены лорд редко и неохотно говорил о ней, но я-то знаю, что он любил бедняжку всем сердцем... я так и не смог убедить его в необходимости жениться еще раз, хотя он очень нуждался в наследниках... Ах, почему меня никто никогда

не слушает!

Филипп расстроено покачал головой. Грейв все еще не мог оправиться от потрясения, глядя на старика невидящими глазами, в то время как мыслями он был с прекрасной леди Гвендолин.

Ну конечно... Теперь все объясняется... Отчего бы королю не присутствовать на турнире десять лет назад и сейчас, если хозяйка турнира — его родная племянница?

Да и все остальное... Прежде он считал, что слава о красоте и добром нраве леди Ройз разнеслась по всем городам и весям, и именно поэтому каждый знатный лорд или высокородный землевладелец из холостяков мечтал заполучить ее в жены. Но открывшаяся правда внезапно пролила свет на такую популярность знатной невесты — ведь помимо ее происхождения, она... являлась первой наследницей короля!

Словно вторя ходу его мыслей, старик продолжал говорить уже сам с собой:

— Да-да, мой друг. Кто бы мог подумать, что жестокая чума выкосит половину королевства? Три наследника! Боже праведный, три прекрасных юных принца, каждый из которых был воистину достоин надеть корону на свое чело... И ни одного не пощадил проклятый мор. Бедная наша королева! Я слышал, она повредилась умом после смерти всех своих сыновей. В ее возрасте она уже вряд ли сможет зачать и выносить еще одно дитя. И теперь, когда наш король уже стар и не блещет здоровьем, все больше людей понимает, что леди Гвен однажды может стать королевой... если будет на то воля божья, — с этими словами Филипп осенил себя крестным знаменем.

Сердце Грейва отбивало гулкие удары, набатом стучащие в виски — тук, тук, тук...

Несчастный глупец... На что он, собственно, рассчитывал? Что однажды губы наследной принцессы раскроются ему для поцелуя?

Провались они в пекло, эти тайны!

* * *

Начало турнира ознаменовалось первыми громкими победами, и первые поединки овеяли славой имена и знамена рыцарей, сражавшихся за честь своих лордов и земель.

Сир Майлз Кроу, начальник замковой стражи Волчьего Логова, первым сразился с защитником из Предгорий — прославленным рыцарем под прозвищем Орлиный Взор, на черном шлеме которого красовался изысканный плюмаж из орлиных перьев. Но удача в этот раз была на стороне сира Кроу: его копьё преломилось, ударившись затупленным концом о щит рыцаря в черном. Щит соперника треснул, но рыцарю удалось удержаться в седле.

«Веprü» Лесли Вудсу выпало встать в пару с сиром Равеном Лоу с Южного берега, известным под прозвищем «Скачущий Дьявол» — и опять победа осталась за зачинщиком. Дьяволу не повезло: в этой сшибке одновременно преломились оба копьёя, но его подвел собственный конь, которому обломок деревянного наконечника попал в глаз; животное встало на дыбы и сбросило неудачливого всадника.

Грейв, сидевший в стороне ото всех, на верхних трибунах для участников, украдкой бросал взгляды на леди Гвендолин, сидевшую на месте для самых почетных зрителей — на центральной трибуне под навесом, по правую руку от короля. Он видел, как его величество после очередной победы зачинщика из Волчьего Логова тепло улыбнулся племяннице и что-то сказал, наклонившись к ее уху. Гвендолин тоже улыбнулась королю и ответила, слегка

пожав его руку.

Он оглядел трибуны. После победы второго рыцаря многие взгляды знатных лордов обратились к Гвен, но она их будто бы не замечала. Ощущая досаду и нехорошее, гадкое чувство, чернотой расплывшееся в груди, Грейв отвернулся и заставил себя смотреть на турнирную площадку, где грумы уже разравнивали взрытую лошадиными копытами землю для следующего сражения.

Настал черед его соратника Проныры, объявленного как сир Арчибальд Хейл. Это не было ложью. Несмотря на самое низкое происхождение, будучи бастардом знатного лорда от презренной шлюхи, он проявил столь выдающееся мастерство и выправку, что однажды получил помазание от вольного рыцаря, у которого служил оруженосцем несколько лет. Это был его первый турнир, и Проныра светился от гордости и счастья, став одним из зачинщиков от Волчьего Логова. Он выехал на площадку, держа шлем в руках, и белозубо улыбнулся кому-то в закутке у трибун для простонародья, помахав рукой с повязанной на ней алой лентой, чем вызвал одобрительный рев захваченной действием челяди. Грейв мог бы поклясться, что услышал одобрительные дамские возгласы и со стороны трибун для знати, но ему не было до этого дела. Он наблюдал за тем, как Проныра надевает свой отполированный для столь торжественного случая шлем и ставит копьё наизготовку.

Увы, ему в защитники достался огромный и свирепый северянин из Зазимья, известный под именем Ледяная Скала. Это имя всколыхнуло глубоко спрятанные и давно позабытые чувства в душе Грейва — он хорошо знал этого рыцаря в той, прошлой жизни... Не один раз им доводилось сражаться на ристалищах, и трижды схватывались они в финальных битвах. Дважды его побеждал этот сильный и умелый рыцарь, но один раз Грейву все же удалось вырвать победу... Приятный холодок азарта пробежал по его позвоночнику — что, если на этом турнире они встретятся вновь?

К несчастью для Проныры, противник превосходил его мощью: лишь только затупленные копья ударились о щиты, Проныра вылетел из седла так быстро, что Грейв и глазом не успел моргнуть. Тяжело громыхнули о землю доспехи, и Хейлу потребовалась помощь оруженосцев, чтобы подняться на ноги.

Толпа некоторое время хранила молчание, а затем взорвалась радостным свистом и аплодисментами — симпатии зрителей часто недолговечны, и теперь их новым любимцем стал победитель из Зазимья.

Когда выступили все зачинщики и защитники, герольд торжественно объявил начало турнира и огласил имена рыцарей, которым выпало биться в первый день.

Среди них оказалось и имя Грейва. Как и обещал, он согласился на то, чтобы Майлз Кроу посвятил его в рыцари, а затем внес свое имя в списки под прозвищем Темное Пламя. По сути, это было против правил: если бы герольдам открылось его происхождение и тот факт, что это было уже второе его посвящение, Грейв мог быть обвинен в мошенничестве и наказан.

Однако иного пути не было: он собирался сдержать обещание, данное леди, а свою прежнюю жизнь давно и навечно похоронил под личиной наемника по имени Грейв.

Ему не составило никакого труда выбить из седла своего соперника: волею жребия им оказался худенький мальчишка из вольных, наверняка совсем еще недавно служивший оруженосцем у странствующего рыцаря. За такую легкую победу даже было стыдно, но когда Грейв украдкой взглянул сквозь прорезь в шлеме в сторону леди Ройз, то увидел, как нежный румянец заливал ее щеки, а грудь под праздничным платьем учащенно вздымается. Зрелище

взволновало Грейва сильнее предвкушения нового боя. Нервным движением рук Гвендолин поправила сползающую с плеч меховую мантию и принялась аплодировать вместе со всеми зрителями, приветствуя его победу.

К вечеру первый тур состязаний был завершен, оглашены списки победителей среди копейщиков, мечников и лучников, прошедших во второй тур — их ждали на ристалище завтра. К этому времени Грейв успел переодеться и снова занять свое место распорядителя турнира, позаботившись о том, чтобы турнирную площадку хорошенько разровняли и подготовили к предстоящему балу.

По периметру площадки уже были установлены и накрыты столы для праздничного пира, и после первых же возлияний и перемены блюд герольд объявил начало торжественного бала.

По традиции, место в первой паре танцующих полагалось занять хозяйке замка — ко всеобщему восхищению, ее вел сам престарелый король, державшийся на удивление крепко, гордо и величаво, невзирая на свалившиеся на него несчастья и недуги. Следом за ними площадку заполнили дворяне и знать. Переодевшиеся к празднеству рыцари наперебой искали себе пары среди знатных дам, и каждый из них стремился выбрать леди из тех, что были моложе и милевидней. Грейв некоторое время наблюдал за Гвендолин, ярким солнцем мелькавшей среди меняющихся пар в замысловатом рисунке танца, и вдруг ощутил легкое прикосновение к своему плечу.

— Вы не танцуете, сир? — игриво спросила его молодая дама; судя по акценту, смуглой коже и иссиня-черным волосам, уложенным косами в красивую корону на голове, она была откуда-то из южных земель, возможно, с самого Южного Берега.

— Увы, нет, миледи, — галантно, но твердо ответил ей Грейв, пресекая возможность продолжения разговора.

Истинная леди на ее месте не стала бы навязывать свое общество человеку, явно не желавшему поддерживать беседу, но южанка лишь белозубо улыбнулась:

— Отчего же так?

— Старые раны лишили меня той ловкости, которой я обладал в юности, — ответил он столь же учтиво, но с намеком на то, что ей следует поискать себе собеседника помоложе и погорячее, способного ответить на ее пылкость.

— Однако старые раны не помешали вам сегодня победить, — возразила ему женщина.

Он поморщился. Выходит, она узнала его... но как? Ведь он не снимал шлема после сшибки... Воистину, женщины порою прозорливей мужчин.

— Не стоило труда выбить из седла юного и неопытного рыцаря... совсем мальчишку. Жребий часто несправедлив, но я отдаю должное отваге соперника.

Взгляд Грейва снова скользнул по толпе танцующих и неожиданно встретился с прекрасными глазами Гвендолин. Она все так же мило улыбалась, кружась в очередном танце вокруг незнакомого юного дворянчика. Судя по надменно вздернутому подбородку, тот принадлежал знатному роду, но Грейв не мог сказать, какому именно — герба на его дублете было не видать. Впрочем, герб лорденыша занимал его гораздо меньше, чем улыбка самой леди Ройз — несмотря на лучезарность, она выглядела натянутой и неискренней.

Грейв вздохнул и отвел глаза.

— Прошу меня простить, миледи, — он почтительно склонился перед дамой и церемонно коснулся губами ее руки, — я должен идти.

С этими словами он покинул бал. Завтра с утра он вновь начнет подготовку ристалища к

поединкам, а сегодня ему здесь делать нечего: танцевать он не собирался, даже ради возможности провести один-два тура в паре с Гвендолин, а наблюдать за тем, как чужие мужские руки обнимают в танце ее гибкий стан, ему было неприятно.

Поэтому он нашел своего оруженосца, вскочил на коня и, пришпорив его, помчался в замок.

* * *

На следующее утро Гвен проснулась с головной болью. Сказался вчерашний день, перенасыщенный событиями: от рассвета до заката ей пришлось присутствовать на публике, среди множества людей, несмотря на нелюбовь к многолюдным собраниям; развлекать беседой своего дядюшку короля — Гвен питала к нему искреннюю привязанность, но ей стоило большого труда уводить их беседы в сторону от тем, бередящих его раны, и выслушивать его жалобы; на правах хозяйки и Прекрасной Дамы наблюдать за совершенно одинаковыми, на ее взгляд, сшибками закованных в латы копейщиков... К вечеру ее голова звенела и гудела от бесконечных ударов копий о щиты и грохота доспехов при падении очередного проигравшего.

Единственным, за кого она действительно волновалась вчера, был Грейв, но после окончания турнирного дня ей так и не удалось с ним повидаться и высказать слова поддержки, а когда начался бал, он не вышел танцевать.

Гвен надеялась, что ей удастся встретиться с ним хотя бы в танце, и искала глазами его темно-пурпурную тунику, прикрытую плотным кожаным дублетом, однако то, что она увидела, очень ей не понравилось: он беседовал с красивой дамой, судя по внешности, уроженкой южных земель.

Дама всем своим видом недвусмысленно давала понять, что заинтересована Грейвом, а он, судя по всему, щедро расточал ей любезности, а затем склонился и поцеловал руку.

В душе Гвен заскребли неприятные острые коготки. До сих пор она оставалась единственной женщиной, перед кем Грейв преклонял колени, и слишком к этому привыкла.

Но единственной ли?

Она по-прежнему ничего не знала об этом упрямце. Несколько раз во время подготовки к турниру она хотела попросить старого Филиппа, чтобы он помог ей разузнать что-либо об истинном происхождении этого загадочного мужчины, но сдерживала себя, опасаясь выдать свои чувства таким неприкрытым интересом.

А то, что чувства эти недостойны благородной леди и должны оставаться в тайне, Гвен знала наверняка.

В который раз она пожалела, что рано лишилась матери. Как знать, быть может, она могла бы спросить материнского совета... Не обзавелась Гвен и верной подругой, способной разделить девичьи тайные чаяния и держать их в секрете. Сердце переполнялось запретными чувствами, горло саднило от невысказанных слов, но что она могла поделать?

Она еще раз поискала глазами Грейва, но уже не обнаружила его там, где он стоял мгновение назад. Сама Гвен вдруг очутилась в паре с привлекательным рыцарем из людей капитана — она смутно припомнила, что его звали Арчибальдом Хейлом.

— Миледи, — галантно произнес рыцарь, подавая ей руку.

— Сир Хейл, — улыбнулась она.

— Ох... — он так удивился, что едва не опоздал начать фигуру танца, — миледи, я весьма польщен, что вы помните мое имя!

— Я помню всех, кто служит мне, — деликатно ответила Гвен. — Я видела ваш бой — вы сражались храбро.

— Я проиграл, — сокрушенно качнул головой Арчибальд.

— Проиграли противнику, которого устрасил бы любой рыцарь на этом турнире. Но вы не побоялись выйти против него — это ли не доблесть?

— Да уж... вы верно сказали — Ледяной Скале проиграть не зазорно. Я сам поставил на то, что он выиграет этот турнир, и теперь весьма рассчитываю на его победу, чтобы получить получить деньги по ставке и откупить своего коня и доспехи, — рыцарь-наемник коротко хохотнул.

— Вы знаете Ледяную Скалу? — удивилась Гвен.

— Наслышан... капитан Грейв много рассказывал о нем, когда готовил меня к схватке.

— О... — выдохнула Гвен. — Так значит, капитан Грейв знаком с этим рыцарем?

— Э-э-э... не могу знать, миледи, — уклончиво ответил Арчибальд, заметив ее живейший интерес.

— Интересно... откуда бы капитану Грейву знать рыцаря из Зазимья? Кстати, а как настоящее имя капитана? — коварно продолжала Гвен выпытывать необходимую ей информацию.

— Э-э-э... я всегда его знал под именем капитана Грейва, — глаза Хейла вдруг стыдливо забегали, и он с видимым облегчением передал ее следующему партнеру по танцу.

Все еще лежа в постели и пытаясь справиться с головной болью, Гвен перебрала в памяти этот короткий разговор и дала себе слово, что не отступится, пока не узнает, кем на самом деле является этот капитан Грейв, согласившийся служить ей, но отказавшийся от присяги.

Преодолевая недомогание, она велела служанке позвать Филиппа, чтобы тот дал ей горького снадобья. Потом долго лежала в горячей ванне перед очередным утомительным днем, погруженная в свои мысли. Служанки вымыли и высушили её золотистые волосы, уложили их крупными локонами в красивую прическу и помогли Гвен одеться к завтраку.

Со вчерашнего дня она уже не могла позволить себе вольность завтракать в своих покоях вместе с компаньонками — теперь в Главном зале замка ее внимания ожидал король.

Когда шумная братия вернулась на ристалище к означенному времени, день близился к полудню. Стоял солнечный и довольно теплый день, несмотря на начало ноября — в Междуречье такая погода не была редкостью. Гвен поудобнее устроилась на бархатных подушках, подложенных на твердые деревянные скамьи, стараясь спрятаться под навесом от яркого солнца. Его величество сегодня выглядел поживее — похоже, турнир действительно отвлек короля от печальных мыслей и государственных забот, целиком захватив его внимание.

Во второй турнирный день в сражение вступали лорды и дворяне знатного происхождения, которые не имели рыцарского звания: согласно правилам турнира, опытный рыцарь не имел права поднять копьё против высокородного соперника, не помазанного в рыцари, который очевидно уступал бы тому силой и опытом.

Гвен нашла это зрелище однообразным и скучным.

Если вчера она видела настоящих рыцарей, способных внушать зрителям страх своим видом, то сегодня была вынуждена наблюдать за парадом чванства и высокомерия,

где почти каждый второй норовил выразить свое превосходство над соперником. Она вздохнула: возможно, именно из этих людей ей предстоит выбирать себе мужа.

Несмотря на отсутствие интереса к исходу битв, она заставила себя внимательно наблюдать за каждым участником, запоминая, чьи предложения руки и сердца не примет никогда и ни под каким предлогом. Король, напротив, нашел сие действие весьма забавным: громко хохотал над теми несчастными, кому доводилось в неловкой позе слетать с коня, и громко аплодировал победителям, чувствуя каждого по имени.

— Смотри, Гвен! — вскричал вдруг ее венценосный дядюшка, толкнув ее плечом в плечо, и указал на очередного победителя, снявшего шлем и галантно поклонившегося хозяйке турнира. — Этот Эдвард Вэнс славный малый!

Гвен заставила себя взглянуть на упомянутого лорда. Действительно, победитель оказался молод и весьма недурен собой: каштановые кудри, слипшиеся от испарины на лбу, крупными локонами красиво рассыпались по плечам, закованным в серебристые латы. Гвен даже улыбнулась в ответ на многозначительную улыбку молодого человека, адресованную ей.

— В последний раз я видел его совсем еще мальчишкой! — продолжал рассказывать король. — Помнится, это было на том самом турнире, который устраивал твой покойный отец... эх, славное было время! Сколько тебе лет тогда было, девочка?

— Десять, — смиренно напомнила ему Гвен.

— А этому юнцу, стало быть, едва стукнуло пятнадцать... Единственный сын старика Альберта... ах, как он гордился наследником! Жаль, что не дожил до такого триумфа. Я сожалею, что не успел повидаться с его отцом, лордом Вэнсом, перед его кончиной. Меня тогда самого одолевали несчастье за несчастьем. Эх, славные были времена, славные...

Гвендолин бросила уже более заинтересованный взгляд на юношу, уходящего с поля. Если верить королю, молодому лорду Вэнсу сейчас около двадцати пяти лет, и он был одним из тех молодых наследников, кому, как и ей самой, пришлось принять бразды правления замком и землями в достаточно юном возрасте.

— Кто знает, быть может, после этого турнира он увенчает себя славой, и мы посвятим его в рыцари! — не унимался король. — Как думаешь, Гвен?

Гвен улыбнулась словам дядюшки, не сводя глаз с Эдварда Вэнса. На сей момент в одном мысленном списке Гвен — тех, кого она не выберет в мужья ни под каким предлогом — значилось уже довольно много имен, а имя молодого лорда Атласного края, граничащего с Восточным берегом лорда Эксбери, пока что оказалось первым и единственным в другом списке — тех, чьи предложения Гвен непременно рассмотрит, принимая решение.

При этой мысли ее взгляд невольно метнулся в сторону трибун для участников, на самый верх, и встретился с серыми глазами капитана Грейва. Ее сердце вдруг учащенно забилося: он наблюдал за ней и наверняка заметил ее реакцию на победу молодого лорда Вэнса. И хотя внимание большинства мужчин на этом турнире — как зрителей, так и участников — было так или иначе приковано к ней, ее самолюбию все же льстило, что Грейв не сводит с нее хмурого взгляда.

Отчего он так мрачен? Волнуется перед битвой? В глубине души Гвен знала ответ... и этот ответ вновь взволновал неведомые ей доселе чувства.

Она заставила себя оторвать взгляд от Грейва и улыбнулась королю.

На ристалище выходил следующий участник.

Глава 8. Горечь победы

Грейву пришлось занять неудобное место на трибунах за широкой деревянной опорой, поддерживающей навес. С такой позиции ему плохо было видно леди Ройз, однако так он мог укрыться от глаз Ледяной Скалы и других северян из Зазимья, сидевших на нижних рядах: Грейв не хотел быть узнанным.

Тем не менее, ему удалось увидеть достаточно, чтобы жгучая ревность — теперь он не сомневался, что душу день за днем глодала именно она — смогла захватить его целиком. Он едва удержался от того, чтобы не покинуть трибуны, не вскочить на коня и пустить его в галоп, оставляя далеко позади и турнирное поле, и замок Волчье Логово, и его прекрасную хозяйку, которая в один прекрасный день может стать королевой, а после окончания турнира наверняка объявит о своей помолвке... Переводя гневный взгляд с выскочки Вэнса, строящего медовые рожи леди Ройз, на нее саму, прямо-таки сияющую лучезарной улыбкой, глядя на этого смазливового юнца, он до хруста сжимал кулаки и чуть не вывернул самому себе челюсть, скрежеща зубами, но все же удержался от позорного бегства.

Он случайно поймал мимолетный взгляд Гвендолин и понял, что куда бы он снова ни сбежал, каким бы именем себя ни назвал, от себя самого не сбежит, и память — жестокая память — навсегда останется с ним. Рисковать своей честью еще раз, нарушив данное им обещание? Ну уж нет. Он пройдет этот турнир от начала до конца, чего бы ему это ни стоило, передаст леди Ройз из рук в руки новоиспеченному жениху, попросит освободить его от службы и вновь уедет куда глаза глядят — быть может, куда-нибудь на юг. Только он и его верный конь, чтобы никто не смог помешать ему в одиночестве лелеять горечь и неутоленные желания.

После обеда, поданного сразу же после первой части турнира, зрители вернулись, чтобы насладиться вторым туром рыцарских боев, продлившимся до самого вечера. Среди победителей этого дня вновь звучали имена Майлза Кроу, Лесли Вудса, Герберта Мейера и еще нескольких рыцарей из гвардии Волчьего Логова. Сам Грейв наконец позволил своему гневу вырваться наружу и без труда преломил копьё о щит рыцаря из Междуречья. Он не изменил своему решению остаться в шлеме и после победы, лишь выразил глубоким поклоном уважение зрителям, а особенно королю и прекрасной хозяйке турнира. Покинув турнирное поле, он переоделся в шатре с помощью оруженосца, оставил ему указания о размере желаемого выкупа от проигравшего рыцаря за доспехи и коня и вновь помчался в замок. Оказавшись в своих покоях, велел слугам подать вина, заперся внутри ипил, пытаясь изгнать из воображения прекрасное лицо леди Ройз, улыбающееся сопляку Вэнсу.

Упившись до тошноты, он рухнул на постель и проспал до утра тяжелым, беспокойным сном, в котором его опять мучили кошмары. Он снова летел верхом на коне навстречу своему турнирному сопернику, но в самый последний момент каким-то неведомым чувством сумел определить, что не рыцарь скрывается там, под броней, а его возлюбленная Кристина... Он хотел отвести копьё, но древко будто налилось свинцом, а руки почему-то окаменели и не слушались его. Он с ужасом заметил, что копьё в его руке — не затупленное турнирное, а самое настоящее, боевое, и целится острием прямо в сверкающие латы Кристины. Еще рывок — и Грейв кричит что есть силы, пытаясь удержать коня, но его копьё вонзается прямо в женскую грудь, словно доспехи сделаны не из металла, а из тонкого пергамента. А в следующий миг он видит пятна крови, расплзающиеся по светлой броне...

Кристина медленно и безмолвно падает с лошади, и Грейв наконец-то обретает возможность шевелиться — спешивается одним прыжком, подбегает к любимой, сдергивает с головы шлем... и видит бледное лицо Гвен. Она хрипит, силясь что-то сказать, вздрагивает в конвульсиях, кровь толчками выходит из полураскрытых губ, а изумрудные глаза, распахнутые в удивлении, смотрят, смотрят, смотрят...

Криком он разбудил и самого себя, и, наверное, добрую половину замка, поскольку утром на него настороженно косились слуги, а лекарь Филипп язвительно осведомился о его самочувствии.

Ежедневная пытка началась снова: он вернулся на турнирное поле, занял место на трибуне, украдкой из засады впиваясь жадным взглядом в единственное женское лицо, и умирал от ревности, видя многообещающие улыбки, адресованные кому угодно, только не ему.

* * *

Наконец настал последний день турнира. С утра должны были состояться финальные бои между участниками, затем герольду предстояло объявить победителей, каждому из которых полагалось выбрать Королеву Любви и Красоты и вручить ей венок из цветов.

Финал начался с состязания лучников, и счастливый победитель, рыцарь из мелкого землевладения с Южного берега, без колебаний возложил венок из королевских белых лилий на голову прекрасной леди Гвендолин.

Затем бой продолжили мечники — среди дворян, не посвященных в рыцари, бой выиграл сын лорда Окольных земель, высокий, статный и плечистый, как и все северяне, и также выразил желание увенчать своим венком из пурпурных маргариток чело леди Ройз. Грейв заметил недовольство знатных молодых девушек и женщин, приехавших едва ли не со всего королевства: все они считали несправедливым, что оба венка достались одной и той же женщине.

Когда Грейв в черных, расписанных красными языками пламени доспехах вышел на поле, чтобы дожидаться своей очереди, он обратил внимание, что леди Ройз вновь сменила венок, которым ее короновали, а красная бархатная подушка у ее ног пестрела разномастными цветами.

Сквозь прорезь в забрале Грейв наблюдал за тем, как преломилось копьё лорда Вэнса, в то время как копьё его противника скользнуло по щиту, лишь оцарапав герб с изображенной на нем виноградной лозой на голубом поле. Юнец пошатнулся в седле — настолько сильным оказался удар, — заставив трибуны ужаснуться, однако сумел-таки удержаться, к бурному восторгу публики.

Возбужденная толпа рукоплескала Эдварду Вэнсу, воздавая тому небывалые почести. Получив венок из рук герольда — на этот раз он был из крупных роз нежнейшего перламутрового оттенка, — лорд Вэнс заставил публику замереть в ожидании, пока он в притворной задумчивости обводил взглядом трибуны. Однако когда ищущий взгляд лорденьша остановился на леди Ройз, а его смазливое лицо осветила широкая радостная улыбка, публика дружно охнула. Прекрасная леди Ройз сняла с себя предыдущий венок, медленно и бережно положив его на подушку, спустилась вниз и позволила Вэнсу торжественно возложить на ее чело сплетенные между собой крупные розы.

Толпа восторженно хлопала в ладоши, а герольд вдруг взял слово и попросил публику дожидаться некоего события, связанного с молодым победителем. Грейв скривился под своим внезапно потяжелевшим шлемом — не стоило большого труда догадаться, что речь шла о помазании Эдварда Вэнса Великого и Слащавого в рыцари.

Едва удержавшись от желания сплюнуть себе под ноги — в наглухо застегнутом шлеме это у него вряд ли получилось бы — Грейв скрежетнул зубами, взобрался на коня и под сигнальный звук рога поскакал к барьеру, привычным движением пропуская копьё под рукой. Стоило ли удивляться, что его соперником в финале оказался рыцарь Ледяная Скала?

Мы с тобой сходимся уже в четвертый раз... Дважды выиграл ты, Абелард, и один раз я. Сравняем ли мы счет сегодня, или я уйду с ристалища поверженным и посрамленным на глазах той, чье чело уже украшено венками стольких победителей?

Нет. Я должен победить.

Двое соперников, схожие мощью и телосложением, одновременно пришпорили коней и помчались навстречу друг другу, столкнувшись с такой силой, что оба копья сломались почти одновременно. Но оба рыцаря удержались в седлах и разъехались, а оруженосцы не замедлили подать им новые копья.

Грейв вдруг вспомнил, как бесстрашно неслась на него тщедушная фигурка, закованная в парадные золоченые латы... слащавую улыбку Эдварда Вэнса, абсолютно уверенного в своей неотразимости... распахнутые в полумраке глаза Гвен, когда она давала ему свое обещание... дождался сигнального рога, издал глухой утробный рык и вновь ринулся на соперника.

Абелард Ледяная Скала по праву снискал себе леденящую кровь славу: несмотря на всю силу, которую Грейв вложил в удар, одновременно отражая натиск Абеларда щитом, тот пошатнулся, неловко опершись рукой о круп лошади, но все же усидел в седле. Грейв рычал под своим шлемом, словно раненый волк, не слыша воплей беснующейся на трибунах толпы, — снова неудача: обломки обоих копий полетели на землю.

Если не повезет в третий раз...

Глаза Грейва привычно метнулись к трибуне, где сидела леди Ройз: необычайно бледная и серьезная, она сложила на коленях сцепленные в замок ладони. Тяжело дыша, Грейв перевел взгляд на ряд ниже и увидел надменно-снисходительное лицо Эдварда Вэнса, уже снискавшего себе славу победителя. Кровь вскипела, глаза заволокло красным туманом, из-за шума в ушах он с трудом расслышал сигнальный рог, знаменующий начало очередной сшибки. Он пришпорил коня и погнал его навстречу сопернику. Копье, вновь ставшее продолжением его руки, вонзилось во вражеский щит, как в недавнем сне, будто проткнуло пергамент, и руке вдруг стало легко... Он почувствовал, что падает, но успел взмахнуть щитом, сильно сжал бедрами круп коня, стараясь остановить падение, и каким-то чудом удержался в седле. От удара шлем съехал набок, и поначалу Грейв не мог понять, что произошло. Толпа снова визжала, кричала, топала ногами и хлопала, хлопала, хлопала... Грейв ощущал, как струйки пота заливают глаза — мучительно хотелось вытереть лоб, но он не мог... устало поправил шлем и обвел глазами место схватки.

Конь Абеларда одиноко стоял по ту сторону барьера — без всадника. Не поверив глазам, Грейв наклонил голову ниже: и правда, Ледяная Скала распростерся на земле, и оруженосцы уже бежали к нему, чтобы помочь подняться.

Возможно ли это?

Подбежал его собственный оруженосец и помог ему спешиться. Грейв тяжело дышал —

ему страшно хотелось сбросить с себя ставшие вдруг свинцовыми доспехи, вдохнуть воздуха полной грудью... Но поднявшийся на ноги Абелард Ледяная Скала уже приближался к нему уверенно, твердо. Грейв отступил на шаг, выставив вперед щит и внезапно пожалев, что на поясе нет привычной тяжести меча, но Абелард резко отвел в сторону его руку вместе со щитом и громко прорычал:

— Я хочу увидеть твое лицо, рыцарь, и отдать должное твоей силе!

С этими словами он рывком сдернул шлем с головы Грейва и ахнул:

— Лорд Дрейк! Так я и думал...

Не успел Грейв опомниться, как Абелард рухнул перед ним, гремя доспехами, на одно колено и склонил голову в знак уважения.

— Встань, друг мой, — прошипел Грейв сквозь зубы, опускаясь на колено рядом с ним и кладя руку ему на плечо, — не выдавай меня!

— Простите, милорд, — Абелард глянул на Грейва с недоумением, но подчинился его воле.

Они встали на ноги вместе, и герольд высоко поднял руку Грейва.

— Последний победитель нашего турнира — сир Темное Пламя!

Грейв злорадно посмотрел на лорда Вэнса, улыбка которого стала натянутой, и аплодировал он теперь едва прикасаясь пальцами к ладони.

Улыбайся, улыбайся, щенок. Сегодня тебя посвятят в рыцари, и формально мы будем с тобой на равных. Ты выстоял против таких же изнеженных юнцов, как и сам, слава вскружила тебе голову, заставив тебя возгордиться сверх меры. Но выстоишь ли ты в настоящей рыцарской схватке против меня, сопляк?

Из мрачной задумчивости его вывел герольд, подавший ему тонкий венок из голубых колокольчиков. Грейв спохватился, снял тяжелые латные перчатки, взял в руки венок и уверенным шагом подошел к той, у чьих ног уже были сложены венки сегодняшних победителей.

Щеки Гвендолин все еще сохраняли бледность, но слабая улыбка все же тронула бескровные губы, когда она встретилась с ним взглядом. Шепнув едва слышное «благодарю», она слегка склонила голову, и Грейв, будто во сне, возложил венок на ее чело, обрамленное золотом распущенных волос.

Даже сквозь доспехи он чувствовал на себе насмешливые взгляды — он не первый, он лишь отдал дань сегодняшнему веянию, он просто льстец, заискивающий перед хозяйкой... Но ему было все равно: после ошеломляющей победы эмоции покинули Грейва вместе с силами, в душе осталась лишь звенящая пустота.

Краем глаза он уловил нахмуренное выражение лица короля и поклонился ему:

— Мой король.

Затем ей:

— Моя госпожа.

И, с трудом переставляя ноги в тяжелых, будто свинцовых набедренниках и поножах, ушел с трибун, мечтая поскорее добраться до шатра и разоблачиться.

Освобожденный с помощью оруженосца от ненавистных доспехов, Грейв некоторое время лежал поверх волчьих шкур, закинув руки за голову, и смотрел невидящими глазами в залатанную парусину на своде шатра. Куда девались его силы? Ведь он всего лишь схватился в трех турнирных сшибках, а устал так, будто провел настоящее боевое сражение, весь день размахивая мечом и тяжеленным молотом.

Но не время предаваться унынию: вновь затрубили рога, и герольд объявил начало заключительных торжеств. Грейв тяжело вздохнул и заставил себя подняться.

* * *

После немислимой победы капитана Грейва на ристалище Гвен чувствовала себя словно во сне. До нее с трудом доходили слова тех, кто к ней обращался, и даже король подивился ее рассеянности. Она продолжала заученно улыбаться, что-то невпопад отвечала, кивала и подавала руку для поцелуев, но перед ее глазами все еще стояла будоражающая кровь сшибка, в которой капитан Грейв сражался за честь ее замка с прославленным северным рыцарем, фаворитом этого турнира, безоговорочным претендентом на победу. Три раза, боже всемилостивый! Три раза ее сердце замирало и падало в пятки, лишая возможности дышать; три раза он бился с этой грудой мышц и кованого железа! И хотя ростом и сложением Грейв не уступал северянину, Гвен вовсе не была уверена, что победа далась капитану легко. Когда северянин оказался поверженным, она все еще силилась вздохнуть, а глаза ее лихорадочно метались от одной фигуры к другой — это же не ошибка? Она же не перепутала, который из них упал? Да нет же! На том, что все еще сидит верхом на коне, мелькают красные язычки пламени.

Он победил.

Вместо того, чтобы залиться румянцем от азарта и восхищения, Гвен почувствовала, как и без того застывшая в жилах кровь отхлынула от лица.

Он победил.

Верила ли она до конца в его победу? И что это означает для нее? А для него?

Она вспомнила данное капитану обещание, и губы ее слабо дрогнули в подобии улыбки. Что ж, она сдержит его... Однако чего потребует от нее Грейв?

Но что это происходит на ристалище? Она увидела, как поверженный рыцарь преклонил перед Грейвом колени. За время турнира Гвен повидала уже немало схваток, но ни разу не видела, чтобы кто-либо из побежденных преклонялся перед победителем. Это походило не сколько на признание поражения, сколько на преклонение вассала перед сюзереном... И что это за имя произнес грозный северянин? Дрейк? Кто такой Дрейк? Или все же из-за волнения слух подвел ее, и рыцарь произнес «Грейв»? Со стороны выглядело, будто эти двое знакомы. Но если так, то ее догадки о северном происхождении капитана Грейва лишь подтверждались. Так кто же он? Несколько раз за прошедшие дни она пыталась разыскать Арчибальда Хейла, рыцаря из людей капитана, но он будто нарочно избегал с ней встреч и норовил улизнуть, едва ловил на себе ее ищущий взгляд.

А Грейв уже приближался к ней с очередным венком, и она покорно склонила голову, с удивлением поймав его пустой, словно отрешенный взгляд.

Но вот, наконец, все торжественные церемонии закончены, награды вручены, посвящения проведены, обеты произнесены, и даже первые тосты за прощальным ужином уже сказаны. А Гвен все еще лихорадочно искала глазами капитана... почему он не подходит к ней?

Кто только ни увивался вокруг нее! Мужчины рассыпались перед ней в любезностях, комплиментах и лестных похвалах ее красоте. К ней подошли поцеловать руку все финалисты и победители турнира... Особенно старался тот молодой лорд, который

понравился ей в первый день и стал сегодня победителем одного из состязаний — Эдвард Вэнс. Он, не стесняясь, щедро расточал слова восхищения ее подлинным и мнимым достоинствам, а у нее уже закончились ответные слова, восхваляющие его силу, доблесть и благородство. Когда он снова встретился с ней в танце, то склонился к ее уху и прошептал со страстным придыханием в голосе:

— Миледи... смиренно прошу вас оказать мне честь и позволить сказать несколько слов наедине.

— Но что вам мешает говорить сейчас, лорд Вэнс? Нас ведь никто не слышит, — ответила Гвен, догадываясь, о чем хочет сказать ей молодой лорд.

— Но я хотел бы... — смутился Вэнс, — сказать это как полагается.

— Вы разжигаете мое любопытство, — игриво подстрекнула его Гвен, не уверенная в том, что вообще желает остаться с Вэнсом наедине.

— Ну что ж... если вы настаиваете... — лорд Эдвард перехватил ее руку в танце, оба они обернулись вокруг своей оси, и их лица вновь приблизились друг к другу, — я хотел бы покорнейше просить вашей руки, несравненная леди Ройз.

— О... — только и смогла вымолвить растерянная Гвен.

Но разве не этого она ожидала? Между тем, лорд Эдвард продолжал ее убеждать:

— Клянусь, вы не пожалеете ни мгновения, если окажете мне честь и согласитесь. Мои земли богаты, мой замок велик, у меня нет соперников, кто мог бы оспорить мои права, и я клянусь, что буду любить вас до конца моих дней... Гвендолин!

Гвен молчала, нервно кусая губы.

Он не сказал ничего такого, чему она могла бы возразить. Вэнс невольно озвучил правду: лучшего жениха ей не сыскать. Он достаточно знатен, чтобы сравниться величием рода с ее благородным родом, он уже вступил в права владения землями, он богат, молод и хорош собой...

— Могу ли я подумать? — улыбнувшись, уклончиво ответила Гвен вопросом на вопрос.

Лицо лорда Эдварда слегка омрачилось, но в этот момент Гвен уже перехватил следующий партнер. Пока длился танец, Гвен услышала еще несколько подобных намеков от знатных кавалеров, и к его окончанию почувствовала себя изрядно утомленной.

Ей удалось ускользнуть от участия в следующем танце, и она решила разыскать среди танцующих, пирующих и вовсе веселящихся людей капитана Грейва. Однако на площадке его не было, и Гвен рискнула выйти за ее пределы, к шатрам — и увидела его, беседующего с группой рыцарей. Может, они обсуждают условия грядущего найма в ее гвардию?

Гвен не стала приближаться и собралась было вернуться обратно к столам, но тут же была подхвачена под локоть лордом Вэнсом.

— Миледи... Простите мне мою дерзость и настойчивость, но я ослеплен вашей красотой и потому оставил попытки удержать свой рассудок холодным. Дайте мне хотя бы надежду!

«Как же, красотой ты ослеплен! Ты ослеплен возможностью заполучить в жены будущую королеву и боишься, как бы кто не перехватил ее раньше тебя», — с досадой подумала Гвен.

Не зная, как еще оттянуть момент принятия решения, она растерянно взглянула на Эдварда.

— О да, я помню, вы хотели взять время на раздумья, — лорд Вэнс склонился к самому ее уху, переходя на шепот, — но что, если я помогу вам принять решение, пригласив вас

погостить в моем замке? Вы могли бы увидеть все своими глазами, оценить красоты моих угодий, крепость стен моего замка и искренность моих чувств к вам.

Гвен подумала, что это неплохая идея. Прогулка по замку своего предполагаемого жениха могла бы развеять ее последние сомнения, а кроме того, это давало ей некую отсрочку в принятии решения.

— Я с удовольствием приму ваше приглашение, лорд Вэнс, — сказала Гвен и неосознанно дотронулась пальцами до украшавшего ее голову венка из голубых колокольчиков — подарка последнего победителя.

* * *

Грейв не рассчитывал, что рыцари из Зазимья оставят его в покое после того, как Абелард Ледяная Скала узнал его в финальной схватке. Как только начался бал, Грейв попытался спрятаться в своем шатре, но не успел — и очутился окружении своих хмурых и сосредоточенных земляков.

— Лорд Дрейк, — начал Абелард, понизив голос, — мы хотим говорить с вами.

Грейв вздохнул.

— Что ж, воля ваша. Только давайте отойдем подальше, за шатры. Я не хотел бы быть разоблаченным.

— Милорд, — продолжил Ледяная Скала, когда они оказались в достаточном отдалении от суеты празднества, — я человек прямой и говорить буду прямо. Уж не знаю, что за причины вынудили вас покинуть Зазимье, но настало время вернуться.

— Забудь, Абелард, — внутренне напрягаясь и готовясь к обороне, ответил Грейв, — я не вернусь. Я больше не тот, кем вы меня знали когда-то.

— Вы должны, — упрямо повторил хмурый рыцарь, сводя густые черные брови к переносице, — мы не уедем отсюда без вас.

Грейв почувствовал, как где-то глубоко внутри него поднимается волна глухого раздражения.

— Что за вожжа попала вам под хвост? Столько лет вы прекрасно обходились без меня!

— Лорд Герхард умер.

Грейв замер, чувствуя, как каменеют его плечи и холодеет спина.

— В Зазимье назревает смута, — Абелард чеканил слова, словно каждое из них было смертным приговором. — Свен Вернер пытается удержать замок, но вассалы Гейдельберга чуют безвластие. Собаки возомнили себя волками и готовы разорвать Зазимье на части.

— Что случилось... с Герхардом? — хрипло выдавил из себя Грейв.

— Белый Лес поднял мятеж. Лорд возглавлял атаку, — мрачно ответил Абелард. — Мы говорили ему... но разве он когда-либо слушал разумные советы?

— Ранило его, — коротко бросил кто-то из рыцарей, — стрелой.

— Мы думали — ерунда... царапина, — покачал головой Абелард, — но стрела оказалась отравленной.

Грейв скрежетнул зубами.

— Мятеж... подавлен?

— Подавлен. В замке усилена оборона, поэтому нас здесь так мало. Но я знал... я чувствовал... Это был первый турнир после чумы... Я подумал, что если вас здесь не будет,

значит, вас уже нет в живых.

— Вам надо вернуться, — вставил другой рыцарь — Грейв помнил, что его имя Стефан, — иначе не пройдет и года, как в Гейдельберге будет хозяйничать кто-то из шакалов.

— Быть может, из шакала выйдет неплохой лорд, — угрюмо возразил Грейв.

— Веками Зандерхарды...

— Ты знаешь, что отец изгнал меня, — раздраженно перебил Абеларда Грейв. — К чему теперь эти разговоры?

— Чего не сделаешь в гневе, — пожал плечами Абелард, — к тому же, лорд Герхард, умирая, оставил бумагу... для вас.

— Бумагу? — растерянно переспросил Грейв.

— Завешание. Все чин по чину, печать не взломана — любой признает ее законность.

Грейв погрузился в тяжкие раздумья. Как бы он ни искал избавления от оков, преследующих его с рождения, как бы ни старался сбросить груды камней, годами давившую на его душу, они находили его везде... даже здесь... даже сейчас.

— Я не могу, — покачал он головой после долгого молчания и посмотрел прямо в темно-серые честные глаза Абеларда, — во всяком случае, не сейчас. Я взял на себя обязательства.

— Что значат праздные обязательства перед долгом фамильной чести? — взревел раздосадованный Абелард.

— Для меня честь — сдержать свое слово, — с едва скрываемым раздражением ответил Грейв. — Дайте мне время. Мне необходимо завершить дела в Междуречье.

— Сколько? — поджав губы, сердито выплюнул Ледяная Скала.

— Не знаю. Месяц. Может, два.

— Мы будем ждать полгода, — вынес свой вердикт Абелард под недовольный ропот земляков, — но не дольше.

Грейв ощутил, как внутри него поднимается новая волна гнева, но не успел он найти достойный ответ наглцу, смеющему диктовать ему условия, как Абелард снова преклонил перед ним колени и склонил голову. Другие рыцари, все как один, сделали то же самое, а после молча поднялись и ушли, не сказав на прощанье ни слова.

Глава 9. Опасный путь

Суэта в замке продолжалась еще несколько дней после турнира. Леди Ройз была занята переговорами и отъездом высоких гостей, Грейву приходилось с утра до ночи заниматься вербовкой солдат, пожелавших остаться и наняться в гвардию хозяйки Волчьего Логова. Вместе с Майлзом Кроу они планировали создание военного гарнизона и постройку новых казарм для вновь набранных отрядов, поэтому следующая встреча Грейва и леди Ройз произошла нескоро.

Когда Гвендолин пригласила его на аудиенцию, сердце Грейва разрывали противоречивые чувства. Он отчаянно скучал по ней, видя ее после турнира лишь мельком и издали, страдал от того, что она не искала с ним встреч, как прежде, и до судорог в желудке боялся услышать от нее убийственные слова «я выхожу замуж». А помимо всего прочего, он терзался выбором — долг и проклятье рождения звали его на север, куда он совершенно не хотел возвращаться, а обещание быть верным леди Волчьего Логова держало его здесь, словно кандалы.

— Капитан Грейв, — приветствовала его Гвендолин, протянув руку для поцелуя, — простите, что до сих пор не поздравила вас с победой на турнире. Все эти хлопоты... — она развела руками в извиняющемся жесте.

— Благодарю вас, леди Ройз, — ответил Грейв со всей любезностью. — Осмелюсь напомнить, что вы поздравили меня во время награждения, вместе с другими.

— Но я хотела поздравить вас лично, — сказала Гвен, не отходя от него даже после обмена приветствиями и глядя ему в глаза, — вы проявили истинное рыцарское мастерство. Ваша награда заслуженна.

— Благодарю, вы очень добры ко мне, — повторил Грейв, не находя лучшего ответа; бахвалиться легкостью победы, тем самым принижая достоинства соперников, ему претило, но и признаваться в волнении, что одолело его во время последнего боя, он тоже не желал.

А она стояла в опасной близости к нему, не подозревая, какие муки рождала в нем снова и снова, и словно ждала от него чего-то еще.

— Я обещала выполнить любое ваше желание, — спокойно произнесла Гвен, — и не отступлюсь от своих слов. Вы готовы назвать его?

«Готов, — подумал Грейв, проваливаясь в бездонную зелень ее глаз, — и не одно...»

Его взгляд сам собой опустился на нежную припухлость ее губ. Грейв сглотнул.

— Я предпочел бы повременить с желаниями, миледи.

— Вы ничего не хотите? — она изогнула бровь.

«Я должен просить ее освободить меня от клятвы верности...» — пронеслась голове разумная мысль, но здоровый эгоизм пересилил.

— У меня много желаний... сложно выбрать, — усмехнулся Грейв.

Гвендолин слегка улыбнулась в ответ и только теперь указала ему на кресло, а сама присела в другое.

— Как угодно, капитан. Но не советую вам медлить слишком долго, иначе ваше ожидание может затянуться: завтра я собираюсь уехать.

— Уехать?! — опешил Грейв. — Но куда?

— Лорд Вэнс любезно пригласил меня погостить у него в Атласном Крае, и я решила воспользоваться предложением, — мягко сказала Гвен, не сводя с него глаз. — Путь

неблизкий, мне придется покинуть замок на несколько недель.

Грейв сжал челюсти так, что заскрипели зубы. Сердце будто пронзили в одночасье сотни ядовитых стрел.

Да, он понимал, что рано или поздно леди Ройз выберет себе мужа, но к тому, что это случится так быстро — сразу после турнира, — оказался не готов.

Хотя, собственно, какое это имеет значение?

Он заставил себя дышать ровно.

— Я могу поздравить вас с помолвкой, миледи?

Как бы ему ни хотелось держаться непринужденно, в голосе все же проскользнули ядовитые нотки.

— Пока нет, — голос Гвендолин звучал безмятежно, как и прежде, словно она не заметила тяжелой внутренней борьбы Грейва, — я приму решение, вернувшись домой.

— Хорошо, — сухо выдавил Грейв, почти не разжимая зубов, — а когда мы сможем обсудить вашу новую гвардию? Численность, условия найма, расположение гарнизона, командиров, жалованье...

— В этих вопросах я всецело полагаюсь на вас, капитан. Думаю, за время моего отсутствия вы успеете организовать все наилучшим образом.

— Как... разве вы не хотите, чтобы я сопровождал вас в Атласный Край? — постигло Грейва еще одно разочарование.

— Меня будет сопровождать сир Майлз Кроу и два десятка рыцарей под его командованием. На вас я оставляю замок и подготовку моей новой гвардии.

Несколько недель без нее... А затем она станет женой слащавого лорденыша.

Самое время просить освободить его от клятвы. Леди Ройз не откажет — она обещала выполнить любое его желание.

Грейв снова сглотнул, стараясь умирить беспричинный гнев, раскаленной лавой клокочущий в душе, заставил себя отвести взгляд от изумрудных глаз и бесцветно произнес:

— Как вам будет угодно, миледи.

Гвен молчала, а он страстно желал в этот миг превратиться в камень — бездушный, лишенный способности чувствовать горечь и боль.

Холодное молчание затягивалось, выходя за рамки приличий, и Грейв уже положил руку на подлокотник, чтобы встать и попрощаться, но Гвендолин вдруг спросила:

— Вы ведь родом из Зазимья, верно?

Грейв вздрогнул — она больше не улыбалась, смотрела ему прямо в глаза серьезно и внимательно.

— И вы знакомы с тем рыцарем, которого победили в финальной схватке... Ледяная Скала — так, кажется, его объявляли на турнире?

Грейв не знал, что ответить. Лгать ей он не хотел. Сказать правду? Но ведь если признаешься в одном — придется признаваться и в остальном, и тогда все его прошлое снова хлынет наружу нескончаемым черным потоком.

— Вас зовут Дрейк, верно? — продолжала допытываться леди Ройз. — Я слышала, тот рыцарь назвал вас именно так.

— Вам показалось, — холодно ответил Грейв, поднимаясь, — он сказал «Грейв». Желаю вам приятно провести время в поездке. Всего доброго, миледи.

— Прива-а-а-л! — услышала Гвен зычный голос Майлза Кроу, с трудом пробивающийся сквозь плотные потоки дождя.

Гвен облегченно вздохнула. Поездка верхом под непрекращающимся проливным дождем вряд ли смогла бы утомить ее больше, чем бесконечная тряска в сырой повозке. Впрочем, когда она выглянула из окна, отодвинув пропитанную влагой бархатную занавесь, и посмотрела на понурых, сгорбленных, абсолютно мокрых солдат, восседавших верхом на уставших, проваливающихся по самые бабки в вязкую грязь лошадях, она подумала, что покривила душой, и повозка теперь казалась не худшим вариантом езды.

Надо признать, что сегодня ехать было особенно трудно: глинистая почва, которая в сухую погоду скрепляла отколовшиеся от прибрежных скал куски камней и создавала подобие дороги, после нескольких дней постоянного ливня размокла настолько, что всасывала колеса повозки по самые верхушки обода, и ее отряду то и дело приходилось останавливаться, чтобы вытаскивать их из густой вязкой жижи. Несколько раз меняли и сами колеса, покореженные утопленными в глинистую трясину камнями, забившимися среди спиц; и деревянные оси, разломанные в щепки очередным твердым валуном, не замеченным в развороченной лошадиными копытами каше. Гвен могла только гадать, достаточно ли колес и осей они захватили с собой, чтобы благополучно добраться до Атласного Края.

Горничная Люси, которую Гвен взяла в путешествие в качестве компаньонки, не улучшала настроения. Девушка то и дело хлюпала носом и подвывала, скукожившись на сиденье напротив: ее одолела простуда, что немудрено при такой-то сырости. Гвен, как могла, утешала несчастную весь день, укрывала плотнее плащом, поправляла подушки, но прекрасно понимала, что все усилия тщетны: Люси нуждалась в горячем целебном отваре из трав, которыми снабдил их в дорогу лекарь Филипп, а заварить травы можно будет лишь после того, как солдаты разведут костры на привале. Да и то если при такой сырости у них еще остались сухие дрова.

Гвен вздохнула, глядя на покрасневший нос Люси и ее беспрестанно слезящиеся глаза. Дорога выматывала обеих. Гвен ужасно надоело сидеть взаперти в карете, наедине с плачущей и причитающей девушкой. Опостылела даже удобная скамья, обитая бархатом и обложенная мягкими подушками. Спина и ноги затекли и молили хотя бы о краткой прогулке, хотя бы о возможности просто постоять прямо, во весь рост, расправив затекшие члены. Но высунув нос наружу, она поняла, что ей даже ступить некуда. Вокруг простиралась сплошная грязь, в которую она непременно провалилась бы по колено при первом шаге. Хоть они и съехали с дороги, чтобы выбрать место для привала на достаточно ровнинном участке, покрытом чахлой увядшей травой, но грунт здесь был ничем не лучше, разве что камней попадалось меньше.

Гвен оставалось лишь тоскливо наблюдать за работой солдат, разбивающих лагерь. Медленно, уныло, словно каждое движение давалось им через силу, они соорудили деревянный настил, бросая грязные доски поверх рыжевато-коричневой глинистой жижи; затем вбили колья по контуру настила и, наконец, натянули тяжелое, насквозь промокшее полотно парусины поверх деревянного каркаса шатра.

— Миледи, — возле окна кареты появился начальник стражи Майлз Кроу, — если

желаете перебраться под навес, прошу оказать мне честь и воспользоваться моей помощью.

— Благодарю вас, сир, — улыбнулась ему Гвен.

Сир Майлз распахнул дверь и приблизился к Гвен, позволив ей опереться на его плечи. Подхватив госпожу на руки, рыцарь склонился над ней в попытке укрыть своим телом от ливня и тяжело зашагал в сторону шатра. Гвен слышала его тяжелое сипловатое дыхание, слышала, как при каждом шаге с чавкающим хлюпаньем вырываются из размокшей глины его сапоги, и в очередной раз ужасно пожалела о том, что решилась на эту поездку.

Похоже, сами небеса противились ей.

Оказавшись под сомнительной защитой мокрого навеса и ощутив твердую поверхность под ногами, Гвен поблагодарила своего рыцаря и собралась уже просить его о той же услуге для Люси, как вдруг в рядах солдат послышались возбужденные крики.

— Посланник к леди Ройз! — услышала она голос одного из своих дозорных.

Майлз Кроу нахмурился и взглянул на Гвен.

— Узнайте, что там, сир Кроу, — спокойно проговорила она.

Рыцарь молча кивнул и вышел из-под навеса, оставив Гвен в одиночестве, чем она немедленно и воспользовалась, наконец потянувшись всласть.

Когда Кроу вернулся, она успела размять затекшее тело и принять величественно-неподвижную позу.

— Кто там?

— Посланник от лорда Эксбери, миледи.

— Чего он хочет? — удивилась Гвен.

Те земли, что они проезжали сейчас, а именно побережье океана на Восточном Берегу, как раз принадлежали лорду Эксбери.

— Приглашает вас в гости.

В слегка осипшем голосе Майлза Кроу Гвен не могла распознать, рад он этому предложению или, наоборот, встревожен.

— Приведите сюда посланника.

— Как прикажете, миледи.

Посланник, несмотря на точно такие же мокрые одежды, как и у ее людей, все же выглядел намного лучше солдат ее отряда. «Конечно, — подумала Гвен с некоторой досадой, — ему ведь пришлось проскакать под дождем всего лишь пару миль, а мы ползем уже столько дней».

— Миледи, — гонец упал перед ней на одно колено, — мой господин, светлейший лорд Эксбери, прознал о том, что ваш путь пролегает через его земли, и со всей сердечностью и радушием приглашает вас переночевать в его замке.

— Но... — неуверенно протянула Гвен.

— Замок светлейшего лорда Эксбери всего в трех милях отсюда, миледи. Лорд Джозеф очень обеспокоен тем, что вам приходится путешествовать под дождем; он предлагает всего лишь одну ночь в тепле и сухости вам и вашим людям.

Гвен бросила неуверенный взгляд на Майлза. Тепло камина... сухая одежда... чистота и мягкость свежей постели... Люси, которая нуждается в тепле и целебном отваре... Ее люди, державшиеся из последних сил...

— Не думаю... — начал было Кроу, встретив ее вопросительный взгляд и нахмурился брови, но Гвен поспешно прикоснулась к его руке.

— Мы с радостью примем предложение добрейшего лорда Эксбери, — любезно

ответила Гвен.

Гонец просиял.

— О, вы осчастливите его своим согласием, миледи. В таком случае велите вашим людям свернуть лагерь и следовать за мной.

Довольный посланник скрылся за завесой шатра, и Гвен вновь встретила с хмурым взглядом Майлза Кроу.

— Будет ли мне позволено высказать свое мнение, миледи? — Кроу явно был недоволен.

— Конечно, сир Майлз, — ласково сказала Гвен.

— Кхм... Несмотря на дожди... мне кажется неразумным отклоняться от нашего маршрута.

— Отчего же? — Гвен удивленно приподняла бровь. — Лорд Эксбери всегда был настроен ко мне дружелюбно.

Она вдруг вспомнила письмо с предложением руки и сердца от лорда Джозефа, на которое ответила завуалированным отказом, вспомнила его неискреннюю улыбку, когда ловила его взгляд на трибунах во время турнира, и в душе шевельнулось нехорошее предчувствие. Однако мысли о теплой постели и глотке горячего вина у жарко пылающего камина немедленно вытеснили его.

— Уверяю вас, сир, лишняя ночь в тепле не повредит никому из нас. Отнесите меня обратно в повозку и прикажите свернуть лагерь.

— Как вам будет угодно, миледи, — поклонился неулыбчивый Майлз и вновь поднял Гвен на руки.

Три мили по такой грязи показались Гвендолин вечностью, поэтому она была несказанно рада увидеть в сгустившихся сумерках сквозь завесу дождя темные очертания замка с остроконечными шпилями башен. Подъемный мост был гостеприимно опущен, и у края аппарели их ожидали всадники с ярко пылающими факелами. Завидев процессию, двое из них выдвинулись навстречу, прищпоривая лошадей, насколько это было возможно при такой погоде, и поравнялись с каретой Гвен.

— Миледи, лорд Эксбери с нетерпением ждет вас и шлет вам заверения в своем почтении. Вы можете проехать внутрь — вы и шесть человек из вашей стражи.

— Шесть? — ошеломленно переспросила Гвен. — Всего лишь шесть? Но почему не все?

— Светлейший лорд Эксбери покорнейше просит прощения, но замок не сможет разместить больше солдат. Однако для ваших людей уже приготовлены шатры здесь, за валом, а также сухие постели, дрова, бочки с вином и еда.

Гвен прикусила губу и встретила взглядом с сиром Кроу, который подъехал вплотную к рыцарям с факелами, все больше хмурясь.

— Миледи, мне это не нравится... — начал он.

«Мне тоже», — должна была признать Гвен.

— Миледи, вам решительно не о чем беспокоиться, — поспешно заверил посланник. — Разумеется, вы в своем праве остаться и снаружи, воспользовавшись шатрами, но лорд Эксбери будет крайне огорчен, если вы отвергнете его гостеприимство.

«Ссориться с соседями — последнее дело», — вспомнила она слова отца и кивнула.

— Мы едем. Сир Кроу, вы со мной. И отберите еще пять человек из моей стражи.

Майлз Кроу помедлил, переводя взгляд потемневших глаз с Гвен на посланцев, прежде

чем нехотя кивнуть.

— Как прикажете, миледи.

* * *

Грейв повел левым плечом и прогнулся в спине, хрустнув позвонками. В последнее время где-то там, в области левой лопатки и за грудиной, у него постоянно что-то тянуло и ныло. Старые раны тоже давали о себе знать: все худо-бедно сросшиеся кости ломило — вероятно, из-за сырой погоды.

Дождь не унимался уже несколько дней, и все эти дни Грейва одолевала нарастающая тревога. Не в добрый час Гвендолин отправилась в путешествие, в этом сомневаться не приходилось. Как она доберется до Атласного Края в такую погоду? Многие и многие десятки миль по разбитым дорогам, по холоду и сырости, внезапно свалившимся на их земли после долгого сухого тепла.

Но что же делать?

Гвардия набрана и уже проводит тренировки на внутреннем дворе. Соратники Грейва все чаще одаривают его хмурыми взглядами и заговаривают с ним все реже и почтительней. Дэн Болтун, который обычно трещал без умолку, хвастаясь о своих старых победах, теперь едва раскрывал рот в присутствии Грейва. Проныра смотрел на него так, будто знал его тайну.

Конечно, если знает один — знают и все остальные. Они знали и ждали от него решения.

Грейв скрежетнул зубами, вспоминая их невеселые туманные намеки.

Почему ему не хватило сил поговорить с леди Гвендолин до ее отъезда? Почему он не сказал, что просит освободить его от клятвы? Почему не скажет своим людям, чтобы готовились к долгому пути в Зазимье?

Решил ли он окончательно? Адово пламя, не решил... Он до сих пор не был уверен в том, что правильно, а что нет. Там, в Зазимье, его скорее всего ждет лишь немая неприязнь и глухая ненависть. Одиночество среди своих. Одиночество и добровольное заточение, которому не будет конца...

И ради чего?

Но что ждет его здесь? Что будет с ним, когда леди Ройз выйдет замуж? Будет ли она жить в этом замке вместе с новым мужем? Или уедет в чужой, оставив свои владения на попечение наместника? Так или иначе, ему здесь больше не будет места. Он не сможет жить рядом с ней, дышать одним с ней воздухом, смотреть на нее и знать, что кто-то другой согревает ее постель, по ночам сжимает в объятиях, целует нежные розовые губы...

Грейв услышал неприятные звуки и опомнился — это хрустели костяшки его пальцев, сжатых в кулаки, и скрежетали его зубы, когда он неосознанно стискивал челюсти.

Он снова взглянул в окно и повел плечом. Боль в левой части грудины не прекращалась ни на минуту. Впрочем, к боли он давно привык.

Слишком давно.

Он раздраженно расстегнул верхнюю пуговицу дублета, собираясь раздеться поскорее и рухнуть на кровать в надежде забыться сном, когда вдруг услышал за дверью чьи-то быстрые тяжелые шаги и следом за ними — громкий стук в дверь.

— Капитан Грейв! — крикнули из-за двери, не переставая стучать. — Капитан, вы не спите?

— Провалились бы вы в пекло! — выругался Грейв сквозь зубы и отодвинул засов. — Чего тебе?

За дверью стоял встревоженный гвардеец из замковой стражи.

— Плохие новости, капитан. От миледи.

— Что? — Грейв ощутил, как спину сковал леденящий ужас, а между напряженными лопатками под одеждой проступил холодный пот. — Что с ней?

— Гонец из отряда, капитан. Хочет немедленно говорить с вами. Похоже, леди в опасности. Вы спуститесь?

Грейв помчался вниз с быстротой гончего пса, грубо оттолкнув гвардейца и перескакивая сразу несколько ступеней по лестницам. Мокрый, уставший, изможденный гонец сидел в холле у входа в большой зал и тяжело, сипло дышал — воздух со свистом вырывался из его легких.

— Что случилось? — черной тучей налетел на гонца Грейв.

Тот поднял уставшие больные глаза, казавшиеся темными провалами на бледном лице, и выдохнул:

— Ее держит в своем замке лорд Эксбери.

— Но как... как она там оказалась? — удивился Грейв.

И гонец, сбиваясь и надсадно кашляя, рассказал о неожиданном приглашении и о том, что лишь шесть человек из двух десятков сопровождавших прошли в замок вместе с леди; что она не появилась наутро, как было оговорено; что утром разводной мост так и не опустили, а от леди не было никаких вестей до середины дня; что к этому времени оставшиеся за валом рыцари поняли, что дело плохо, и отправили его с посланием к капитану Грейву за подмогой.

Грейв огляделся и заметил, что они не одни. Его люди стояли рядом, плечом к плечу с другими гвардейцами из Волчьего Логова.

— Трубите сбор, — отрывисто приказал он, — мы выступаем немедленно.

— Сколько человек? — осведомился один из гвардейцев.

— Все. Кроме двадцати, что останется охранять замок. Все, включая новобранцев.

* * *

Гвен коснулась кончиком языка пересохшей нижней губы и посмотрела на чашу с водой, стоявшую в такой близости от нее... только руку протяни — и жажда, что мучила ее вот уже целый день, будет утолена.

— Ну же, миледи, — услышала она вкрадчивый голос мужчины, сидящего за столом напротив нее, — решайтесь. На что вам сдался этот выскочка Вэнс? Победить на турнире — это еще не выиграть битву за жизнь, леди Ройз, уверяю вас. Побеждает в итоге не красота и сила, а ум.

Неприятный рыхлый мужчина, сидевший перед ней, постучал указательным пальцем по собственному виску.

— Ум, миледи! Смею вас заверить, этого добра у меня достаточно. Но и остального тоже. Я отнюдь не беден, леди Ройз. Вы не будете нуждаться ни в чем. Богатые наряды,

украшения, служанки, заморские лакомства — всего этого будет у вас в избытке.

— Мне не нужны наряды, — поморщилась Гвен. — Я уже говорила вам. Я не выйду за вас замуж.

— Разве вы не голодны? — задумчиво произнес лорд Эксбери, стрельнув в нее маленькими водянистыми глазками, пододвигая блюдо, доверху наполненное фруктами. — Разве вам не хочется пить?

Гвен грустно усмехнулась. Теперь этот трюк с ней не пройдет.

Кормить ее перестали еще этим утром. Лорд Эксбери, как и во все предыдущие дни, с утра велел привести ее к себе в кабинет, поставил перед ней тарелку ароматной каши с орехами и фруктами, но едва ее рука потянулась к ложке, он отодвинул еду от нее. «Я жду вашего решения», — сказал он. Гвен не сразу поняла, что все это значит. К ложке она больше не прикоснулась, но когда потянулась к кубку с водой, стоявшему там же, на столе, Эксбери отодвинул и его. «Еды и питья в моем доме в изобилии, — ухмыляясь рыхлыми мясистыми губами, сообщил ей лорд, — но все это предназначено только для моей будущей жены и ее людей. Вы ведь согласитесь стать моей женой, леди Ройз?»

Эта пытка продолжалась уже не первый день, но голод к жажде прибавился лишь сегодня. Лорд Эксбери недвусмысленно дал ей понять, что ни она, ни ее люди, которые были взяты под стражу в первый же день, не получают ничего, пока она не даст своего согласия.

Но что такое голод и жажда по сравнению с целой жизнью здесь, в этом замке? Рядом с таким премерзким человеком, как лорд Джозеф Эксбери? Едва лишь Гвен представила себе, что ей придется лечь с ним в постель, как от одной мысли об этом ей сделалось дурно.

Нет. Не настолько уж ей хочется пить.

Слушая тихий, вкрадчивый голос своего тюремщика и рассеянно глядя, как шевелятся на его щеках отвратительные бородавки, Гвен подсчитывала в уме, сколько дней уже провела здесь. Наверняка одного дня ее людям, оставшимся снаружи, было бы достаточно, чтобы понять, что случилось неладное. Но что они могли предпринять? Еще в первый день, когда лорд Эксбери настойчиво взял ее под руку и провел по своему замку, демонстрируя ей свое богатство и мощь, она заметила, что замок весь наспигован вооруженными рыцарями. Два десятка людей — нет, четырнадцать, без тех шести, что имели несчастье войти вместе с ней в этот враждебный замок — не сможет осилить штурм. Это верное самоубийство, как и та отчаянная храбрость, с которой шесть ее гвардейцев схватились за мечи, когда поняли, что попали в засаду. Окруженные копейщиками и лучниками, они встали в круг спиной к спине — жестокий лорд Эксбери заставил Гвен смотреть на все это — и приняли бой, несмотря на всю его безнадежность. На ее глазах погиб начальник ее стражи, храбрый сир Кроу, и еще двое рыцарей, остальных же, раненых и обезоруженных, отправили в темницы.

Гвен прикрыла глаза, вспоминая об этой резне. Как она винила себя в собственной глупости, стоившей жизни троим людям!

Есть ли выход? Догадались ли оставшиеся снаружи солдаты послать за помощью в Волчье Логово? Сколько дней потребуется Грейву, чтобы достигнуть Восточного берега по размытой дороге и начать штурм?

Она надеялась протянуть время.

— Упрямитесь? — водянистые глаза грузного мужчины за столом неприятно сузились. — Что ж, я бы с удовольствием проводил с вами время за приятной беседой, но мне не терпится заняться с вами чем-то еще более приятным. Конечно, вы женщина

порядочная, хоть и вдова. Да и я человек чести...

При этих словах Гвен безрадостно улыбнулась, хотя ее пальцы нервно сжали ткань платья на коленях. Ей не понравилась тема, которую затронул в их разговоре лорд Эксбери.

— ...Поэтому я хотел бы сделать все как полагается, миледи. Сначала клятвы у алтаря, а затем и радости любви. Поверьте, я не хочу бесчестить вас.

Гвен содрогнулась.

— И чего вы этим добьетесь? — глухо спросила она, поднимая на него укоризненный взгляд.

— Ничего, — согласился лорд Эксбери, разводя руками, — но хотел бы добиться гораздо большего — вашей благосклонности. Я хочу видеть улыбку на вашем лице, когда вы скажете «да» священнику.

— Этого не будет, — ровно ответила Гвен.

— Вы утомили меня, — с некоторым раздражением ответил лорд, откинувшись в кресле, а затем громко хлопнул в ладоши.

На пороге кабинета появились молчаливые слуги.

— Приведите девушку, — велел им хозяин.

Гвен вздрогнула. Девушку? Уж не Люси ли велел он привести? Но зачем?

Разгадка наступила очень скоро. Бледную, заплаканную Люси в помятой одежде и с распущенными волосами приволокли стражники и бросили к ногам Гвен. Она тут же встала с кресла, чтобы помочь служанке подняться, но чьи-то грубые руки в латных перчатках сжали ее плечи и заставили сесть обратно.

Гвен во все глаза глядела на рыдающую девушку, которая переводила затравленный взгляд с хозяйки на лорда Эксбери, а затем на вооруженных рыцарей, что стояли по обе стороны от нее.

— А если мы заключим маленькую сделку? — оживился лорд Джозеф, поднимаясь из-за стола и подходя к Гвен. — Скажем, жизнь этого милого юного создания в обмен на счастье стать леди Эксбери?

Глаза Гвен в ужасе расширились, когда она посмотрела на ухмыляющегося лорда.

— Что?

— Вы согласны?

— Что? Я?.. Нет, я... — растерянно лепетала Гвен, не в силах поверить, что Эксбери говорит серьезно.

— Приступайте, — кивнул тот своим рыцарям.

Те тут же пришли в движение — один из них заломил руки рыдающей Люси за спину, другой грубо наклонил ее голову, схватил за волосы и обнажил шею. Третий рыцарь медленно извлек из ножен сверкающий клинок.

— Что вы делаете?! — ужаснулась Гвен, пытаясь встать. — Прекратите немедленно! Вы не можете!..

Третий рыцарь так же медленно занес меч над тоненькой шеей несчастной Люси, что изо всех сил пыталась высвободиться.

— Прекратите! — взвизгнула Гвен.

— Так вы согласны? — склонился над ней лорд Эксбери.

— Да! Да, черт вас возьми, да! Отпустите ее!..

— Как я рад, миледи, — облегченно воскликнул Эксбери, делая знак рыцарям.

Тот, что заносил меч над шеей девушки, так же медленно спрятал его в ножны, а

лишившуюся чувств Люси двое других потащили к выходу из кабинета.

— Я очень, очень рад, — твердил лорд Эксбери, пропуская золотистый локон Гвен между своих пальцев, — вы можете выпить воды и поесть — думаю, сегодня вы достаточно проголодались. А завтра на рассвете священник будет ждать нас у алтаря.

Гвен поднялась с кресла, с отвращением освобождая волосы из пальцев мучителя, а затем потянулась дрожащей рукой к бокалу с водой. Сделав вид, что подносит его ко рту, она вдруг резко выплеснула содержимое в лицо своему новоиспеченному жениху.

Тот отпрянул, выругавшись, но тут же достал из кармана платок и промокнул им мокрое лицо.

— Я не склонен к насилию, миледи, — проговорил он медленно, — но иногда оно необходимо, чтобы добиться должного уважения.

С этими словами он наотмашь ударил Гвендолин ладонью по лицу. Она вскрикнула и схватилась за щеку, которую словно обожгло огнем.

— Доброй ночи, миледи, — учтиво склонил перед ней голову лорд Эксбери и хлопнул в ладони, подзывая слуг, — вас проводят в ваши покои. Постарайтесь отдохнуть и хорошенько подготовиться к завтрашнему радостному дню.

Глава 10. На выручку

Измученные всадники на еще более измученных лошадях останавливались всего на несколько часов в день, чтобы дать короткий сон себе и отдых животным, а затем вновь скакали во весь опор, насколько позволяла размокшая дорога.

К счастью, мерзкий дождь прекратился за сутки до того, как конница из Волчьего Логова во главе с Грейвом, нещадно загоняя лошадей, достигла границ замка Чаячий Утес, принадлежащего лорду Эксбери. Солнце уже клонилось к закату, медленно опускаясь за высокий, покрытый густым лесом горный хребет, и по сизым волнам беспокойного моря, простирающегося к востоку от крепостных стен замка, скользили его огненно-красные лучи.

Грейв первым соскочил со взмыленного коня и досадливо поморщился, понимая, что сам едва держится на ногах — чертовы латы прижимали его к земле, будто были высечены из камня.

Он взобрался на самый верх защитной насыпи, снял перчатку, вытер взмокший лоб и принялся изучающе рассматривать очертания замка.

— Как обстоят дела? — бросил он кому-то через плечо, не отрывая глаз от мрачно-серой каменной твердыни.

— Мост не опускали с того самого вечера, как леди Ройз оказалась в замке, — доложил ему один из взволнованных рыцарей.

— Какие-нибудь требования выдвигали?

— Никаких.

Внимательный взгляд Грейва скользнул по глубокому рву, в котором плескалась морская вода, отрезая замок от земли наподобие острова, по поднятому мосту, по сторожевым башням, с которых за ними наблюдали лучники. У себя за спиной он все еще слышал топот копыт приближающихся всадников, и все больше и больше рыцарей спешили и становились у него за плечами.

— Обстрелов не было?

— Почти... Первые дни мы кричали и требовали, чтобы опустили мост. Ронни и Джейкоб попробовали спуститься вниз, чтобы исследовать глубину рва, но их сняли лучники. Кажется, наши тоже подстрелили парочку... но это все.

Грейв нахмурился, пнул носком сапога камень, наполовину погруженный в начавшую подсыхать грязь, и еще раз окинул взглядом ров.

— С моря подходов нет?

— Нет. Замок построен на скале, вся его восточная стена находится прямо над обрывом. С моря не подойти. Слева и справа от нее есть желоба, впускающие в ров морскую воду, но они надежно охраняются.

— Морскую воду... — задумчиво повторил Грейв. — Значит, вода заходит в ров во время прилива и уходит во время отлива?

— Да, — оживился рыцарь за его плечом, — вечерний отлив как раз должен начаться через пару часов. Самая низкая вода приходится на время после заката, когда уже совсем стемнеет. А затем начинает подниматься, и к утру прилив возвращает уровень воды на прежнее место.

— Насколько опускается вода?

— Значительно, футов от двадцати до двадцати пяти. Но глубина рва...

— ...не может быть слишком большой, — уверенно закончил Грейв и повернулся лицом к рыцарям. — Сейчас все как один набивайте мешки камнями. Маленькими, большими — какие найдете. Когда при отливе вода во рву спадет, мы забросаем ими дно возле моста.

— Но... у нас нет мешков, — возразил кто-то из толпы.

Грейв почувствовал, как гнев застилает ему глаза.

— Так найдите! Используйте в качестве мешков что угодно — палатки, плащи, куртки, хоть портки! Иначе я набью камнями ваши собственные задницы! Через три часа все должно быть готово!

Солдаты ринулись выполнять приказание, а Грейв помешкал еще с минуту, прежде чем присоединиться к ним. Дэн Болтун с тревогой посмотрел ему в глаза.

— Забросаем камнями ров, а дальше что?

— Дальше — штурм. Перейдем по насыпи ров.

— Но лучники...

— В пекло лучников — у нас есть щиты! Солдаты зацепят крюками веревочные лестницы, отобьют лебедки моста. Когда мост опустится, конница сможет ворваться в замок.

— Но... сколько людей погибнет под стрелами, пока мы возьмем мост? — с сомнением протянул Ригер, качая головой.

— Сегодня погибнут многие, — жестко ответил Грейв, — но мы не на бал сюда ехали.

Он повел плечом, чтобы унять ноющую за грудиной боль, сорвал с себя плащ и принялся набивать его камнями.

* * *

Гвен думала, что этой ночью ей так и не удастся сомкнуть глаз, но когда сквозь одуряющую головную боль подкрался сон, ей вдруг послышался лязг металла. Сердце затрепыхалось в груди — не тот ли это сигнал, которого она так ждала? Она вскочила с кровати, подбежала к окну и распахнула его настежь, впустив в комнату холодный промозглый воздух. Звон металла теперь слышался отчетливей. Она не ошиблась. Разглядеть что-либо в темноте не удалось, но звуки, доносившиеся со внутренних дворов замка, не оставляли никаких сомнений: снаружи кипел бой.

Устрашающие крики нападавших смешивались с истошными воплями раненых, а громкое ржание лошадей и цокот их копыт по каменным плитам двора терялись в звонких ударах стали о сталь. Гвен трясущимися от волнения руками зажгла свечу, торопливо натянула платье поверх нижней рубашки, подбежала к двери и без особой надежды подергала ручку.

Конечно, заперто. Она припала ухом к замочной скважине и немедленно услышала шум шагов. Сердце забилось еще чаще — ее скоро освободят!

Но когда распахнулась дверь, радостное ожидание сменилось разочарованием: на пороге стояли рыцари из Чаячего Утеса. Не отвечая на ее вопросы и не обращая внимания на протесты, они схватили ее за руки и потащили по темным сырým коридорам куда-то вниз.

«В подземелье», — с ужасом поняла Гвен, когда потеряла счет ступеням, по которым они спускались все ниже и ниже, пока не достигли длинного узкого коридора. Гвен в отчаянии вцепилась пальцами в кольчугу молчаливого рыцаря, безжалостно сжимавшего ее

плечо рукой в латной перчатке.

— Пощадите, — взмолилась она, — не делайте этого... я щедро награжу вас, если отпустите меня к моим людям!

Но рыцарь лишь грубо дернул ее за руку и поволок дальше. Гвен в страхе оглядывалась вокруг — в темноте подземелья, освещаемой лишь тусклым светом факелов, что несли рыцари, она различила целый ряд тяжелых деревянных дверей с железными засовами. «Темницы», — догадалась она, и ноги от страха совершенно ослабели. Но ее не бросили ни в одну из них — рыцари безмолвно волокли ее дальше, пока в конце длинного коридора Гвен не увидела бледного испуганного сторожа со связкой ключей.

— Открывай, — коротко бросил один из рыцарей, и сторож, нервно звякнув ключами, опустился на колени.

Гвен удивленно посмотрела вниз и ощутила тошноту: сторож поднял тяжелый деревянный люк в полу и почтительно отступил в сторону. Вниз уходили каменные ступени, столь узкие, что пройти по ним можно было лишь одному человеку. Один из рыцарей спустился первым, освещая путь. Второй втолкнул следом Гвен, настолько грубо, что она сверзилась бы со ступеней прямо вниз, свернув себе шею, если бы не уперлась руками в широкую спину идущего впереди стражника.

Здесь было тесно, темно и сыро; пахло солью, морскими водорослями и плесенью. Толстая железная решетка с изъеденными ржавчиной прутьями разделяла узкое помещение надвое. Один из рыцарей отомкнул узкую дверцу в решетке, подтолкнул Гвен ко входу, а затем вошел сам.

— Сжальтесь, — в ужасе шептала Гвен, чувствуя, как по ее щекам катятся слезы отчаяния, — прошу вас! Будьте милосердны... не оставляйте меня здесь...

Ее, казалось, никто не слышал. Один из рыцарей поглядел вверх, посветив себе факелом. Гвен проследила его взгляд — вверху было что-то вроде окна, наглухо закрытого ставней. Рыцарь подтолкнул к себе ногой пустое жестяное ведро — судя по запаху, для нечистот, — перевернул его вверх дном и взобрался сверху, пытаясь дотянуться до окна. Помогая себе мечом, он отпер задвижку ставни, и та с шумом распахнулась, впуская в затхлую сырую клетку порыв свежего морского воздуха. Гвен инстинктивно сделала глубокий вдох, но тут же захлебнулась новым потоком слез: рыцарь уже намеревался выходить.

— Прошу вас, — вцепилась она в край его плаща, — не оставляйте меня здесь одну... смилуйтесь!

Но рука в латной перчатке схватила ее за запястье и сильно надавила, заставляя Гвен вскрикнуть от боли и разжать пальцы. Рыцарь вышел, запер решетчатую дверь снаружи на засовы, несколько раз проскрежетал ключ в замочных скважинах, а затем оба стражника повернулись к выходу.

— Прошу вас! — вскричала Гвен в крайнем отчаянии. — Оставьте мне факел! Пожалуйста! Я сойду с ума в темноте...

Один из рыцарей обернулся и посмотрел на нее сквозь опущенное забрало шлема. Поколебавшись, он все же вставил свой факел в крепеж на стене, а затем оба они поднялись по ступеням вверх. Гвен услышала, как сверху захлопнулся деревянный люк, упала на отсыревший соломенный тюфяк у решетки и разразилась горькими рыданиями.

К полуночи Грейв ощущал смертельную усталость и видел, как падают с ног от изнеможения его люди. Несколько дней утомительной скачки, почти без сна, затем сбор камней, которыми они завалили ров во время отлива, затем бой за мост, изнурительный штурм, во время которого они потеряли не менее трех десятков людей — это лишало людей остатков сил.

Только ярость удерживала его в седле, ярость заставляла судорожно сжимать в ладони рукоять окровавленного меча, ярость придавала мощи его безжалостным ударам, ярость наделяла руки такой силой, что правая прорубала мечом железные пластины вражеской брони, а левая молотом выбивала всадников из седел, сносила головы, расплющивала лица. Под ним был уже третий конь — первые два пали в бою от мечей и копий. Бедро саднило от скользящего попадания между сочленениями доспехов вражеской стрелы, левое плечо горело огнем от удара чьей-то шипастой палицы, смявшей наплечник, голова в шлеме гудела от оглушающего лязга металла и человеческих воплей, но он продолжал разить — до тех пор, пока защитники замка не дрогнули под натиском штурмующих и не смяли свои ряды, отступая все дальше.

«Еще немного... — твердил себе Грейв, выискивая глазами в прорези забрала следующую цель, — еще один удар... еще один шаг... еще одна смерть...»

Наконец раздалась долгожданная крики: защитники замка прекратили оборону и начали сдаваться один за другим.

Грейв сорвал с головы шлем, невыносимо давивший на шею, спрыгнул с коня и, предоставив солдатам разбираться с пленными, ворвался в двери главного замка. Испуганные слуги, словно бесплотные тени, шарахнулись в стороны, но Грейв поймал первого, кто попался под руку — им оказался сопливый парнишка, белый от страха, — и прорычал тому в лицо:

— Где леди Ройз?

Парнишка непонимающе округлил глаза и затрясся, но Грейв встряхнул его так, что у мальчика щелкнули челюсти.

— Где?!

— Я... не знаю...

— Где покои лорда?! — заорал он, и малец промычал что-то, тыкая пальцем на лестницу. — Веди, быстро!

Оглянувшись, он увидел своих: Проныру, Болтуна и Ригера. Тяжело дыша, те следовали за Грейвом, не отставая ни на шаг. Грейв был рад, что не остался один — его люди пришли на помощь. Еще больше он обрадовался их присутствию тогда, когда увидел перед покоями лорда вооруженных стражников.

«Опять», — устало подумал он, доставая из ножен меч. Каждая мышца, каждая клеточка охваченного болью утомленного тела завопила, ощутив новое напряжение после недолгой передышки. «Опять», — ответил он сам себе, замахиваясь для удара и принимая на острое лезвие вражеский меч.

Сражаться в коридоре было гораздо сложнее, чем на открытом пространстве двора: размахнуться как следует не получалось, тяжелый длинный меч цеплялся за каменные стены. Рыцарь из стражи лорда Эксбери что есть силы бил Грейва щитом, пока тот не

разлетелся от ответного удара молотом. Проныра, колотивший рукоятью меча по окровавленному телу какого-то рыцаря, чуть не снес оставшуюся без шлема голову самому Грейву. Сам Грейв едва не растянулся на каменном полу, когда споткнулся о ногу павшего, но удержался, ударив плечом в живот другого, еще сражающегося стражника. Поднимаясь, Грейв получил по лицу латной перчаткой, взревел, отбросил бесполезный меч, сорвал шлем с ударившего и кулаками принялся что есть силы молотить того по лицу. В конце концов безумная рукопашная схватка была выиграна. Грейв, почти ничего не видя из-за крови, заливавшей глаза, отыскал среди груды закованных в железо тел свой молот и несколькими ударами выбил дверь в покои лорда.

Лорд Эксбери, надо отдать ему должное, сохранял поистине королевскую безмятежность.

— Где она?! — заревел Грейв, подскочив к столу и с размаху грохнув молотом о деревянную столешницу. — Где?!

Он снова и снова лупил по столу перед носом побледневшего лорда, чувствуя, как его разрывает ярость, пока не раздробил столешницу в щепки и не раскидал ногами ее останки.

Лорд Эксбери молчал, впившись пальцами рук в подлокотники кресла.

— Говори, тварь!!! — заорал Грейв, выдернув лорда из кресла, и затряс его за грудки. — Говори!!!

Лорд Эксбери криво ухмыльнулся дрожащими губами.

— Убирайтесь из замка! Пока вы здесь, вы приближаете ее мучительную смерть!

— Что?! — заорал Грейв, схватив лорда за горло. — Что ты сказал, мерзавец?! Где она?!

— Скоро прилив... — бормотал окровавленными губами полоумный Эксбери, доводя Грейва до полнейшего иступления, — у вас есть время убраться до прилива, иначе она захлебнется...

Грейв сдавил ему горло и принялся бить головой о спинку стула, пока Проныра и Ригер не оттащили его от жертвы.

— Ты убьешь его! — крикнул Болтун.

— Убью!!! — ревел Грейв, срывая голос. — Убью, если не скажет!

Рука Болтуна перехватила его руку.

— Это благородный лорд. За его смерть тебя будет судить король! Ты хочешь на виселицу?!

Он услышал безумный смех лорда Эксбери и вдруг снова почувствовал навалившуюся усталость.

«Скоро прилив», — прокрутил он в голове слова мерзавца, — «прилив... она захлебнется...»

— Болтун, разберись с этой гнидой, — после ужасающего крика, что несколькими мгновениями раньше вырывался из его горла, голос теперь казался сиплым и почти спокойным, — Проныра, Ригер, зовите людей, пусть обследуют подземелья — каждую клетку, каждую щель. Она где-то внизу.

Безумный хохот лорда Эксбери острым кинжалом вонзился в мозг.

В коридоре он подобрал свой меч, на ходу вложил его в ножны и ускорил шаг почти до бега. Отыскав лестницу, ведущую вниз, он бросился вниз, перескакивая через ступеньки, и несколько раз едва не оступился. Ему казалось, он бежал целую вечность, пока не достиг нижних коридоров. Двери, двери, двери — много, слишком много, десятки дверей... Грейв дергал каждую — если не поддавалась, в ход шел молот, сбивая замки и сминая засовы,

кореза металл, расщепляя дерево. Проныра, Ригер и другие рыцари из Волчьего Логова помогали ему, разбивая соседние двери; в некоторых из них обнаружили их соратники, закованные в кандалы. Но даже когда последняя дверь была разбита и открыта, Гвен так и не отыскалась.

Грейв беспомощно оглянулся. Рыцари, пришедшие с ним, выводили пленников из коридора наружу — здесь больше нечего было делать.

— Мы поищем дальше, — крикнул ему Ригер, выбегая последним из опустевшего коридора.

Грейв стоял и старался собрать мысли в кучу. «Прилив», — твердил он себе раз за разом, — «Прилив... она где-то здесь... но где?»

В темноте закутка, который он сразу не заметил, ему послышался шорох. Обернувшись, он взгляделся в темноту, жалея, что никто не догадался захватить сюда факел.

— Кто здесь?

Всхлип и судорожный вздох.

— Кто здесь?! — взревел Грейв и ударил молотом по каменной стене.

— Я... это я... я ничего не сделал... прошу вас...

Грейв взгляделся пристальней и заметил в углу сжавшегося в комок человечка, прикрывающего голову руками.

— Где леди Ройз? — заорал на него Грейв, хватая рукой в кольчужной перчатке за горло.

— Она здесь... внизу... но у меня есть ключ только от люка...

— Открывай!!!

Бледный человечек на коленях подполз к темному прямоугольнику в полу, зазвенел железными ключами, с натугой приподнял тяжелый люк.

Из дыры в полу проникал неяркий свет — он позволил взгляду выхватить ступени, ведущие вниз. Не раздумывая, Грейв бросился вниз, чертыхаясь при каждом шаге, когда длинные ножны путались под ногами.

— Дрейк! — услышал он женский крик. — Дрейк!

«Кристина, — резанула мозг безумная мысль. — Я спасу тебя...»

Но, конечно, это была не Кристина. Грейв тряхнул головой, прогоняя наваждение, и закричал:

— Гвен, я здесь!

Спрыгнув с последней ступеньки, он почему-то оказался по пояс в воде.

В свете догорающего факела он заметил женскую фигурку, судорожно вцепившуюся в стальные прутья решетчатой двери. Он бросился к ней и схватился за решетку со своей стороны, трянув ее что есть силы.

— Что с тобой? Ты ранена? — его взгляд лихорадочно метался по бледному лицу, по спутанным волосам, а затем метнулся ей за спину.

— Нет... Я в порядке... ты вытащишь меня? — лепетала дрожащая от страха Гвендолин.

— Сейчас... сейчас...

Он видел открытое окно под самым потолком темницы, из которого широким потоком хлестала вода — судя по запаху, морская. Вода доходила ему до пояса и скрывала Гвен по ту сторону решетки почти по грудь.

«Прилив» — вспомнил он слова безумного лорда и с новой силой дернул решетчатую дверь. Но та и не думала поддаваться.

Грейв отпустил решетку и бросился наверх, тяжело преодолевая закованными в латы ногами сопротивление воды.

— Эй! Ты там, наверху! Отдай ключ от двери, чертова гнида, немедленно!

Он почти взобрался наверх, тяжело волоча ноги в сапогах, по самые голенища полных воды, но прямо над ним люк захлопнулся, и Грейв услышал лязг задвижки и звон ключа.

— Мать твою, гребаная тварь!!! — заорал он в ярости, саданув кулаком в латной перчатке по люку изнутри. — Я тебе кишки выпущу, открой сейчас же!!!

— Дрейк... — зарыдала Гвен где-то внизу.

Грейв замахнулся молотом снизу вверх и что есть силы ударил по крышке люка.

— Дрейк... — плакала Гвендолин.

— Сейчас... — прохрипел он устало, — сейчас, Гвен... я тебя освобожу.

Он спустился вниз и еще раз осмотрел решетку. Дверь была закрыта на два засова, окольцованных плотно сжатыми железными хомутами. Один засов уже скрывался под толщей воды, второй еще выступал над ней.

— Отойди, Гвен, — сказал он.

Когда она, всхлипывая, отошла от решетки, он размахнулся и ударил молотом по засову. Решетка была слишком толстой, а хомуты на засовах слишком крепкими — он не заметил, чтобы дверь хоть как-то поддалась.

Ну уж нет. Так не будет. Грейв вновь почувствовал бурлящую внутри ярость и принялся с остервенением лупить молотом по засову... Он бил, пока не почувствовал, что молот уже погружается в воду, а засов, похоже, вовсе не собирается поддаваться — только крепче вклепывается в металл решетки. Выругавшись и осознав бесполезность этой затеи, Грейв отступил — вода доходила ему теперь почти до груди — и осмотрел место крепления решетки к каменной кладке стены. Размахнувшись, он ударил по участку, который казался ему наиболее уязвимым, а затем еще раз и еще. Пот заливал ему глаза, ссадину на лбу щипало, доспехи ужасно мешали и давили на плечи, словно кузнечная наковальня, но разоблачаться было некогда. Он продолжал ожесточенно молотить в одно и то же место, и спустя вечность ему показалось, что ржавый металл поддался и начал шевелиться. Однако замахиваться было с каждым разом сложнее — помимо того, что его одолевала невероятная усталость, уровень воды в камере теперь поднялся так, что мешал замаху.

Сбросив перчатку, он перевел дух и вытер тыльной стороной ладони пот со лба — на руке остались влажные красные разводы от запекшейся крови. Бросив взгляд на Гвен, он заметил, что она находится в воде почти по шею и молча смотрит на него распахнутыми от ужаса глазами.

— Все будет хорошо, — пробормотал он, задыхаясь от напряжения, и взглянул вверх.

Гвен проследила его взгляд и тихо всхлипнула. Камера смерти имела разный уровень потолков: со стороны пленницы он был ниже, и теперь от поверхности воды до потолка, к которому крепилась решетка, оставалось не более трех-четырёх футов.

— Все будет хорошо, — упрямо повторил Грейв и снова принялся бить молотом по металлу.

Один прут все-таки вылетел из стены и согнулся, освободив кусок пространства, но все же недостаточно широкого, чтобы Гвен могла проскользнуть в него. Грейв сплюнул в воду, дошедшую ему уже до подбородка, и взглянул на Гвен.

Она взобралась по решетке вверх и, дрожа от ужаса — а может, и от холода, ведь морская вода в это время года была уже отнюдь не теплой, — цеплялась за железные прутья

уже на уровне его головы. Грейв с остервенением принялся за второй прут, хотя бить по решетке сквозь толщу воды было несравнимо сложнее.

Внезапно камеру окутала крошечная тьма: вода достигла факела, загасив огонь.

— Мне страшно, — застучала зубами Гвендолин где-то над ухом Грейва.

— Держись, Гвен, — ободрил он ее, усиленно моргая, чтобы привыкнуть к темноте, — держись, уже недолго.

И он бил, бил и бил, выныривая и вдыхая воздух и снова ныряя и лупя молотом по решетке, пока наконец второй прут не поддался — в этот самый миг железный молот слетел со сломанной рукояти и утонул где-то на непроглядном дне темницы.

Он бы ругнулся, но в это время находился полностью под водой. Напрягая все силы, он отогнул второй прут решетки, чтобы освободить пространство для пленницы.

— Готово, — сказал Грейв, выныривая и отплевываясь. — Подбирайся сюда.

— Куда? — всхлипнула Гвен.

— Держи меня за руку, я буду тебя вести. Вдохни побольше воздуха!

Оба они нырнули вниз, и Грейв подвел ее к отверстию, перехватывая ее запястье через решетку то одной рукой, то другой, пока она не нащупала дыру. Он просунул руку внутрь и поймал ее ладонь, направляя движение. Ее голова прошла, за ней плечи, Грейв обхватил ее за талию и потянул на себя, когда почувствовал, что она застряла. Сбросив вторую перчатку, он пошарил рукой, нащупывая помеху — это ткань платья зацепилась за острый конец отогнутого прута. Гвен забила в его руках, и он рванул платье, разрывая ткань и помогая пленнице проскользнуть сквозь дыру, а затем с силой вытолкнул ее вверх. Вслед за ней попытался вынырнуть сам, но тяжелые доспехи камнем тянули вниз. Чувствуя, что задыхается, и ощущая жгучую боль в пустых легких, он наугад приблизился к лестнице, нашарил ногой ступеньку и шагнул вверх. Следующий шаг позволил ему поднять лицо над уровнем воды, и он с шумом втянул в себя воздух.

— Ухх... — услышал он собственное фырканье, — Гвен, ты в порядке?

— Да, — услышал он ее судорожный всхлип, — здесь закрыто!

Он услышал, как она постучала кулаком о дверцу люка.

«Пекло», — выругался Грейв про себя, не желая ее пугать. Молот покоился где-то на дне темницы, искать его там не представлялось возможным. Да и что толку от набалдашника, если рукоять сломалась?

— Держись, Гвен, — шепнул он, нащупав в темноте ее плечо, — держись... я сейчас.

Он услышал ее всхлип, осторожно снял с пояса перевязь меча, обхватил голыми руками ножны и принялся лупить рукоятью снизу вверх по крышке люка.

Грейв чувствовал, что люк сидит не так уж и плотно — крышка то и дело гуляла в гнезде. И все же ее что-то крепко держало — вероятно, засов, на который мерзавец тюремщик запер ее сверху. Сожалеть, рассуждать, сетовать и жаловаться на судьбу было некогда — Грейв сосредоточился на том, чтобы снова и снова бить что есть силы рукоятью меча по крышке люка над головой. Ситуация повторялась — с каждым разом бить было сложнее и сложнее — подбиравшаяся кверху толща воды затрудняла движения, заставляла Грейва наверху хватать ртом глоток воздуха, глубоко приседать, погружаясь в воду, и с силой выныривать, выдыхая и вколачивая рукоять меча в неподатливую деревяшку. В очередной раз вынырнув, Грейв не смог вдохнуть, пока не поднял лицо кверху — вода оставила им всего несколько дюймов для дыхания. Где-то рядом заплакала Гвен:

— Мы умрем... мы утонем, Дрейк...

— Нет! — прорычал он, глотнул воздуха и снова присел, чтобы как следует размахнуться.

— Дрейк... Оставь... все кончено, — он почувствовал ее руки на своей голове.

— Нет! — упрямо взревел он и снова погрузился в воду.

— Где ты?.. — шептала она, когда он вновь поднял лицо кверху, чтобы вдохнуть, — Я не вижу тебя...

— Держись, Гвен, — упрямо повторил он и вновь саданул рукоятью по люку.

Что-то звякнуло вверху — похоже, какая-то деталь крепежа все же сломалась, но в этот миг меч выскользнул из трясущихся рук Грейва.

— Пекло, — выругался он вслух, булькая в воде и захлебываясь.

Он ударил локтем по люку — нет, ему не показалось, теперь он ходил вверх-вниз явно легче. Грейв шагнул на ступеньку выше, глубоко вдохнул, опустил лицо в воду и уперся плечами в деревянный люк, пытаясь сорвать его с петель. Люк поддавался, но плохо — он снова и снова вынужден был приседать и вбиваться плечами в дерево, заодно вколачивая железо доспехов себе в плечи, но не оставлял попытки ни на миг.

— Дрейк... — услышал он хриплое бульканье рядом с собой и вновь с силой нажал плечами на люк.

Деревяшка наконец поддалась: что-то со звоном отлетело вверху, люк распахнулся и опустился снова, больно ударив Грейва по макушке. Зашипев от боли, он погрузился вниз, нащупал руку Гвен и подтянул безвольную и молчаливую девушку ближе, обхватил за талию и прижал к себе, выползая из затопленной ловушки. Силы покинули его внезапно — их не хватило даже на то, чтобы вытащить из люка собственные ноги. Он рухнул навзничь на пол коридора, жадно хватая ртом воздух и судорожно прижимая к себе лежащую сверху Гвен.

— Мы живы... Слава Всевышнему! Мы живы! — шептала Гвен где-то над ним, роняя ему на лицо теплые слезы.

Грейву даже стало обидно — бог тут явно был ни при чем. Это его руки и его плечи, которых он больше не чувствовал, потому что они превратились в одну сплошную боль, принесли им обоим спасение. Но спорить он не стал, устало закрыв глаза и от всей души наслаждаясь вонючим воздухом подземелья: даже такой воздух, наполнявший сейчас его легкие, был куда предпочтительней морской воды.

— Мы живы, — продолжала шептать Гвендолин сквозь слезы, прикасаясь холодным носом и такими же холодными губами к его лицу.

Обнимая ее спину обессиленными руками, он ощущал мелкую дрожь под мокрым платьем. В который раз за сегодня он пожалел, что на нем доспехи: было бы здорово сейчас прижать ее прямо к телу, согревая своим теплом и чувствуя легкий трепет всем своим существом. Когда бы он еще смог вот так запросто обнимать ее светлейшее высочество леди Ройз?

— Дрейк... — шептала она, покрывая холодными поцелуями его лицо, — спасибо... спасибо...

Пекло. Он лежал с закрытыми глазами, восстанавливая дыхание, и ему отчаянно не хотелось, чтобы этот миг заканчивался, несмотря на то, что она совсем замерзла, да и его разгоряченное тело начало подмерзать. Мозги совсем затуманились, размякли от этих легких, почти невесомых, поцелуев, и его рука сама собой поползла по ее спине вверх — хотя мгновение назад он мог бы поклясться, что не способен больше пошевелить и пальцем. Ладонью коснулся прохладного затылка, погрузил пальцы в мокрые волосы, прижал голову

Гвен к своему лицу и впился губами в ее холодные губы, совершенно не задумываясь над тем, что делает. Гвен поддалась, приоткрывая рот и впуская его язык, заскользивший легко и свободно по внутренней поверхности ее губ. Она неловко обхватила губами его верхнюю губу, проследила ее легким касанием от края до края, застонала, когда он снова смял ее нежный рот своим, слегка прикусывая влажные уста и слизывая с них морскую соль.

В паху внезапно стало тепло и тесно, и на этот раз Грейв обрадовался, что на нем доспехи. Совершенно потеряв голову, он наслаждался поцелуем, раз за разом захватывая ее неумелые губы, согревая их своим дыханием, и чувствовал ее тонкие пальцы, запутавшиеся в его волосах...

...и мерзкую холодную воду, хлюпающую у него под затылком.

Она тоже почувствовала воду и отдернула пальцы, отпрянула от его лица, нависая над ним в темноте едва различимой бледной тенью.

— Мы все еще живы... но надо выбираться.

— Да, — шепнул Грейв, отчаянно желая вернуть своим губам ощущение прерванного поцелуя. — В следующий раз, миледи, когда поедете на свидание к жениху, берите меня с собой.

Она тихо выдохнула, обдав его теплым дыханием, и он не смог удержаться, чтобы не запустить руку ей в волосы и не прижать ее лицо к своему лицу, ее гладкую нежную щечку к своей щетинистой щеке.

— Мать, божья, капитан! — воскликнул кто-то неподалеку, и Грейв прищурился, защищая глаза от внезапно яркого света факела. — Куда вы подевались? О... Леди Ройз, какое счастье! Вы не ранены?

Чьи-то руки сдернули с него Гвендолин, разрушая волшебное объятие, а он так и остался валяться куском бесполезного дерьма на мокром полу подземелья.

— Капитан... вы не встаете?

— Я не могу, — прохрипел он, и тогда чьи-то руки подхватили его под плечи, помогая подняться.

— Замок взят?

— Взят, — услышал он голос Болтуна, — все под контролем.

— Что с вами, миледи? — допытывался кто-то.

— З-з-замерзла... очень... — стучала зубами Гвен где-то неподалеку, — т-т-там... вода...

— Тут есть купальни, миледи, — заворковал чей-то чужой, угодливый голос, — не прикажете ли растопить их и согреть вам воды?

— Д-д-да, — услышал он тихий шепот, — м-м-мне и капитану Грейву. М-м-мы долго пробыли в холодной воде.

Опираясь на чьи-то плечи и едва волоча ноги, чувствуя себя совершенно бессильным, но почему-то счастливым мешком дерьма, Грейв глупо улыбнулся и от всей души понадеялся, что в этот момент его никто не видит.

Глава 11. Исповедь

Горячая вода в одной из каменных ванн замковой купальни довольно быстро согрела онемевшее от холода тело Гвен. Она расслабилась, откинув голову на подголовник и блаженно закрыв глаза. Пугливые служанки намылили ароматной пеной волосы, сполоснули их теплой водой, высушили чистыми полотенцами и осторожно расчесали. Осторожные, успокаивающие движения чужих рук в волосах убаюкивали не хуже, чем материнская колыбельная.

Несмотря на то, что Гвен нежилась в купели довольно долго, вода оставалась приятно горячей: служанки то и дело подбрасывали в выемку под каменным дном ванны раскаленные угли. Гвен чувствовала себя так хорошо и спокойно, что едва не заснула прямо в воде.

Ну конечно, а чего она хотела. Сейчас ведь глубокая ночь — может быть, уже и утро, — а она не спала вот уже больше суток.

Но как же хорошо... У Гвен вырвался тихий стон наслаждения. Она спасена! Грейв, который на самом деле вовсе не Грейв, примчался, чтобы спасти ее... И ему это удалось.

Она улыбнулась.

— Подайте мне полотенце, — велела она служанкам, с сожалением покидая уютную каменную ванну.

Ее услужливо вытерли досуха и облачили в чужую длинную рубашку, поверх накинув широкий халат из тяжелого бархата. Запахнув полы и обхватив себя руками, Гвен обратилась к безмолвным помощницам:

— Капитан Грейв здесь?

— Да, миледи, — пискнула, поклонившись, одна из девушек, — он в соседней купальне.

— Проведите меня к нему.

Грейв и правда находился совсем рядом — ей пришлось лишь обогнуть высокую каменную перегородку, чтобы увидеть его. Такие же трясущиеся от страха служанки, подбросив из камина угли под его ванну, поспешили удалиться, едва завидев госпожу. Гвен подошла ближе, неслышно ступая: он сидел почти полностью погруженный в горячую воду, закрыв глаза. Его голова покоилась на удобной пологой выемке, а руки раскинулись вдоль бортиков купели. Она невольно засмотрелась на эти мускулистые руки, даже в расслабленном состоянии бугрившиеся мышцами, переплетенные венами и покрытые старыми шрамами от плеч до кистей.

Присев рядом на теплый каменный уступ, она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к обнаженному мужскому плечу и провела ими скользящую дорожку до локтя. Грейв открыл глаза.

— Леди Ройз, — он попытался приподнять голову, но Гвен предупредила его движение легким прикосновением к плечу.

— Лежите, капитан. Не тот момент, чтобы подниматься во весь рост — вы не находите?

Он хмыкнул, но ей показалось, что в пытливых серых глазах проскользнуло смущение.

— Я... — она запнулась, скользя взглядом по его все еще грязному лицу — по свежей ссадине на лбу с запекшейся кровью, по жуткому шраму от рваной раны на щеке возле уха, по тонкой неровной полоске, пересекающей бровь и скулу, по кривоватому носу, который в последний раз был сломан и вылечен в ее присутствии, по заросшей темной щетиной

челюсти. — Вы...

— Если вы хотели услышать от меня извинения, миледи, то ваши ожидания напрасны, — слегка сдвинув брови, проговорил Грейв, — я не собираюсь извиняться.

— Извиняться? — она искренне удивилась. — За что?

— Ну... — он снова смутился, отводя глаза в сторону, — э-э-э... я...

«Ах, он имеет в виду поцелуй», — догадалась Гвен и почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Я хотела поблагодарить вас за свое спасение, капитан, — пробормотала Гвен, пытаясь сгладить неловкую ситуацию, но не удержала взгляд и опустила ресницы.

— Вы уже благодарили... помнится мне, — буркнул он не слишком приветливо и вновь откинул голову назад.

— Но... — Гвен слегка растерялась, — все же... вы очень быстро пришли на помощь... и подоспели как нельзя вовремя... Лорд Эксбери...

Она заметила, как напряженный взгляд Грейва вновь метнулся к ее лицу из-под длинных черных ресниц. Услышала, как скрипнули вдруг стиснутые челюсти.

— Лорд Эксбери — что?.. Что он себе позволил?!

— О... — поспешно выдохнула она, — ничего... ничего такого. Я же говорю — вы успели вовремя. Если бы вы приехали днем позже, я была бы уже леди Эксбери, и уже никто не смог бы мне помочь.

По его испачканному грязью и кровью лицу заходили желваки.

— Впрочем... я не об этом хотела... Вы храбро сражались, я знаю. И там, внизу... если бы не ваша настойчивость... я была бы уже мертва.

Грейв нервно дернул плечом, и взгляд Гвен невольно метнулся вниз, проследив движение. Она поймала себя на желании потрогать это скульптурное, мощное плечо, ощутить пальцами твердость мышц и линии шрамов на коже.

— Я едва не опоздал, — хмуро буркнул Грейв. — И чуть не угробил вас, безмозглый осел.

— Ну что вы! Зачем вы... Вы смелый, сильный, благородный!..

Он фыркнул, словно лошадь, и Гвен слегка обиделась. Да, она малость растеряла привычное красноречие, и тем не менее слова ее были искренними.

— Почему вы так не любите, когда вам говорят правду? И сами не хотите... говорить.

— Правду? — он вдруг приподнял голову и вонзил яростный взгляд ей в глаза. — Вы хотите правды? Хорошо, вот вам правда: я вовсе не смелый. Я боялся, как тысяча распоследних трусов — боялся, что не успею. Боялся, что Эксбери уже что-нибудь сотворил с вами. Боялся, что не найду вас... Боялся, что не смогу вытащить из-за этой гребаной решетки!

Гвен сглотнула, не в силах оторвать взгляда от его гневных глаз.

— Сильный?.. — он злобно хмыкнул и вновь повел плечом, приподнял кисть и демонстративно уронил ее вниз. — Вот вам правда: сейчас у меня нет сил даже на то, чтобы поднести ложку ко рту! У меня нет сил даже подняться! У меня все болит, будто меня весь день лупили кузнечными молотами.

Гвен снова сглотнула, уголки ее рта нервно дернулись.

— Впрочем, так оно отчасти и было, — буркнул он себе под нос. — А о благородстве моем... Давайте не будем, ладно? Когда я целовал вас там, в подземелье, мои мысли, поверьте, были далеки от благородных.

Гвен на мгновение прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Успокойтесь, — сказала она как можно мягче, — не стоит так нервничать. Вас никто не обвиняет. И вообще-то я говорила о другой правде.

— О какой? — он настороженно приподнял бровь.

— Кто вы, Дрейк? — спросила она тихим шепотом. — Ответьте мне наконец.

Он некоторое время смотрел на нее с нечитаемым выражением лица, а затем вновь закрыл глаза и откинул голову на каменный подголовник.

Скользя взглядом по его усталому грязному лицу, Гвен подождала немного и печально вздохнула. Взяла кусочек лежавшей рядом выбеленной холстины, неспешно смочила его в воде, под села ближе и, почти не дыша, прикоснулась мокрой тканью к лицу Грейва. Он вздрогнул, но не открыл глаз. Она осторожно провела холстиной по его щеке, смочила лоб, вытирая кровь вокруг раны, смыла грязь с другой щеки. Прополоскала тряпицу, протерла нос, губы, подбородок, а затем тронула его уже чистое лицо кончиками пальцев.

Он шумно вздохнул — Гвен видела, как под водой высоко приподнялась его широкая грудь. Тогда она встала, подошла к Грейву сзади, осторожно приподняла его голову, высвободив спутанные грязные волосы, полила их водой из ковша и щедро натерла мыльной смесью, осторожно распутывая прядь за прядью. Зачерпнула воды из ванны, чтоб смыть мыльную пену.

— Приподнимитесь, пожалуйста, — попросила она тихо, — у меня не получается.

Грейв снова шумно вздохнул и приподнялся, как она и просила, высвобождая из-под воды широкие плечи и верхнюю часть спины. Взгляд Гвен скользнул вниз, заставив ее вздрогнуть — его плечи покрывал сплошной обширный кровоподтек багрового цвета. Она вспомнила, как он бился плечами в закрытый люк над их головами, и поежилась. Осторожно и легко коснулась пальцами этих ужасных багровых следов, теперь уже заставив вздрогнуть его.

— Не надо, — хрипло шепнул он, — прошу вас.

Она вздохнула и убрала руку. Поливая из ковша ему на голову, хорошенько промыла волосы, а затем не удержалась и все же коснулась его плеча, чтобы заставить лечь обратно.

Он вдруг резко перехватил ее руку за запястье, повернулся к ней лицом и потянул к себе, заставив Гвен почти рухнуть на каменный бортик ванны.

— Я же просил... не надо! — сдавленно прохрипел он сквозь зубы, не выпуская ее руку из своей ладони.

Гвен, растерявшись от неожиданности, все же постаралась успокоиться и осторожно присела сбоку, почти на прежнее место.

— Дрейк...

— Не надо! — выкрикнул он в отчаянии ей в лицо. — Я... не могу так! Сегодня вы здесь, со мной, такая добрая и ласковая... а завтра мне придется провожать вас дальше, к этому вашему... Вэнсу... Пожалуйста, не делайте этого со мной!

Гвен закусила губу и попыталась унять сердцебиение. Неужели это то самое?.. Неужели он ревнует?

Рука Грейва все еще крепко, до боли сжимала ее запястье, но Гвен не обращала внимания. Второй рукой коснулась его щеки, погладила кончиками пальцев. Он наконец разжал железную хватку, закрыл глаза, нашел губами ее раскрытую ладонь... и стал покрывать поцелуями подушечки у основания пальцев.

— Чем, — шептал он ей в раскрытую ладонь, — чем я хуже него? Да, может я и не

смазлив, как он, и не так молод, но я...

— Дрейк... — прошептала она, чувствуя, что задыхается.

— Если вам так уж нужен замок — будет вам замок... хотя не знаю, на что он вам сдался... хотите имя — будет вам имя... и оно точно не хуже, чем у Вэнса... Но я бы... я бы смог... защитить вас... я бы... Или ваша королевская милость не распространяется на таких, как я?

Вместо ответа Гвен наклонилась к нему и прижалась губами к его влажным губам. Почувствовала, как огромная пятерня обхватила плечо, а другая легла на талию. С легким смущением она вдруг осознала, что полы ее халата разошлись, а его руку отделяет от ее обнаженного тела лишь тонкая ткань рубашки. Мужская рука не осталась на месте, а поползла вверх, гуляя по изгибам ее тела, нашла и бесстыдно накрыла округлость груди, в то время как его губы жадно целовали ее рот, а дерзкий язык творил внутри нее такое...

Гвен задохнулась и заставила себя вырваться из столь неподобающих объятий.

— Вы... — выдохнула она, обнимая ладонями его лицо, — вы и теперь не скажете, кто вы?

Он дышал тяжело и хрипло, не сводя с нее глаз.

— Вы хотите услышать это... сейчас?

— Я хотела услышать это уже давно.

— Позвольте мне хотя бы привести себя в порядок и одеться, — проговорил он с запоздалым смущением, вновь вгоняя ее в краску, — а то я чувствую себя как тогда, на допросе.

Гвен вспомнила тот день, когда она, никем не замеченная, украдкой рассматривала его обнаженное тело, подвешенное за руки в темнице подземелья. Смутившись, опустила глаза.

— Конечно, — шепнула она поспешно, — простите меня... я... я не должна была заходить к вам в купальню.

Совладав со сбившимся дыханием, она поднялась и поправила на себе халат.

— Но вы... обещаете мне? — вдруг встревожилась она. — Вы придете ко мне, чтобы рассказать правду?

— Вы хотите услышать ее сегодня? — неуверенно переспросил он. — Быть может, вам лучше отдохнуть?

— Нет, — она упрямо встряхнула головой, и влажные волосы рассыпались водопадом по ее плечам, — сегодня, пока не стало слишком поздно. Прямо сейчас. Прежде, чем рассветет. Я велю служанкам, чтобы они провели вас в мои покои, когда вы будете готовы.

* * *

Грейв тащился за служанкой так медленно, будто вся тяжесть мира давила ему на плечи. Ставя одну ногу на ступеньку, он будто бы раздумывал, стоит ли переставлять и вторую. Помимо безумной усталости, разлившейся по телу еще пуще после расслабляющего купания, каждый его шаг замедляла неуверенность — что ему следует делать дальше? Мысли болтались в голове, словно гвозди в полупустом ящике скобянщика, от совершенно идиотских до настолько глубоких и запутанных, что хотелось сесть и передохнуть перед тем, как их распутать.

Неожиданные, неправильные поцелуи, которые он уже дважды украл у Гвен,

перевернули все его планы и лишили способности здраво мыслить. Поднимаясь по лестницам все ближе и ближе к желанным покоям, он представлял себе леди Ройз — прекрасную, доступную, в легкой до нескромности домашней одежде; он раз за разом твердил себе, словно безмозглый глупец: «У меня еще есть желание...» Но понимал ли он, чего ему следует пожелать? Поцелуя? Он взял его сам, без спроса, без позволения, и если захочет — возьмет еще. Грейв чувствовал нутром, что эта женщина, которая вначале дрожала, а затем горела в его руках, жаждет любви не меньше, чем он. А одним поцелуем он едва ли насытится...

Грейв остановился на предпоследней ступеньке, чтобы перевести дух, не обращая внимания на нетерпеливые взгляды служанки, и попытался взять себя в руки. Что, если он позволит себе зайти дальше, чем просто поцелуй? Следует ли ему просить об этом, открывая свое желание? И что она может ответить на подобную неслыханную дерзость? В гневе вытолкает его взащей? Покорно согласится, памятуя о своем обещании, но при этом возненавидев его в душе? Нет, это совершеннейшее безумие. Как бы то ни было, он не может бесчестить леди, идя на поводу у своих низменных желаний.

С большим трудом, будто его нога весила не меньше, чем снаряженная боевая лошадь, он поставил ее на последнюю ступеньку. Он уже почти признался в любви... и что делать дальше? Она просила его открыть ей правду, но как она отнесется к ней? Достоин ли он просить ее руки? А что, если она ответит отказом?

Грейв снова остановился, не замечая недоуменного взгляда служанки. Отказ у него есть и сейчас, ведь она собирается замуж за Вэнса. Станет ли ему еще больнее, если она повторит это в ответ на его предложение? Может, да, а может, и нет. А если она согласится? Что ему делать дальше? Захочет ли она...

— Уф-ф-ф, — тяжело выдохнул Грейв и прикрыл глаза ладонью.

— Вам больно? — участливо шагнула к нему служанка.

— Что? — переспросил он растерянно.

Да, ему больно — гребаное пекло, у него болит все тело, будто его била палками тысяча чертей... Но он привык к подобной боли. А какое служанке дело до Грейва? Он отнял руку от лица и взглянул на девушку. Та с легким испугом смотрела на его ногу. Грейв проследил за ее взглядом и увидел, как на чистых бриджах в области бедра расплзается кровавое пятно.

Адово пламя! Там и рана-то пустяковая, просто скользкая царапина от стрелы. Но до сих пор кровотоцит. Возможно, горячая ванна сделала его кровь слишком жидкой, как и его волю.

— Нет, — качнул головой Грейв, — все в порядке. Я иду.

Но если она согласится... что делать тогда с Зазимьем? А Гвен... рано или поздно она может стать королевой. И куда же должен лежать его путь? На юг или на север?

Быть может, стоит перестать быть глупцом и попробовать подумать головой, а не тем, что в штанах. И желание, которое она опрометчиво обещала исполнить, использовать все же для того, чтобы она отпустила его?

Подойдя к покоям леди Гвендолин, он снова струсил — до слабости в ногах — и прижал ладонь к резной деревянной двери, окованной холодным железом. Сколько бы он ни думал по пути сюда, у него так и не появилось никаких связных решений.

— Будь что будет, — пробормотал он сам себе сквозь стиснутые зубы и постучал.

— Входите, — послышался голос Гвен.

Тоскливо оглянувшись на смущенную служанку, будто она каким-то образом могла ему помочь избежать неизбежного, Грейв толкнул дверь и вошел внутрь.

В покоях было тепло: жарко пылал камин. Однако леди Ройз, сидя на кровати с присущим ей достоинством, зябко куталась в халат и обнимала себя за плечи.

— Присаживайтесь, — она кивнула ему на кресло у камина, стоявшее в достаточном отдалении от кровати.

Грейв невразумительно пробормотал что-то, что должно было означать приветствие, и тяжело опустился в кресло. Вытянул уставшие ноги и постарался прикрыть краем туники и широкими концами пояса кровавое пятно на бедре.

Что ж, пока никаких поводов для вольных мыслей она не дает... ну, если не принимать в расчет сам факт нахождения мужчины в покоях леди в предрассветный час.

— Хотите вина? — спросила леди Ройз.

— Вина?! — ошеломленно переспросил он.

— Еще есть сыр и фрукты, — она в некотором смущении указала на маленький столик сбоку от кресла — Грейв только сейчас заметил, что на нем стоит блюдо с едой, глиняный кувшин и два кубка, — вы ведь наверняка голодны.

— Кхм... — у него вдруг запершило в горле, — благодарю. Вы очень добры. Но если я сейчас выпью вина, боюсь, сам уже не смогу выйти из ваших покоев.

Гвен усмехнулась.

— Вы могли бы выпить совсем немного. Впрочем, как пожелаете.

Он еще раз с сомнением взглянул на кувшин и на этот раз решил, что глоток вина для храбрости, пожалуй, действительно не помешает.

— Благодарю, — сказал он хрипло, наполнил кубок до половины и с наслаждением глотнул терпкого напитка.

И почти сразу почувствовал, как приятное тепло разливается по венам, дополняя не менее приятное тепло от камина. Тело, слегка озябшее в холодном коридоре, понемногу согревалось изнутри и снаружи; по его членам разливалась опасная расслабленность.

— Вы и вправду отблагодарите меня, капитан, если сдержите свое обещание и расскажете мне...

— Кхм... да, я помню. Я просто не знаю, с чего начать.

— Начните с начала, — просто сказала леди Ройз, ежась, будто от холода. — Откуда вы родом? Предполагаю, что из Зазимья?

— Вы угадали, — хмуро кивнул Грейв.

Нежелание что-либо говорить о себе было настолько сильным, что он почти до крови прикусил нижнюю губу.

— Я мало что знаю о Зазимье, — с привычной мягкостью в голосе произнесла Гвендолин, словно пытаясь его подбодрить, — лишь то, что все северяне, с которыми я знакома, невероятно храбрые воины, крепкие телом и духом.

Она многозначительно взглянула на Грейва. Он выдержал ее взгляд, а она дрогнула и опустила ресницы.

— Лордами там, если я правильно помню, всегда были... ох, эти трудные северные имена... Санд?.. Занд?..

— Зандерхарды. Верно, — кивнул Грейв, и его слегка вздрагивающие пальцы вновь потянулись к бокалу с вином.

— Я также что-то слышала о том, что лет десять назад старый лорд умер... как его

звали?.. Гор... Тор... ох, простите, — она смущенно потеряла нос.

— Торстен ван Зандерхард, — подсказал Грейв и сглотнул.

Непривычно было вновь произносить до боли знакомые имена в обществе этой красивой молодой леди из Междуречья.

— И ему наследовал старший сын... Но не кажется ли вам странным, что я говорю о Зазимье, в то время как вы молчите?

— Младший, — хрипло выдавил он из себя.

— Что, простите?

— Младший сын... наследовал. Его звали Герхард.

— А что со старшим? Умер? — леди Ройз явно пыталась поддержать светскую беседу, мало ее интересующую, и весьма искусно скрывала свое нетерпение.

— Нет, — прохрипел он, вновь сглотнул и сказал уже громче: — Старшим был я.

— Вы?! — она изумленно распахнула глаза, изумрудными сверкнувшие в отблесках камина.

— Да.

— Вы... Дрейк ван Зандерхард? Наследник Зазимья?

Судя по выражению ее лица, она не могла в это поверить.

— Ну... вроде того.

— Но почему тогда?.. — она беспомощно приоткрыла рот, не находя слов от потрясения.

— Это долгая история, — Грейв передернул плечами и приложился к спасительному бокалу, — и болезненная... для меня.

— Простите, — выдохнула Гвен, прижав кончики пальцев к губам, — но я должна знать.

— Да, — он решительно поставил бокал на стол и впился пальцами в собственные колени. — После смерти отца я должен был унаследовать родовой замок Гейдельберг и обширные земли Зазимья. Однако... возникло препятствие.

— Какое? — прошептала она, не сводя с него глаз.

— Э-э-э... Я... влюбился... кхм... Я был молод, горяч, — он заметил легкую усмешку на ее губах при этом слове, — и, конечно, противился воле отца.

— Он был против вашей женитьбы? — удивилась леди Ройз. — Но почему?

— Ну... дело в том, что... моя избранница была довольно низкого происхождения.

— Ошибки юности, — понимающе кивнула Гвен.

Грейв нахмурил брови и взглянул на нее исподлобья.

— Это была не ошибка, — тихо, но твердо сказал он.

— Простите, — Гвендолин явно почувствовала себя неловко.

— Ее звали Кристина. Я любил ее... И точно знаю, что годы, проведенные с ней, были лучшими в моей жизни. Она дала мне то, чего не смог бы дать ни один титул, ни один замок... Она дала мне счастье.

Он замолчал, чувствуя, что глаза жжет, а в горле першит, и внутренне сжался, ожидая нового вопроса. Но Гвен молчала, нервно теребя край халата.

— Я женился, — продолжил он, — против воли отца. За это он лишил меня наследства и изгнал из замка. Поначалу нам с Кристиной было тяжело, но счастье... наше счастье покрывало все. Именно тогда я и стал завсегдатаем турниров — стремился победить ради денег, чтобы покрыть выигрышем наши растущие расходы. Так я смог купить себе старый

заброшенный замок почти на границе Зазимья, в котором мы с женой провели наши лучшие годы.

Он вновь замолчал. Поднес руку к лицу, делая вид, что потирает уставшие веки, но на самом деле пытаюсь стереть наворачнувшиеся на глаза слезы. Гвен молчала.

— Вскоре отец умер, и мой младший брат Герхард, согласно его воле, стал лордом Гейдельберга и всего Зазимья. Собственно, все было хорошо, и даже чудесно, пока... пока не началась война.

— С Окольными землями? — тихо спросила Гвендолин.

— Да, — кивнул он, радуясь, что она больше не молчит. — Окольные земли объединились с дикарями из бескрайних земель за Зазимьем, именуемых Белым Лесом. Что они там не поделили с моим братом, я не знаю — в то время я не слишком вникал в эти дела, наслаждаясь семейным счастьем. У нас уже были дети... двое... мальчик и девочка.

Йорген и Ильзе...

Грейву живо вспомнились маленькие ручки, тянувшиеся к нему, когда он переступал порог дома, вечные милые ссоры брата и сестры, беззлобные окрики их матери... Его взгляд застыл, упершись в никуда, а руки остервенело дергали концы кожаного пояса.

Спустя вечность он выплыл из воспоминаний и заметил, что Гвен молча смотрит на него, не пытаясь торопить.

— Да. Началась война. Мой брат и лорд, Герхард ван Зандерхард, призвал своих вассалов и всех их людей для отпора. Я был вынужден подчиниться, — Грейв бросил на Гвендолин взгляд, полный отчаяния, словно она должна была простить его за то... за то... за то, что... — Я ушел. И забрал с собой рыцарей, состоявших у меня на службе. Война была недолгой — всего несколько месяцев, но когда я вернулся... оказалось, что мои земли разорены, мой замок разграблен, а моя семья... Кристина и дети...

Он услышал всхлип и поднял влажные глаза на Гвен. По ее лицу мокрыми дорожками катились слезы, и она даже не пыталась их вытирать, нервно теребя побелевшими пальцами край халата.

— Кхм... они умерли, — Грейв постарался говорить отстраненно, словно не о себе. — Но это было давно. А потом я попросил брата освободить меня от вассальной клятвы и ушел.

— Вы решили забыть свое имя и стать наемником, — сквозь тихие всхлипы произнесла леди Ройз.

— Да, — кивнул Грейв, кусая губы, — я больше не хотел возвращаться в прошлое.

— Теперь я понимаю, — она всхлипнула и украдкой вытерла слезы на щеке, — почему вы не хотели приносить мне присягу.

— Я не мог, — Грейв качнул головой. — Эта присяга... Это то, что до сих пор мучает меня в кошмарах.

— Вы вините себя, потому что из-за нее вы не смогли защитить свою семью? — всхлипнула Гвендолин.

— Да, — жестко подтвердил он. — Я был связан долгом. И я тысячу раз винил себя за это... и за другое тоже... я ведь мог упасть в ноги брату и попросить его на время войны укрыть мою семью в Гейдельберге. Но я был слишком горд и честолюбив для этого. У меня и в мыслях не было, что мои скудные земли для кого-то покажутся лакомым кусочком.

Леди Ройз опустила голову и закрыла ладонями лицо. Грейв почувствовал жгучее желание выпить. И не просто выпить, а напиться до одури, чтобы выбить из памяти то, что мучило его до сих пор. Он долил в опустевший кубок вина из кувшина и выпил залпом — в

голове уже начинало шуметь.

— Но это не все, — продолжил он внезапно, чувствуя необходимость выговориться до конца.

Гвен подняла заплаканное лицо — ее глаза светились прозрачным зеленоватым сиянием.

— Не все?..

— Во время турнира... Тот рыцарь, с которым я сражался... Абелард... Он сказал, что мой брат Герхард умер.

Он видел, как вытянулось лицо Гвендолин.

— Умер? Так значит, вы... вы...

— Они хотят, чтобы я вернулся и стал лордом Зазимья.

Губы леди Ройз задрожали.

— Вы... покинете меня?

Грейв сглотнул. Вот теперь наступил тот момент, когда он и сам не знал, что следует говорить.

— Возможно... так будет лучше? Вы ведь собираетесь замуж за лорда Вэнса...

— Я не собираюсь за него замуж! — резко, с истеричными нотками в голосе возразила она. — Я всего лишь приняла его предложение погостить!

Она снова спрятала лицо в ладонях. Ее худенькие плечи вздрагивали, а Грейв смотрел на нее в полнейшей растерянности и не знал, что делать. В голове бились дурацкие мысли, противоречащие одна другой — от «ну, я пойду» до «станьте моей женой». Кусая губы почти до крови, он тяжело оперся руками на подлокотники, поднялся с кресла и неуверенно доковылял до леди Ройз.

— Я... э-э-э...

Что же сказать? Что? Пасть ей в ноги и умолять выйти за него замуж или поскорей распрощаться и убраться отсюда как можно дальше?

Продолжая горько всхлипывать, Гвен отняла руки от лица и вытерла глаза рукавом халата.

— О... — неожиданно выдохнула она, замерев на мгновение. — Вы ранены?

— Э-э-э... не совсем, — попытался оправдаться Грейв, проклиная себя за собственную глупость и снова пытаясь прикрыть кровавое пятно на штанах — поясом, руками, чем угодно — как нашкодивший ребенок.

— Что же вы не сказали?! Я ведь не знала! Присядьте, — она вновь утерла лицо рукавом, поднялась, заставила Грейва сесть на свое место и засуетилась по комнате.

— Миледи, я... я, пожалуй, пойду, — он снова поднялся и попытался боком проскользнуть к выходу, снова проклиная себя за то, что ему так и не хватило смелости произнести совершенно другие слова.

— Сядьте, — сказала она тоном, каким, бывало, разговаривала с нерасторопными слугами, — я должна осмотреть вашу рану. Я не позволю вам истечь кровью.

— Миледи, это царапина, — Грейв искренне недоумевал, почему вдруг стал предметом ее забот, — я и сам...

— Молчите! — в сердцах перебила она, возвращаясь к нему со свечой и плетеной корзинкой в руках. — И не вздумайте мне мешать.

Ее руки, вопреки ожиданиям Грейва, вовсе не дрожали. Наоборот, она уверенными движениями завернула его штанину наверх, открыв рану на внешней стороне бедра, выше

колена, и поднесла свечу, чтобы получше ее рассмотреть. Грейв готов был провалиться сквозь землю, глядя, как она смотрит на его голую, уродливую, волосатую ногу.

— Это была стрела? — уточнила она, осторожно трогая пальцем здоровую часть кожи под длинным, вздувшимся и посиневшим кровоподтеком.

— Да, — послушно ответил Грейв, — но все в порядке, я...

— К счастью, прошла не слишком глубоко, — казалось, Гвен говорит сама с собой. — Вам больно ходить?

— Э-э-э... нет.

— Держите, — она вздохнула и передала ему в руку свечу, а затем извлекла из корзинки небольшой пузырек темного стекла.

— Что это? — напрягся Грейв.

— Это должно остановить заразу... если еще не поздно.

Грейв фыркнул.

— Миледи, я долго пробыл в морской воде — поверьте, соль изгоняет любую заразу.

— Не мешайте мне, — она даже не взглянула ему в лицо, напряженно сдвинув брови.

Грейв послушно сцепил зубы и постарался не произнести ни звука, пока она обрабатывала рану мерзко пахнущим жгучим средством. Боль была адская, и особенно обидно было ее ощущать после того, как она утихла, успокоенная горячей ванной. Не произнес он ни звука и тогда, когда склонившаяся над его коленом женщина туго перевязывала рану: теперь ему было почти не больно, и он с тайным удовлетворением наблюдал за тем, как часто бьется тонкая синеватая венка на ее красивой шее, как выступают под тканью халата острые лопатки при движении рук, как струятся по спине скрученные жгутом золотистые волосы, как дивно ложатся на благородные скулы тени от длинных ресниц в бликах огня... как прекрасны изумрудные глаза, обращенные к нему, в то время как она... что-то спрашивает?

Грейв опомнился и понял, что леди Ройз чего-то ждет от него.

— Что?..

— Я говорю, что теперь вам надо лечь на живот, чтобы я смазала вам синяки на плечах.

— А?.. — ужаснулся он. — Нет, я не могу... это...

— Ложитесь, — велела она сердито, — это совсем недолго. Я сейчас закончу, и можете идти, куда собирались... хоть напрямиком в свое Зазимье.

— Но...

Она больно ткнула его тонким пальчиком в плечо, и теперь уже он зашипел от боли, потирая потревоженный синяк. Бросив на нее укоризненный взгляд, он послушно расшнуровал ворот туники, а затем, ужасно смущаясь, лег лицом в подушку, которая источала тонкий чарующий аромат — в точности такой, какой исходил от ее волос, когда ему улыбалась удача и леди Ройз вдруг оказывалась в восхитительной близости. Почувствовал, как женские руки оттягивают край ворота, освобождая плечи, ощутил прикосновение ласковых пальцев к своей коже... вздрогнул и замер, стараясь не дышать. Даже вонь адского снадобья, которым леди Ройз смазывала его синяки, не могла испортить тех волшебных минут, когда подушечки нежных пальцев скользили по его обнаженной коже. Грейв хрипло выдохнул, закрыл глаза и полностью растворился в божественно приятных ощущениях, мысленно вознося молитвы Пресвятой Деве, чтобы эти сладкие минуты не заканчивались никогда...

Глава 12. Неожиданное предложение

Гвен проснулась от яркого света, заливающего комнату сквозь не закрытое ставнями окно. Должно быть, уже позднее утро, а может быть, и день, но она чувствовала, что не выспалась. Заснуть ей удалось лишь когда за окном уже начинал заниматься рассвет.

Со двора доносились негромкие звуки мирной замковой жизни: где-то в отдалении ритмично стучали топоры, у колодца перебрасывались словами девушки-служанки, скрипели колеса тележек, перевозящих снадь из кладовых в кухню; сквозь всю эту суету в узкое окно спальни просачивался мерный шум морского прибоя. Будто и не было вчерашней кровавой битвы, будто хозяин замка не был низложен и заключен в собственную темницу в ожидании королевского суда...

Гвен вздохнула и повернулась на бок, рискнув посмотреть на лежащего рядом мужчину. Он лежал в той же позе, в которой заснул на исходе ночи, когда она смазывала багровые вспухшие ушибы на его плечах. Надо признать, она проделывала это долго, неприлично долго, будто было недостаточно просто нанести мазь ровным слоем на ушибленные места. Но ей очень понравилось прикасаться к нему, а уход за раненым был единственным поводом, который позволял ей сохранять хотя бы видимость благопристойности. Поэтому она слишком уж увлеклась и пропустила момент, когда мужчина, которого она пыталась лечить, самым беззастенчивым образом заснул прямо у нее в кровати. Ей даже пришлось самой стаскивать с него сапоги!

Стараясь не дышать, Гвен осторожно приподнялась на локте и заглянула под приспущенный ворот смятой туники Грейва, осматривая синяки. Сегодня они выглядели уже не багровыми, а скорее синевато-черными, но нездоровые внутренние отеки вроде бы стали меньше, за исключением особо обширной области на левом плече. Правда ее было не разглядеть под одеждой... Рана на бедре тоже беспокоила Гвен, но осмотреть ее, не разбудив Грейва, не представлялось возможным.

Похоже, перед визитом к ней он так и не позаботился о том, чтобы как следует расчесать вымытые волосы, и теперь они спутанной темной гривой рассыпались по подушке, скрывая от взгляда Гвен его лицо. Подперев ладонью щеку, свободной рукой она осторожно убрала темные пряди с расслабленного плеча Грейва и попыталась аккуратно оттянуть край туники, чтобы получше рассмотреть ушибленные места. Он спал крепко и не чувствовал ее прикосновений. Неприятная припухлость вокруг лилово-черного кровоподтека заставила ее нахмуриться. Она осторожно тронула ее подушечками пальцев — не слишком ли горячая? — а затем прикоснулась к здоровой коже, чтобы ощутить разницу. В этот миг Грейв неожиданно вздрогнул и поднял голову, осматриваясь вокруг сонными глазами. Когда его взгляд остановился на Гвен, темные зрачки внутри серых радужек потрясенно расширились.

— О!.. — произнес он и отпрянул от Гвен так резко, что не удержался на кровати и шумно рухнул на пол. — Адово пламя!

Гвен не смогла сдержать улыбку, подвинулась ближе к краю и с любопытством посмотрела на растерянного Грейва.

— Поздно пугаться, милорд. Да, это суровая правда: вчера вы уснули в моей постели.

— Я... о-о-о! — застонал он, и едва ли на этот раз от боли, — простите, я не хотел...

«Очень жаль, что не хотел», — вдруг подумалось Гвен, и она вздохнула.

— Я... ночью... — осипшим то ли со сна, то ли от страха голосом прохрипел Грейв,

сядаясь на полу и потирая ушибленное плечо, — ...позволил себе что-нибудь недостойное?

— Да, вы ужасно дерзили мне вчера, — подтвердила Гвен с убийственным спокойствием, — а еще мы так и не закончили наш разговор.

— Не закончили? — смущенно переспросил он.

— Именно, — кивнула Гвен.

Грейв облизнул пересохшие губы. Вероятно, ему хотелось пить, но у Гвен сегодня было не столь милостивое настроение. Он заставил ее плакать ночью, но так и не сказал самого главного... оставив Гвен гадать о его истинных чувствах к ней.

— Но... кажется, я вам все рассказал... о себе... о Зазимье... — пробормотал он с пол. — Мне больше нечего добавить.

— Вы так и не сказали, что собираетесь делать дальше, — Гвен повела плечом, поправив сползший ворот халата.

— Я... э-э-э... — он запустил пятерню в спутанные волосы и почесал в затылке, отводя глаза в сторону, — кхм...

Гвен терпеливо ждала, опираясь локтями на край постели, и с затаенным злорадством наблюдала за попытками Грейва вновь увильнуть от ответа. Но когда он осмелился наконец посмотреть ей в глаза, то выпалил вдруг совсем неожиданное:

— А вам обязательно надо ехать к Вэнсу?

Она хмыкнула, стараясь не выдать внезапно охватившего ее волнения и участившегося сердцебиения.

— Как понимать ваш вопрос, милорд?

— Э-э-э... м-м-м... как предложение? — он вновь облизнул губы и посмотрел на нее почти с мольбой, — я имею в виду... что Атласный Край, несомненно, прекрасен, как и его хозяин... и все такое... но Зазимье все же больше, как... хм... и... я не знаю... да, конечно, оно значительно дальше от Междуречья, но... м-м-м... там есть леса... а в них лоси... медведи...

Гвен не сдержалась и прыснула со смеху, откинувшись на подушку и закрывая лицо руками. Если это действительно было предложение руки и сердца, то оно было самым нелепым среди всех, которые ей доводилось слышать, а их она наслушалась немало. С пола рядом с кроватью донесся шорох. Гвен, все еще смеясь, повернула голову и сквозь пальцы увидела лицо Грейва — то есть Дрейка с почти непроизносимой фамилией Зандерхард.

— Я не совсем понял... Это «да» или «нет»?

Гвен откашлялась, пытаясь прогнать остатки веселья и придать лицу серьезности, убрала руки от лица, пригладила волосы, поправила края халата на груди и сказала:

— Должна признать, милорд, что вы успокоили мое встревоженное сердце. Ваше беспримерное благородство позволит мне смыть пятно позора с моего доброго имени после того, как вы скомпрометировали его, проведя ночь в моей постели. Теперь я просто вынуждена принять ваше предложение.

Гвен забавлялась, наблюдая, как растерянность на его лице сменилась недоумением, а затем недоверием. Он неуверенно улыбнулся.

— Гвен... ты согласна?

Она видела, как на место недоверия пришла радость, как приподнялись над кроватью его плечи, как потянулись к ней его руки, и уже потянулась навстречу ему, когда осторожный стук в дверь вдруг заставил их обоих замереть.

— Миледи! — услышала она встревоженный голос Люси. — Миледи, вы спите?

Стук повторился.

— Люси? — взволнованно отозвалась Гвен. — Подожди, я сейчас... я только накину халат.

Грейв встревоженно посмотрел на нее. Она нервно закусил губу, вертя головой по сторонам в поисках подходящего укрытия для такого крупного мужчины.

— Спрячьтесь здесь... нет... здесь не получится... ох... встаньте лучше за дверью, вот так... только тихо, умоляю вас, тихо!

Дрейк ван Зандерхард, лорд Зазимья, кривясь и шипя от боли при каждом шаге, босиком доковылял до двери и послушно встал у стены. Гвен прижала палец к губам, безмолвно приказывая ему молчать, а затем поправила распахивающийся на груди халат, пригладила волосы, придала лицу сонный вид и отодвинула засов на двери. Слегка приоткрыв ее, сразу загородила собою проход, чтобы у Люси вдруг не возникло желания войти.

— Миледи? — кажется, служанка была напугана.

Хотя это и не удивительно, после всего, что ей пришлось пережить за последние несколько дней. Скользя по Люси взглядом, Гвен заметила, что та держит обеими руками большие тяжелые ножны с мечом внутри. Богатый, с витиеватым позолоченным орнаментом на рукояти, инкрустированный самоцветами... Очень знакомый меч.

— Что случилось, Люси?

— Миледи... Вы не знаете, где капитан Грейв?

— Э-м-м... — Гвен стоило больших усилий не бросить взгляд за дверь, где прятался Дрейк, — нет, не имею представления.

— Жаль, — Люси опечаленно поджала губы, — а то сир Хейл и сир Ригер велели передать ему меч.

— А зачем ты принесла его сюда?

— Они сказали... сказали... — девушка запнулась, явно смущенная, и покосилась куда-то во тьму коридора.

Гвен нахмурилась — ей почему-то не хотелось знать, о чем сказали служанке люди Дрейка. Как не захотелось слышать и приглушенные смешки из коридора.

— Давай сюда меч, я передам ему, когда увижу, — Гвен выдернула ножны из рук Люси и охнула, ощутив в руках непривычную тяжесть.

Боже все милостивый, и этой штукой он размахивает в бою одной рукой? Меч самой Гвен был гораздо тоньше, намного короче этой громадины и несравнимо легче... А уж как она гордилась силой своих рук, когда отбивала им удары на тренировках!

— Но... Это еще не все, миледи. Они повсюду разыскивают капитана Грейва, потому что вас и его ожидает гонец.

— Гонец? — Гвен нахмурилась еще больше.

Гонцы редко приезжали с хорошими новостями.

— Это рыцарь из Волчьего Логова, миледи. Он привез срочные вести и ожидает вас и капитана Грейва в кабинете лорда Эксбери.

Гвен нахмурилась и прикусила губу. Люси присела в коротком книксене:

— Миледи, вам помочь одеться?

— О... нет, не надо, Люси, я справлюсь сама. Ты лучше ступай, распорядись, чтобы рыцаря накормили, и передай ему, что я скоро буду. А заодно и поищу капитана Грейва.

Люси слегка удивилась, но спорить не стала, и Гвен поспешила запереть дверь на засов. Дрейк стоял у стены, хмурясь так же, как и сама Гвен.

— Не нравится мне все это, — бросил он и принялся зашнуровывать тунику.

Ей было нечего возразить, но он и не ждал возражений — дохромал до стола, где стоял кувшин с водой, наполнил ею кубок и осушил несколькими большими глотками. Остатки воды плеснул себе в лицо, протирая глаза.

Пока он, шипя и ругаясь сквозь зубы, натягивал на себя сапоги, Гвен также умылась водой, оставшейся в кувшине, прополоскала рот, разыскала в дорожных сумках чистую нижнюю рубашку и теплое платье, прижала их к груди и покосилась на своего новоиспеченного жениха.

— Пожалуй, вам лучше уйти прямо сейчас, — сказала она.

Он поймал ее смущенный взгляд и ухмыльнулся.

— Отчего же? Я мог бы помочь вам одеться.

Гвен вспыхнула.

— Мне не нужна помощь. Я справлюсь сама.

— Не думаю, — он хмыкнул и указал глазами на платье в ее руках, — ведь это платье со шнуровкой на спине?

— Откуда вы...

— Как это откуда? Мы же с вами виделись ежедневно. Я знаю все ваши платья, если только лорд Эксбери не успел надарить вам новых.

Гвен смутилась еще больше.

— Я... я возьму другое.

— Не стоит, миледи. Вы уже видели меня голым, и не единожды. Не кажется ли вам, что будет справедливо...

— Не кажется! — голова Гвен шла кругом от волнения. — Прошу вас покинуть мои покои.

— У меня еще осталось мое желание, — некстати напомнил он и ухмыльнулся еще шире.

Щеки Гвен запылали жаром. Она открыла было рот, но тут же закрыла его, не зная, что ответить. Он поймал ее. Но неужели он способен так поступить? Как глупо она попалась!

— Простите, миледи, — хмыкнул Дрейк уже не так ехидно, — я пошутил. Можете не волноваться — я отвернусь, пока вы переодеваетесь. А потом помогу вам затянуть шнуровку.

Помедлив, она молча кивнула, дождалась, пока он отвернется, а затем торопливо переделалась, натянув платье поверх нижней рубашки.

— Кхм, — деликатно кашлянула она, — я готова.

Взглянув на него через плечо, она увидела, как он обернулся и подошел ближе, остановившись у нее за спиной. Слегка волнуясь, Гвен собрала волосы, скрутила их в жгут и перебросила себе на грудь, освобождая спину. Почувствовала прикосновение мужских пальцев к своей спине через ткань платья, и приятный возбуждающий холодок пробежал по ее спине. Она ощутила, как Дрейк пытается зашнуровать корсет, и едва заметно улыбнулась.

— Можно ту же, — подсказала она.

— Вы уверены? — услышала она над своим плечом, и ее затылок обдало жарким дыханием.

— Да, — прошептала Гвен и зажмурилась, когда корсет еще ту же стянул талию.

А затем его руки легли ей на плечи. Она вздрогнула — затылку стало еще жарче — и через мгновение ощутила прикосновение жестких губ к своей коже. Это было так неожиданно приятно, что у Гвен вырвался тихий стон, похожий на выдох, и она

зажмурилась, наслаждаясь столь волнующими ощущениями. Холодок на спине внезапно сменился жаром, который проник в грудь, а затем опустился ниже, к животу, и еще ниже...

— Ах-х... — выдохнула она снова, чувствуя его губы уже на шее, прямо под ухом.

А затем он развернул ее лицом к себе и нежно поцеловал прямо в губы, сжимая в крепких объятиях так, что она тотчас же растаяла, будто сбитое масло на полуденном солнце.

Спустя вечность он оторвался от ее губ и хрипло сказал, касаясь лбом ее лба:

— Думаю, нам действительно стоит поторопиться. Хорошие вести могли бы и подождать, но плохие, увы, должны быть услышаны как можно скорее.

— Выходите первым, — кивнула она, восстанавливая дыхание, — только ради всего святого, постарайтесь, чтобы вас никто не увидел.

Капитан Грейв, он же Дрейк ван Зандерхард, который каким-то неожиданным образом вдруг превратился в ее жениха, пристегнул к поясу перевязь с мечом, отодвинул засов на двери, осторожно выглянул наружу, тоскливо оглянулся на Гвен, а затем исчез в полумраке коридора.

Гвен прикоснулась кончиками пальцев к своим губам, на которых все еще горел его поцелуй, и улыбнулась, стараясь запомнить это короткое мгновение — когда в душе словно порхают исположенные мотыльки, а жизнь кажется прекрасной, не омраченной никакими дурными вестями.

Но Дрейк был прав — плохие новости не терпят отлагательств. Вздохнув, Гвен одернула на себе платье, заплела волосы в косу и отправилась в кабинет лорда Эксбери.

* * *

Ковыляя по длинным коридорам неприветливого унылого замка, насквозь провонявшего морской солью, водорослями и плесенью, Грейв едва не стонал от боли, ядовитым пламенем горевшей во всем теле — казалось, она только усилилась после ночи. Однако несмотря на боль и на тот факт, что направлялся он отнюдь не на приятную прогулку, губы его то и дело растягивались в глупой улыбке. Он снова и снова возвращался мыслями к утреннему разговору с леди Гвен и был счастлив и горд собой, что ему хватило смелости, пусть коряво и путано, но все же попросить ее руки. Сердце радостно билось, готовое выпрыгнуть из груди от счастья — она не отказала ему! Она позволила ему прикоснуться к ней, поцеловать ее... Всемиловитый боже, он провел остаток этой ночи в ее постели!

Хм... Однако здесь ему нечем гордиться — он всего лишь заснул, как распоследний болван. Мысль о том, какую возможность он потерял, волновала его душу до дрожи в коленях — эх, если бы вчера его так не развезло от усталости и вина...

Но когда он, хромя и морщась, переступил порог кабинета неудачливого лорда Эксбери, которому эту ночь пришлось провести в темницах собственного замка, недостойные мысли разом вылетели из его головы, прихватив с собой и возвышенные, и лицо его стало серьезным. Гонцом оказался Лесли Вудс, один из рыцарей, которых Грейв оставил на страже замка перед отъездом основных сил гвардии Волчьего Логова, и хмурый взгляд его утомленных глаз не предвещал ничего хорошего.

Кроме Вудса, в кабинете находилось десятка два рыцарей, служивших в гвардии, а также несколько людей самого Грейва.

— Капитан Грейв, — приветствовал его Проньра Хейл, прищуриw озорной глаз, обрамленный густыми длинными ресницами, — каким чудесным образом вы вдруг возникли! Мы искали вас повсюду.

— Я был у себя в комнате, — буркнул Грейв, бросив на Проньру многозначительный взгляд и настороженно покосившись на остальных присутствующих, — странно, что вы меня не нашли.

— У вас в комнате мы нашли только ваши доспехи, — буравил его хитрыми лисьими глазами Дэн Болтун, — мы потрясли их хорошенько, но никого из них так и не вытрясли, клянусь своей печенкой.

Грейв злобно зыркнул на него в надежде, что Болтун все-таки заткнется — вот уж кто действительно оправдывает свое прозвище! Но не тут-то было.

— А где леди Ройз? — вкрадчиво спросил Ригер.

— Откуда мне знать? — равнодушно пожал плечами Грейв. — Я ей не служанка.

— Ну как же... Ведь это ваш меч болтается между... кхм... задней и передней частью ваших капитанских штанов... или мне мерещится?

— Тогда и мне мерещится, — хохотнул Болтун.

— И мне, — присоединился к говнюкам Проньра.

— И что? — набычился Грейв, в бессильной злобе стискивая кулаки.

— Сдается мне, мы просили Люси, горничную, отнести его в комнату леди Ройз, — задумчиво протянул Зануда, — она заблудилась по дороге?

— Или в полумраке перепутала леди Ройз с капитаном, — подхватил групповое издевательство Звездочет.

Грейв был в шаге от того, чтобы отрезать языки у болтливых негодяев этим самым мечом.

— Ну, в полумраке всякий бы перепутал, — с притворной серьезностью согласился со Звездочетом Зануда, — сходство капитана с леди Ройз просто поразительное.

Среди рыцарей послышались сдавленные смешки, и Грейв яростно окинул взглядом присутствующих — кое-кто изо всех сил старался спрятать в кулаках ехидные ухмылки. Даже лицо мрачного Лесли Вудса слегка просветлело.

Грейв гортанно зарычал:

— Что за...

— Доброго всем утра, — произнес за его спиной мелодичный голос Гвен, заставив его вздрогнуть.

Гнев разом испарился, как только он обернулся назад и утонул во взгляде изумрудных глаз.

— Рада видеть на ваших лицах улыбки, милорды, — прошебетала Гвендолин, обводя взглядом присутствующих мужчин, разом поднявшихся со своих мест. — Признаюсь, я ожидала плохих вестей.

— Вести и правда нерадостные, — подал голос Лесли Вудс, устало переминаясь с ноги на ногу.

Гвендолин величественно проследовала к пустующему креслу лорда Эксбери, изящно обойдя все еще валяющиеся под ногами обломки стола, уничтоженного Грейвом. Он следил за ее плавными движениями голодным взглядом, почти забыв, зачем сюда пришел.

— Говорите, — сказала она, присаживаясь в кресло и расправляя платье на коленях.

Платье, которое он помогал ей зашнуровывать всего несколько минут назад... Он

невольно покосился на присутствующих мужчин и почувствовал укол ревности — все взгляды были устремлены на нее, и не во всех из них он читал положенную по этикету смиренную почтительность. Хрустнув костяшками пальцев, он заставил себя разжать кулаки и сосредоточиться на словах Вудса.

— ...собирает армию.

— Что? — моргнув, переспросил Грейв.

— Лорд Мортингер собирает армию. Разведчики доложили о том, что со дня на день его войско выступит на Волчье Логово.

— Он все-таки решился, — задумчиво произнесла Гвендолин, глядя невидящим взглядом прямо перед собой. — Мы успеем вернуться домой раньше?

— Очень на это надеюсь, миледи, — пробормотал Вудс.

— Сколько их? — спросил обеспокоенный Грейв.

— Точно разведчики не могут сказать, но по разным данным от двух до трех сотен солдат.

Новость не принесла ему облегчения. Он взглянул на Гвендолин исподлобья.

— Прошу прощения, миледи... Быть может, вам безопасней будет остаться здесь. Или продолжить путь к лорду Вэнсу, чтобы укрыться у него на время битвы.

Он и сам не мог поверить в то, что сказал это, но внезапный животный страх за нее пересилил даже ревность к Вэнсу. Он умоляюще взглянул на женщину, державшую в руках его сердце, но увидел на красивом лице лишь удивленное негодование.

— Как вы можете предлагать такое, капитан? — возмущенно воскликнула она. — Я должна быть в своем замке! Должна быть там, где за меня бьются мои люди! Я должна вести и поддерживать их...

Грейв вздохнул. Спорить с ней при всех было не лучшим решением — он постарается переубедить ее позже, когда они останутся наедине.

Но Гвен тут же развеяла в прах его надежды.

— Мы выезжаем немедленно, — сказала она, поднявшись с кресла. — Плохо, что наша гвардия потеряла столько людей во время штурма...

— Вам следует послать за помощью, — перебил ее Грейв, не особенно заботясь о церемониях.

— За помощью? Но к кому?

— Прежде всего, к королю — ведь он не оставит вас в беде. Быть может, к лорду Вэнсу — ведь у него к вам... кхм... были дружеские чувства.

Гвен бросила на него быстрый взгляд, будто собираясь возразить, но, поколебавшись, кивнула:

— Я пошлю за помощью во все соседние земли. И все же, нам надо как можно быстрее отправляться в путь.

Грейв вновь ощутил усталость, будто это не он спал без задних ног весь остаток ночи в кровати леди Гвендолин. Неожиданное счастье, внезапно свалившееся на него этим утром, теперь вновь казалось призрачным и далеким. Время ли думать о любви, о свадьбе, когда им всем грозит опасность? Численный перевес не так уж велик, но... Он с тоской взглянул на Гвен и увидел, что она смотрит на него. Ну почему этот старый идиот Мортингер не мог подождать хотя бы месяц? Тогда у них было бы время пожениться и уехать в Зазимье...

Впрочем, где бы он ни был, где бы ни пытался укрыться, войны находили его везде. Грейв привычно сжал в ладони холодную рукоять меча и сказал:

Гвен наотрез отказалась ехать в повозке, предоставив ее в распоряжение бледной от переживаний Люси. К счастью, две служанки из Чаячьего Гнезда упростили Гвен взять их с собой, и та могла не бояться, что Люси умрет от тоски в одиночестве.

Сама Гвен, несмотря на неизбежные неудобства, предпочла ехать верхом: во-первых, это было какое-никакое, но движение, во-вторых, это давало ощущение свободы, тогда как повозка виделась ей трясущейся на камнях тюрьмой, а в-третьих, она могла находиться ближе к Дрейку, не боясь увидеть осуждения в глазах сопровождавших ее рыцарей.

Они ехали бок-о-бок во главе войска, следом за авангардом и разведчиками. Долгая дорога заставляла бесконечно размышлять о том, что ждет их впереди. Успеют ли они добраться до Волчьего Логова раньше, чем к нему подойдет войско ее дяди? Сумеют ли они удержать замок? Не станет ли численный перевес неприятеля решающим во время штурма? В своих мыслях она малодушно доходила даже до поражения и думала о том, что же сделает с ней дядя. Прилюдно повесит во дворе ее собственного замка или попытается жениться на ней, как уже пытался во время их последней встречи?

Но, бросая взгляд на Дрейка, она упрямо сжимала поводья в руке и отгоняла малодушные мысли. Если у нее и оставался призрачный шанс выжить, то его в случае поражения ждет только смерть. Нет, этого допустить нельзя, им надо непременно победить! Обычно вслед за этой мыслью Гвен накрывал жуткий страх — что, если он падет в сражении? Что, если она потеряет его, едва обретя?

И Гвен мужественно прилагала все усилия, чтобы поменьше думать о грядущем сражении, о смертях и потерях, уже случившихся и предстоящих, и просто смотрела на него, когда появлялся подходящий момент. Обычно ее взгляд пересекался с его, и поначалу она стыдливо опускала глаза, но затем убедила себя в том, что стыдиться нечего. В конце концов, он теперь ее жених, и она вправе смотреть на него, когда ей угодно. И позволять смотреть на себя.

Слегка пришпорив лошадь, Гвен подъехала к нему еще ближе — так близко, что могла слышать его дыхание, когда он повернул к ней слегка озадаченное лицо.

— Мне кажется, мы продвигаемся слишком медленно, — сказала Гвен.

— Мне тоже, — согласно кивнул Дрейк. — Но увы, ничего не могу с этим поделать.

— Почему мы не можем разделить на два отряда? Конница может ехать быстрее, а обозы...

— Плохая идея, — оборвал ее Дрейк, но тут же спохватился и виновато посмотрел на нее, — прошу прощения, миледи... я хотел сказать...

— Ох, Дрейк... Вы не считаете, что нам пора уже избавиться от этих церемоний? Вы можете говорить мне все, что думаете.

Он опасливо оглянулся назад и понизил голос, наклоняясь к ней ближе:

— Думаю, вам пока не стоит называть меня Дрейком. Это вызовет удивление у солдат. Без церемоний тоже пока не обойтись, ведь мы еще не объявляли о помолвке.

Гвен смутилась и так же опасливо оглянулась — но лица солдат были хмурыми, отрешенными и уставшими, похоже, никому не было дела до их разговора.

— Хотите, я объявлю о помолвке сейчас? — спросила Гвен, скользя взглядом по его лицу.

Дрейк одарил ее ответным взглядом — горящим, страстным, способным расплавить даже базальтовую скалу, — и Гвен внезапно почувствовала, что ей стало жарко под одеждой, несмотря на по-зимнему холодный ветер, сменивший унылую морось.

— Если бы дело касалось моих желаний, я бы предпочел, чтобы мы не только объявили о помолвке, но и прямо сейчас произнесли брачные клятвы. А после я бы не слишком расстроился, если бы все люди вокруг нас исчезли, и остались бы только мы с вами... И вот тогда вы бы узнали, чего я хочу на самом деле.

Гвен почувствовала, что ее щеки заливают румянец, и отвела глаза, делая вид, что поправляет поводья. А голос Дрейка продолжал звучать почти над самым ее ухом:

— Но увы, реальность такова, что разумней будет повременить с помолвкой до тех пор, пока мы не отстоим ваш замок.

Гвен прикусила губу и молча кивнула, по-прежнему не глядя на него. Страхи, которые она храбро гнала от себя, вдруг навалились с новой силой, и она понуро опустила плечи. Вполне может случиться так, что едва зародившимся мечтам о счастье с любимым человеком не суждено сбыться — ведь победа с такой расстановкой сил, как ни боялась она признаться самой себе, казалась невыполнимой задачей.

Мужская рука в кольчужной перчатке легла поверх ее руки, сжимавшей поводья. Она подняла глаза — Дрейк наклонился к ней всем корпусом, почти нависая над ней, и смотрел на нее виновато.

— Я чем-то обидел вас, миледи? Прошу прощения, если так — это получилось невольно. На самом деле, я поступлю так, как вам будет угодно.

— Нет, нет... я с вами согласна. Но... как вы считаете, мы сможем победить?

— Безусловно, — совершенно уверенно произнес Дрейк.

Слишком быстро, слишком уверенно... слишком энергично кивнул в ответ. Гвен почему-то испугалась еще больше — он лжет ей. А это значит...

Ее рука, затянута в тонкую кожу, сжала его пальцы в ответ.

— Спасибо. Я верю вам, — прошептала она и попыталась улыбнуться.

Он не спешил убирать руку, и Гвен опять невольно смутилась, украдкой бросив взгляд за спину. Ее рыцари по-прежнему не проявляли интереса к их общению, но вот люди Дрейка... Она увидела ехидную ухмылку Арчибальда Хейла, прищуренный любопытный взгляд правой руки капитана Грейва — Дэна Болтуна, а человек со странным прозвищем «Звездочет» задумчиво поглядывал на них, лениво кусая травинку... Очевидно, что они уже догадались, что их капитана с Гвен связывает не просто долг службы. Впрочем, ей до этого не было никакого дела — если им всем суждено умереть, то ее доброе имя перестанет иметь значение, а если они выживут... тогда она выйдет за него замуж, а уж волшебное превращение капитана наемников в лорда Зазимья будет новостью куда более обсуждаемой, чем их предполагаемая добрачная связь.

Рука Дрейка, наконец, выпустила ее руку, и Гвен вздохнула — но на этот раз не горечь была тому причиной. Между лопатками приятно защекотало, когда она подумала о его словах — если бы все люди вокруг исчезли, а остались бы лишь они вдвоем...

Гвен не тешила себя иллюзиями — она понимала, что давно перезрела. К пятнадцати годам, когда случилось первое ее замужество, она вступила в самый расцвет своей женственности, но тогда ее до безумия пугала мысль о том, что ей придется ложиться в

постель с уродливым стариком лордом Ройзом, которому она была отдана. Она помнила, как на собственной свадьбе ее одолевала печаль, и помнила преступную мысль, которая проскочила в ее сознании — ах, если бы случилось так, чтобы он поскорее умер, и она сделалась вдовой! Добрый бог — а быть может, и хитрый дьявол — выполнил ее немую мольбу до абсурдности быстро, и ее муж умер прямо на свадебном пиру, так и не успев превратить молодую невесту в женщину и наполнить ее чрево семенем.

Тогда свобода показалась ей прекрасной. Целый год она носила траур по мужу, прикрываясь им как щитом, чтобы иметь хороший повод для отказа от новых предложений. Однако вскоре предложения руки и сердца стали сыпаться на нее непрерывно, и лекарь Филипп принялся взывать к ее благоразумию. Молодая девица в самом соку должна быть замужем, должна рожать наследников своему мужу, поскольку того требовали приличия.

К восемнадцати годам Гвен и сама начала осознавать, что сердце ее тоскует по чему-то, чего она лишена. Она подолгу запиралась в спальне и зачитывалась рыцарскими романами, которые привезла с собой из замка отца. С удовольствием слушала любовные истории своих компаньенок — служанок или дочерей стюардов, — но никогда не испытывала ничего подобного в жизни...

До встречи с капитаном Грейвом. Теперь же, когда по счастливой случайности она нашла мужчину, который соответствовал ее высокому положению, который искренне любил ее — в этом она теперь нисколько не сомневалась — и который готов был биться за нее до последнего вздоха, томление в глубинах ее тела достигло края. Она желала его, прекрасно осознавая, что стоит за этим желанием. В двадцать лет, считала она, уже не стыдно признаться себе в том, что хочется замуж, хочется любить и быть любимой, хочется рожать мужу детей... Она вспоминала, как его жадный рот впивался в ее губы, как этот сильный мужчина прижимал ее себе, не задумываясь о том, имеет ли право на это... как его большие ладони прикасались к ее телу...

И ей хотелось большего.

Глава 13. Снимая оковы

— Прива-а-ал! — протяжно и громко скомандовал Грейв, когда сумерки сгустились настолько, что ехать дальше стало опасно для лошадей.

Уставшие солдаты спешили и с удовольствием разминали затекшие спины в ожидании подъезжающих обозов. Грейв бросил взгляд на Гвен, которая рассеянно озиралась вокруг, все еще сидя верхом. Он поспешил соскочить с коня, не глядя передал поводья оруженосцу и несколькими широкими шагами приблизился к леди Ройз.

— Позвольте? — спросил он робко, будто юнец на первом балу, осмелившийся пригласить понравившуюся девушку.

Она улыбнулась и потянулась навстречу его рукам, оперлась на плечи. Сердце пропустило удар, когда он обхватил ее талию и осторожно спустил свое сокровище на землю; захотелось надолго растянуть этот краткий момент их близости. Гвен была ошеломляюще прекрасна даже в походной мужской одежде, которую предпочла надеть для верховой езды. Наблюдая за ней весь день, он видел, как напрягались мышцы ее бедер под тканью бриджей, когда полы плаща расходились от ветра, а однажды ему посчастливилось увидеть даже ее соблазнительный круглый зад, прижимавшийся к седлу, когда она поправляла запутавшийся в стремяни край плаща. Он был готов проклясть все на свете, что мешало ему прикоснуться к ней, ощутить под своими ладонями теплое, живое, гибкое девичье тело. И вот теперь, когда Грейв помогал Гвен спуститься с лошади, руки просто перестали слушаться разума и дерзко спустились с тонкой талии вниз, очерчивая плавные изгибы бедер, скользнули назад, слегка сжимая вожделенные округлости. Опомнился он лишь осознав, что не дышит, а Гвен замерла, вцепившись ему в плечи, и смотрит на него изумленными глазами. Грейв отпрянул от нее, тяжело вздохнув. К счастью, бесстыдная вольность, которую он себе позволил, ускользнула от любопытных глаз благодаря ее тяжелому плащу с меховой подбивкой.

— Прости, моя леди, — выдохнул он виновато, — мне кажется, я сойду с ума, если не поцелую тебя прямо сейчас.

Улыбка скользнула по ее губам, отозвавшись в нем ликованием: Гвен не разозлилась, не вскрикнула, не угостила его заслуженной пощечиной, а кротко и безропотно, с неповторимым королевским достоинством простила его неслыханную дерзость.

— Я согласна, но где? — шепнула она, все еще глядя на него широко распахнутыми глазами. — Везде люди, а ночевать я буду в шатре с Люси и девушками.

Грейв не мог поверить в то, что она вот так запросто разговаривает с ним о поцелуях. Он открыл было рот, хотя понятия не имел, что ответить, когда прямо возле них раздался тонкий голосок Люси:

— О, миледи! Как же я рада, что мы наконец остановились! Сегодня путь был слишком долгим, не находите? Я ужасно проголодалась, а вы? Не хотите ли выбрать место для нашего шатра? Я тут присмотрела одно, довольно уютное...

Грейв скрежетнул зубами, с досадой скользнул взглядом по Гвен, которая выглядела не менее разочарованной, чем он, почтительно склонил голову и, развернувшись, оставил женщин одних. В конце концов, он несет ответственность за людей, и ему надо дать распоряжения насчет обустройства лагеря.

Место выбрали неплохое — небольшую лесистую низину, с одной стороны защищенную

от разгулявшегося ветра высоким холмом, где будет удобно поставить часовых, а с другой более пологим, у подножия которого пряталась неглубокая горная речушка, впадающая напрямик в Восточное море. Пресная вода была очень кстати: можно будет пополнить запасы, напоить лошадей, да и стюардам удобней мыть посуду после ужина.

Как ни старался Грейв держаться подальше от Гвен, которую теперь неотступно окружали три назойливые девицы, его взгляд то и дело возвращался к стройной фигуре, будто приклеенный липкой смолой. При мысли о том, что еще прошлой ночью он спал в ее постели, только сегодня утром зашнуровывал ей корсет, а после целовал гладкий девичий затылок, шею и манящие розовые губки, его нутро каждый раз словно обдавало кипятком. Он прожигал глазами красивый благородный профиль, жадно ловил движение нежных губ, улыбки, обращенные не к нему — и лицо его горело огнем от вожделения и досады, будто к нему прикладывали пылающие угли.

Он с усилием разжал стиснутые в кулак пальцы, хрустнув костяшками, помассировал ногу вокруг ноющей раны, немного успокоившейся после напряжения дневного перехода, а затем встал и ушел в темноту вниз по холму. Спустился к реке, послушал, как тихо журчащая вода перекачивается на неглубоком дне мелкие камешки, неловко опустился на колени, сквозь зубы проклиная завопившую от боли рану, зачерпнул в ладони ледяной воды и плеснул себе в лицо, чтобы остудить жар пылающей кожи.

— Не слишком ли холодно для купания? — раздался сзади мелодичный голос, заставивший его вздрогнуть.

Он резко поднялся — слишком резко, от чего его рана вновь напомнила о себе — и обернулся.

— Гвен? — услышал он собственный хриплый выдох. — Что ты...

— Я... подумала...

Она смущенно осеклась и вздохнула, как будто тут же пожалела о слетевших с губ словах. Он не смог сдержать глупой улыбки. Как хорошо, что улыбку это нельзя разглядеть: давно стемнело, а луна поднималась за его спиной, освещая при этом лицо Гвен и создавая впечатление волшебного сияния на ее коже. Будучи не в силах противостоять соблазну, он шагнул к ней, а она к нему; еще мгновение — и он обвил руками гибкий стан, крепко притянув к себе ту, что весь день заставляла его задыхаться от жгучего желания.

— Гвен... — шевельнулись его губы, прослеживая легчайшими касаниями самый краешек ее уха.

Непослушные локоны, выбившиеся из ее прически, щекотали ему лицо, но он лишь глубже зарылся в них, с наслаждением вдыхая тонкий аромат волос и кожи, горячивший кровь. Не в силах больше сдерживаться, он принялся осыпать поцелуями прохладные, нежные, как шелк, девичьи щеки, опалая их прерывистым дыханием. Рука скользнула вверх по спине, касаясь жесткой кожи дублета в бессмысленной надежде ощутить тепло обнаженного тела, запуталась в складках тяжелого плаща, высвободилась и скользнула на затылок — и его жадные губы продолжили свой путь, зацеловывая каждый дюйм милого лица: подбородок, щеку, высокую скулу, приоткрытые губы...

Он целовал ее, наслаждаясь каждым легким прикосновением, срывая с мягких губ тихие стоны, которые распаляли еще больше; ему стоило огромных усилий не впиться в сладкий рот со всей ненасытностью добравшегося до добычи охотника; тело льнуло к ней само, пальцы инстинктивно дергали завязки плаща на ее шее.

Напряжение нарастало, и в неосознанной попытке облегчить его Грейв рванул

любимую на себя. Она задрожала всем телом и едва не упала — он почувствовал, как подкосились ее ослабевшие ноги. Подхватив Гвен на руки, он шагнул в сторону и прислонил спиной к толстому дереву, склоненному к темным водам речушки. Гвен слегка запрокинула голову, открывая его поцелуям соблазнительную шею.

Пальцы Грейва наконец справились с завязками ее плаща и дублета, потянулись к вороту туники. Он нетерпеливо прижался губами к дразнящей впадинке между ключицами, вдохнул пьянящий аромат, ощутил всполошенное биение жилки на шее, с восторгом услышал приглушенный стон.

— Гвен, — прерывисто выдохнул он, не в силах оторвать жадные губы от нежной кожи, — я люблю тебя.

Она всхлипнула, когда Грейв вновь нашел губами мочку ее уха, пальцы беспомощно царапнули кожу дублета на высокой груди.

Под ногой громко треснула ветка.

— Кто здесь?! — послышался всплеск и испуганный окрик неподалеку.

— Пекло, — прошептал Грейв, с мысленным стоном отстраняясь от любимой.

Гвен принялась торопливо поправлять завязки на шее, в то время как Грейв пытался заслонить ее собой от невидимого свидетеля.

— Кто здесь — не твое дело, а вот кто ты, хотел бы я знать? — рявкнул он нарочито громко.

Видать, перестарался — спиной ощутил, как позади вздрогнула Гвен.

— Я Гаррет, милорд... — услышал он испуганный лепет, — стюард... сапоги вот хотел почистить...

Грейв почувствовал, как сжимаются в кулаки его руки, как вскипает внутри яростное желание отправить этого Гаррета в дальнейшее плавание вниз по течению вместе с его растреклятыми сапогами.

— Простите, милорд, — заикаясь от страха, продолжал лепетать стюард, — я не хотел никому мешать...

— А не хотел бы ты убраться отсюда побыстрее?! Уж и отлить нельзя спокойно, чтобы какой-нибудь прыныра... — прорычал было Грейв, но осекся, когда на его спину легла ладонь Гвен.

— Уже ухожу, милорд, — спотыкаясь и путаясь в упавших ветках, бормотал стюард, — еще раз прошу покорнейше меня простить...

— Не надо, — услышал он тихий шепот за своей спиной, — разве он виноват, что мы не нашли места получше?

От досады Грейв саданул кулаком в дерево, к которому мгновение назад прислонялась Гвен, млея под его прикосновениями. Костяшки пальцев взвыли от боли, но эта боль вернула ему способность трезво мыслить. Обернувшись к Гвен, он заметил, что она смотрит на него с испугом, кусая нижнюю губу. Шумно выдохнув, он притянул ее к себе и прошептал над самым ухом:

— Прости, Гвен. Сам не знаю, что на меня нашло.

— Зато я знаю, — горячее дыхание защекотало ему шею, — увы, сейчас нам негде уединиться... но потерпи совсем немного.

Его пальцы запутались в гладком шелке светлых волос, лаская хрупкий затылок. Как бы ему хотелось склонить ее голову к своему плечу и целовать, целовать, целовать эту нежную шею, эти божественно-манящие плечи...

— Я готов ждать тебя вечность.

Гвен слабо вздохнула:

— Нет, так долго я не выдержу.

— Главное, пока я жду тебя, не найди себе нового жениха.

— Нет, — она дернула головой и тихо засмеялась, — хватит с меня женихов. Я уже нашла себе мужа.

Сердце Грейва радостно заколотилось, и он обнял свою драгоценность с неожиданной нежностью, на которую, как он думал, уже давно не способен.

Нет, нельзя даже мысли допускать о возможном поражении. Он должен отстоять для нее Волчье Логово, чего бы ему это ни стоило.

* * *

За те несколько дней, которые заняла спешная дорога к замку, Гвен совершенно извелась. Мрачная решимость одержать победу сменялась тревожными предчувствиями; буйное воображение живописало ей ужасы поражения, и она несколько раз малодушно порывалась просить Грейва повернуть отряд к западу, чтобы стороной обогнуть Междуречье и мчаться напрямик в далекое Зазимье. И всякий раз ее останавливали угрызения совести, ведь на страже Волчьего логова осталось лишь два десятка рыцарей. Такими силами им никак не удержать замок. Что будет тогда с ее верными людьми, с замковой челядью, с беззащитными деревнями, раскинувшимися на прилегающих землях? Сражения и войны никогда не приносили простому люду ничего хорошего. Завоеватели получают свою награду сполна: сожгут амбары, вытопчут поля, перережут скотину, убьют мужчин, надругаются над женщинами, оставят сиротами детей. Ее мирные, благодатные земли захлебнутся в крови и страданиях...

Снова и снова она корила себя, что в недобрый час решила поехать в гости к лорду Вэнсу. Она потеряла одного из лучших и преданнейших своих людей — Майлза Кроу, который заплатил жизнью за ее глупую прихоть. Сколько солдат из ее новоиспеченной гвардии положили головы при штурме Чаячьего Гнезда! И лишь она, ее эгоизм и глупость были всему виной!

В такие мгновения ей казалось, что она приносит несчастье всем, кто имел неосторожность приблизиться к ней. Мать подарила ей жизнь, но заразилась от дочери детской болезнью, которая отняла жизнь у нее самой. Невольно лишив отца любимой жены, маленькая Гвен сделала несчастным и его, отняв у него волю к жизни. Едва обвенчавшись с ней, новоиспеченный супруг умер прямо на свадьбе. Затем судьба дала ей передышку — на несколько недолгих лет, — и вот теперь все начинается снова... Лорд Вэнс не дожидается невесты, лорд Эксбери предстанет перед королевским судом, храбрый и преданный сир Кроу погребен на чужбине вместе с безвременно павшими воинами, а теперь вот Дрейк...

Гвен украдкой бросала на него виноватые взгляды. Он уже пострадал, начиная с того дня, когда связался с ней. Он подставился под удар, когда оставил ее в живых; он подчинился ее прихоти и выиграл рыцарский турнир, не желая этого; он примчался на ее безмолвный зов и вызволил ее из беды... Насколько же еще его хватит?

Теперь перед ним стоит непростая задача: победить в грядущей битве врага пусть с небольшим, но все-таки перевесом.

Стоит ли эта война его жизни? Стоит ли этого сама Гвен?

Она полюбила его. Но что она может дать ему, кроме несчастий?

Однако когда она ловила на себе его страстные, ищущие взгляды, ее тоска вдруг сменялась безрассудной надеждой. Она верила в него, верила в его слова о том, что он способен ее защитить, верила, что он сделает для нее невозможное... верила в его любовь.

Во время долгой изматывающей дороги она с замиранием сердца ждала и искала тех коротких и сладких моментов, когда могла посмотреть ему в глаза, коснуться ладонью его руки, перемолвиться с ним словом. И ей невыносимо, отчаянно хотелось остаться с ним наедине.

Гонцы встретили их в нескольких милях от замка. Войско лорда Мортингера все-таки выступило, сказали они. К счастью, Гвен и ее гвардия успели вовремя — по данным разведчиков, до подступа вражеских сил к замку оставался еще как минимум день.

— Скачите по деревням, — приказала Гвен, — сообщите людям — пусть бросают все и немедленно укрываются в замке.

— Но, миледи, — опешил Лесли Вудс, — разве замок способен вместить такую тьму народу, да еще и с пожитками?

— Только люди — никакой скотины, тряпья или утвари. И еда — сколько смогут унести на себе. Отправляйтесь сейчас же и поторопите их, если им жизнь дорога.

Только теперь она запоздало взглянула на Дрейка, чувствуя легкую вину — не будет ли он возражать против ее решения? Но он лишь крепче стиснул и без того плотно сжатые губы и согласно кивнул в ответ на ее молчаливую мольбу о поддержке.

К их приезду в замке растопили бани, а в покоях Гвен уже ждала горячая ванна. Праздничный ужин, который готовила для них прислуга по случаю благополучного возвращения, Гвен велела отменить и отнести еду прямоком в казармы — ей было не до пира. Она наспех поужинала в своих покоях, выслушивая горестные стенания лекаря Филиппа, сетовавшего на ее безрассудство и своеволие, приведшее к таким печальным последствиям. Вежливо выпроводив расстроенного старика, Гвен, наконец, погрузилась в ванну, и пока горничные мыли и сушили ее длинные волосы, она позволила себе вволю понежиться в горячей воде — кто знает, может быть, в последний раз? Затем отослала всех, облачилась в красивую расшитую кружевами сорочку и домашний халат, проверила полировку на своих золоченых доспехах, сняла со стены ножны с мечом и обнажила холодную сталь клинка. И отец, и старый покойный рыцарь, обучавший ее военному искусству, всегда твердили ей одно: «Доспехи и коня ты можешь доверить оруженосцам, но готовить к бою свой клинок ты должна сама».

Гвен немного полюбовалась завораживающей игрой бликов от огня, гуляющих по стали высочайшего качества, а затем со вздохом достала оселок, села на край кровати и принялась неторопливо затачивать и без того острое лезвие.

Работа успокаивала натянутые звенящими струнами нервы. Движения Гвен становились все более плавными и медленными; за заточкой последовала полировка клинка. За окном уже совсем стемнело, когда она закончила работу и встала в боевую позицию, ощущая в руке приятную тяжесть меча. Сделала несколько легких выпадов, принаравливаясь к клинку; рубящими движениями со свистом рассекла воздух, а затем вращательным ударом перерубила кожаный мех, плотно набитый соломой и узелками с песком — его она иногда использовала для тренировок деревянным мечом.

Из разрубленных внутренностей мешка на пол посыпалась солома вперемешку с

песком. В этот миг скрипнула дверь, и Гвен обернулась, ожидая увидеть на пороге служанок, зашедших вычерпать воду из ванны. Однако вместо служанок она увидела высокую фигуру Дрейка. Нахмурившись, он переводил напряженный взгляд с ее лица на меч и обратно, а затем негромко произнес:

— Что это вы задумали, леди Ройз?

Гвен еще раз протерла блестящее лезвие промасленной ветошью и вложила клинок в ножны.

— Хотела размяться перед завтрашней битвой.

Казалось, нахмуриться еще мрачней было уже невозможно, но он умудрился. Пронзил ее таким тяжелым взглядом, что по спине побежал холодок.

— Ты не посмеешь, — произнес он, и Гвен отчетливо услышала, как скрипнули в повисшей тишине его зубы.

— Ты не сможешь мне помешать, — мягко возразила Гвен, заботливо укладывая меч на крепления в стене, — я леди этого замка, и я должна вести своих людей в бой, а не отсиживаться за их спинами.

— Тогда на что тебе я, скажи на милость?! — зарычал Дрейк, и Гвен отшатнулась от ярости, звенящей в его голосе.

— Твое место в бою, рядом со мной, — спокойно произнесла Гвен, — мы будем биться бок о бок.

— Что за глупое ребячество?! — гневно взревел он, и Гвен невольно отступила к стене. — Если ты будешь рядом со мной в бою, я не смогу думать ни о чем другом, кроме того, как обеспечить твою безопасность! А я должен думать о том, как привести гвардию к победе!

— Я не смогу отсиживаться в укрытии, Дрейк, — сказала Гвен еще мягче, полная внутренней решимости, — хочешь ты того или нет, завтра я буду рядом со всеми... до конца.

Он в несколько шагов преодолел расстояние до нее — его лицо было так перекошено от гнева, что Гвен не узнавала его. Она отступила еще на шаг и от страха вжалась спиной в стену. Одной ладонью он сгреб ее лицо за подбородок и произнес срывающимся голосом:

— Ты должна мне желать за победу в турнире. Надеюсь, ты помнишь об этом и не станешь отказываться от своих слов? Так вот — я желаю, чтобы завтра ты сидела в своих покоях тихо, как мышь, и заперлась изнутри на все засовы. А если вздумаешь мне перечить, я лично закую тебя в кандалы и не выпущу, пока не вернусь обратно с победой.

Гвен испуганно смотрела в его горящие яростью глаза. Его жесткие пальцы больно впивались в нежную кожу ее щек и подбородка, но она не делала попытки высвободиться.

— Я жду ответа прямо сейчас, леди Ройз — исполните ли вы мое желание?

Гвен поняла, что спорить с ним бессмысленно. Глядя в его потемневшие глаза, она понимала: в случае отказа он действительно закует ее в кандалы и сделает узницей в собственном замке.

Поэтому она просто кивнула, признавая свое поражение. Он вновь поймал ее на слове — и на этот раз не шутил. Честь для Гвен была не пустым звуком, и крепость данного слова, нерушимого слова леди, не могла подвергаться сомнениям.

— Хорошо, — он отпустил ее лицо, а затем с некоторым сожалением погладил по щеке и подбородку — видимо, на них остались следы его жестких пальцев, — надеюсь, ты столь же благородна, сколь красива и смела, и не нарушишь своего обещания.

— Не нарушу, — выдохнула Гвен.

Его лицо вновь переменялось — он стал похож на самого себя, гнев утих, а в глазах мелькнуло нечто похожее на раскаяние.

— Прошу простить меня, миледи. Я не хотел напугать вас или причинить вам боль.

Гвен молчала, глядя на него с укоризной. Ее страх исчез вместе со злобой Дрейка, но ей было сложно смириться с тем, что он так внезапно и грубо растоптал ее искренний порыв, вынудив дать обещание, что завтра она не выйдет на бой.

Ее молчание Дрейк, вероятно, расценил по-своему, поскольку лицо его стало совсем печальным, а в серых глазах затаилась боль. Однако он не сказал больше ни слова — лишь вздохнул и спешно покинул ее покои.

Оставшись одна, Гвен некоторое время пыталась прийти в себя. Она чувствовала обиду на Дрейка, но уже вновь безумно скучала по нему. Волей-неволей мысли ее перетекли в другое русло — зачем он приходил сюда? Он так и не сказал... Ах, и почему ей вздумалось махать мечом в этот самый момент? Ведь наверняка он хотел сказать ей что-то очень важное...

Гвен закусила губу. Мысли стали еще тревожней. Вероятно, завтра он примет бой, а она останется наблюдать за битвой из-за высоких и толстых каменных стен замка. А что, если он падет в бою? Что, если она больше никогда не увидит его живым? Возможно, он хотел проститься с ней перед битвой, хотел, чтобы она вдохновила его, а она не нашла ничего лучше, чем спорить с ним и обижаться.

Пресвятая Дева! Он попросил у нее прощения за свою резкость, а у нее не нашлось даже доброго слова, чтобы ответить ему. И это их последние слова, с этим он пойдет завтра в бой!

Гвен заметалась по комнате, неспособная найти себе места. Как глупо получилось... Ведь его грубость была не со зла, он просто хотел уберечь ее... А она...

Схватив со стола свечу, Гвен выбежала из комнаты.

* * *

Грейв тяжело рухнул на кровать, даже не потрудившись снять с себя сапоги. Не на такой исход встречи он рассчитывал. После приезда в замок, где Гвен сразу же окружили охающие и ахающие компаньонки и служанки, а сам он вынужден был объясняться с ожидавшими их рыцарями, его сердце рвалось к ней каждое мгновение.

И он мечтал об этой встрече. Посетил баню, чтобы тщательно смыть с себя походную грязь и избавиться от въевшегося в кожу запаха лошадиного пота; велел цирюльнику гладко выбрить ему лицо и привести в порядок волосы; облачился в чистую одежду, волнуясь, словно юная дева перед свадьбой; притащился к ней, чтобы еще раз объясниться в любви и ободрить ее... втайне надеясь на большее.

Но надо же было такому случиться, что вместо трепетной девы он застал в покоях леди Ройз воительницу, размахивающую мечом! В мозг вонзилась неприятная мысль — что, если она захочет повторить свой безрассудный «подвиг» и выйти на поле битвы?

Когда же его догадка подтвердилась, он почувствовал, как из него будто выбили душу одним ударом. Он не мог допустить, чтобы эта женщина, его любимая, его невеста, так рисковала собой! Что угодно, только не это! Это глупое упрямство рассердило его.

Разумеется, он не хотел обижать ее, он ценил ее отвагу и храбрость, но что, скажите на милость, делать благородной леди в кровавом месиве, среди закованных в броню мужчин,

где один неосторожный удар латной перчаткой может прихлопнуть ее, словно муху?

В сердцах он нагрубил ей, чем напрочь лишил себя возможности сорвать со сладких губ вожделенный поцелуй, однако это того стоило: она пообещала ему не подставлять себя под удар и дожидаться исхода сражения в безопасности бастионов.

Это успокоило его разум, но... душу терзали зеленые глаза, смотревшие на него с испугом и обидой, ее молчаливый упрек, ее неохотное согласие, которое он буквально вырвал из нее.

Тихий стук в дверь вернул его из грустных мыслей в незавидную реальность.

— Входите! — крикнул Грейв, с досадой садясь на кровати.

Кого еще принесла нелегкая? Ему и так досталось неприятностей на сегодняшний вечер, он не горел желанием добавлять к ним еще одну.

Но когда незапертая дверь отворилась, на пороге возникла леди Ройз — простоволосая, в домашнем халате, какой он оставил ее не более четверти часа назад в господских покоях.

— Гвен? — он подскочил на месте, радуясь, что еще не успел раздеться. — Ты...

Она тихо закрыла за собой дверь, задвинула засов, неторопливо поставила свечу рядом с той, что уже горела в подсвечнике на столе, а затем повернулась к нему лицом.

Грейв кусал губы, пытаясь разгадать, что сейчас на уме у этой прекрасной, волнующей, непредсказуемой женщины.

— Ты простишь меня?

Она шагнула к нему, и он едва не пошатнулся — тончайший аромат ее волос вскружил голову, заставил сердце биться быстрее. Она сделала еще шаг, ласково коснулась ладонью его щеки, и сердце Грейва замерло, словно подстреленная птица.

— А ты... простишь меня?

Грейв вспомнил, что забыл выдохнуть. Ее золотистые волосы манили к себе, и он не стал сопротивляться своему желанию, пропустив между пальцами длинный шелковистый локон.

— За что? Ты ничего не сделала. Это я...

— Я должна была прислушаться к тебе. Я знаю, ты хотел как лучше.

— Я...

Он склонился к ее лицу, собираясь оправдываться, но она приложила палец к его губам.

— Молчи.

Отступила на шаг, поднимая в нем волну разочарования — он хотел ее ближе, хотел ее рядом, хотел, чтобы она была частью его...

Но то, что Гвен сделала дальше, повергло его в настоящее изумление: медленно, неторопливо развязала домашний халат, слегка поведя плечами, позволила ему упасть, отбросила на кресло. Потянула завязки на вороте вышитой ночной рубашки.

— Гвен, — растерянно прохрипел он, — Гвен, ты уверена? Мы ведь еще...

— Я уверена, — прошептала она, раскрыла ворот и спустила рубашку с плеча, — наше «завтра» может никогда и не наступить. Я хочу... чтобы завтра, ведя людей в бой, ты вспоминал не то, как мы с тобой ссорились... а то, как я любила тебя.

Разум должен был победить. Грейв должен был заверить ее, что завтра для них наступит непременно, так же, как и все остальные дни... что они обвенчаются сразу же после победы, а уж потом... Он знал, что не должен был пользоваться ее доверием, ее чувствами, не должен был бесчестить ее.

— Гвен...

— ...Что в этом плохого? — она воинственно вскинула подбородок, будто он произнес свои мысли вслух. — Если ты вернешься с победой, вскоре мы станем мужем и женой, и это все равно случится между нами. Если же нет... я хотела бы знать, как это бывает с любимым человеком... с тобой. Хотя бы раз в жизни.

Невысказанные слова рассыпались мелкими осколками, жаждущие руки сами потянулись к ней. Дрожащая от волнения ладонь легла на обнаженное девичье плечо, пальцы лихорадочно проšliсь по хрупким косточкам. Другая рука запуталась в мягком шелке волос на затылке, приближая прекрасное лицо к жадным губам. Совершенно хмельной от внезапно обрушившегося счастья, он принялся целовать ее лицо, выплескивая наружу давно сдерживаемые чувства, внутренне ликуя от того, что они наконец-то одни, что дверь заперта изнутри, что впереди у них целая ночь... И никак не мог насытиться ею — трепетом дрожащих ресниц, бархатом высоких скул, вздрагивающими губами, нежным изгибом шеи... Вкус ее кожи пьянил, как вино, горячил кровь, разливая по телу жидкий огонь. Отстранившись на миг, он очертил пальцем контур ее губ, словно пробуя их мягкость, но почти сразу нетерпеливо накрыл их ртом. Ее губы поддались его напору, послушно раскрылись.

Руки скользнули по округлым плечам, избавляя их от остатков одежды — тонкая рубашка упала к ногам Гвен. Она рвано выдохнула, вздрогнув всем телом, но не отстранилась — напротив, обвила руками его шею. Грейв прижал стройное девичье тело к себе, заскользил ладонями по гладкой коже ее спины.

— Гвен...

Он тяжело дышал и одновременно задыхался, сердце замирало, забывая, как биться, и тут же взрывалось барабанным грохотом внутри — он держал в объятиях самую красивую, самую сладкую, самую желанную женщину на свете, и она отвечала ему взаимностью.

Нежные ладони смело забрались ему под тунику, коснулись пылающей кожи, погладили вздувшиеся от напряжения мышцы, потянули ткань вверх. И вот уже его кожа соприкасается с ее кожей, и уже нет сил сдерживаться, нет сил скрывать свое желание — он подхватил ее на руки и бережно опустил на постель.

На мгновение им вновь овладела растерянность — вся его жизнь до встречи с Гвен была посвящена лишь одной женщине. Если бы сейчас на этой постели лежала Кристина, он бы ни секунды не сомневался, что делать. За годы, проведенные вместе, он изучил все ее желания, все ее сладкие местечки, знал, что доставляет ей особенное наслаждение. Он не стал бы церемониться, ворвался бы в нее как ураган, заставил бы ее задохнуться в стогах.

Но Гвен? Ее робкие, неумелые прикосновения, ее испуганный трепет в ответ на его осторожные ласки сбивали его с толку. Он почему-то раньше не задумывался над тем, что двадцатилетняя вдова может оставаться целомудренной девицей... Но ведь это может быть так? В конце концов, ее муж умер прямо на свадьбе... Что, если Гвен до сих пор не знала мужчины?

Как бы то ни было, долгих раздумий мозг Грейва выдержать был не способен — жадные губы сами льнули к ее телу, разгоряченная кровь кипела в жилах, пробуждая инстинкты, заставляя его прикасаться, гладить, ласкать, лихорадочно шептать ее имя. Первый судорожный стон, когда она всем телом подалась навстречу, в истоме запрокидывая голову, прозвучал дивной мелодией в его ушах...

Увы, он слишком долго не был с женщиной. Накопившаяся страсть требовала выхода, и напряжение разорвалось в нем раньше, чем ему бы хотелось.

Грейв шумно выдохнул, ощущая, как растворяется в собственном удовольствии, в которое тонкой ядовитой змейкой не замедлило вползти чувство вины.

— О, Гвен, — шевельнул он губами у самого ее уха, — прости меня...

— За что?! — шепотом спросила она, обхватывая ладонями его лицо и приближая к себе. — За то, что мне было так хорошо?!

— Хорошо... — он смущенно хмыкнул, — бедная моя девочка... Прошу, дай мне немного времени, любовь моя, и ты узнаешь, что такое хорошо.

Гвен не дала ему договорить, вновь приникнув к его губам. Ее нежные руки прижали его к себе, и он поддался, расслабляясь и накрывая ее тяжестью своего тела.

— Все время мира, любимый... — шептала она ему в ухо, и он млел от этого нежного шепота, от дурманящего запаха ее волос, в которые с наслаждением прятал лицо, — этой ночью у нас все время мира...

Глава 14. Враг у ворот

Время вышло — пылает восход
И крыла расправляет над нами,
Бой не кончен — возьми мое знамя
И веди свое войско вперед!
Бой не кончен — пылает восход!
Торопись! Враг уже у границ!
Трубы воют, воют кроваво и страшно!
Поднимись на дворцовую башню
И приинкни к разрезам бойниц —
Торопись, враг уже у границ!
Торопись! Наступает восход!
Расстелив бесполезные карты,
Ты увидишь чужие штандарты,
И бессилье тебя захлестнет —
Время вышло, а враг у ворот!
Йовин, «Дворец»

Жестокий рассвет осветил опочивальню до обидного скоро. Дрейк, казалось, уснул совсем недавно, окончательно вымотавшись после пылкой ночи, а Гвен так и не смогла сомкнуть глаз до зари. С безграничной нежностью смотрела на жениха и легонько ласкала расслабленное во сне тело, в то время как ее сердце, преисполненное любви, тоскливо сжималось в ожидании неумолимого утра.

Не покидало ощущение, что эта ночь, впервые подарившая им радость познания друг друга, станет для них и последней. Пытаясь прогнать грустные мысли, она до боли закусывала губы, все еще припухшие после жарких поцелуев, и касалась кончиками пальцев сильного плеча любимого мужчины. Совсем скоро этим широким плечам снова придется ощущать тяжесть лат вместо ласковых прикосновений. Возможно, вскоре к его недавно затянувшимся ранам добавятся свежие — и кто знает, насколько глубоки они будут?

Гвен прикоснулась губами к теплой щеке Дрейка и легонько вдохнула аромат его кожи. Как бы ей хотелось продлить эту ночь... заставить беспощадное солнце провалиться обратно за горизонт и остаться там еще хотя бы на день, а лучше — до скончания времен...

Тяжелые быстрые шаги, раздавшиеся за дверью, окончательно растоптали несбыточные мечты. Сердце сжалось в ожидании настойчивого стука в дверь, и он не замедлил последовать. Дрейк вздрогнул и приподнял голову над подушкой, сонно моргая. Гвен приложила палец к его губам и соскользнула с кровати, на ходу отыскивая ночную рубашку и запахиваясь в халат. Как есть, в халате и домашних туфлях, она подошла к двери.

Громкий стук повторился, на этот раз сопровождаемый встревоженным голосом Лесли Вудса:

— Капитан Грейв! Капитан, проснитесь!

Гвен отперла засов. Лесли Вудс, лишь недавно назначенный командиром замковой стражи вместо покойного Майлза Кроу, растерянно моргнул. Гвен могла понять его замешательство: он явно не ожидал увидеть свою леди в опочивальне капитана в столь

ранний час, облаченную лишь в домашний халат.

— Миледи, — сир Лесли почтительно склонил голову. — Простите, я не хотел...

— Говорите, милорд, — велела Гвен, пресекая ненужные церемонии.

Даже не оборачиваясь, она ощутила за спиной присутствие Дрейка.

— Есть вести от разведчиков: войско Мортингера уже на подступах к замку. Вы нужны нам, капитан, — рыцарь взглянул на командира поверх плеча Гвен.

— Иду, — коротко сказал тот, и сир Вудс поспешил откланяться.

Гвен закрыла дверь и прислонилась к ней спиной; колени предательски задрожали. С тревожным чувством она наблюдала за тем, как Дрейк наскоро одевается и натягивает сапоги. Закончив, он приблизился к ней и ласково коснулся ладонью ее щеки.

— Прости, любовь моя, наше время вышло. Я должен позвать оруженосца, чтобы он помог мне облачиться в доспехи. Чем меньше любопытных глаз...

— Не продолжай, — Гвен не дала ему закончить. — Я ухожу.

Сама она не ощущала более никакой неловкости из-за того, что об их связи станет известно, однако он был прав: время любви вышло, настало время войны. Она не должна отвлекать своего защитника от воинского долга.

Дрейк вздохнул и склонился к ее губам. Тепло его невесомого поцелуя слегка согрело заледеневшее от страха сердце, и Гвен позволила себе обнять жениха за шею.

— Ты должен победить, — шепнула она, прижимаясь к нему всем телом.

— Я знаю, — он слегка отстранился и едва заметно улыбнулся, все еще обнимая ее стан. — Так и будет, любовь моя. И помни о своем обещании: ни шагу из укрытия. Я буду посылать к тебе гонцов с вестями так часто, как только смогу.

— Благослови тебя господь, Дрейк, — прошептала Гвен. — Вернись ко мне живым.

Он отступил на шаг, с усилием разрывая объятия; дрожащей рукой она осенила его крестным знаменем и стремительно вышла из опочивальни — раньше, чем он сумел разглядеть ее слезы.

* * *

Совет держали наскоро.

— Основная часть войска примет бой далеко за насыпью. По два отряда прикроют авангард с флангов — но это все, на что мы можем рассчитывать, увы. Командование правым флангом возьмет на себя сир Герберт Мейер, — Грейв искоса взглянул на рыцаря, хранившего невозмутимое спокойствие. — Левый остается тебе, Проныра.

Арчибальд Хейл сложил губы в небрежную улыбку:

— Почту за честь, мой капитан.

— На случай прорыва обороны в замке останутся два десятка рыцарей, — продолжал Грейв. — Сир Вудс, вы отвечаете за готовность укреплений.

— Все уже готово, капитан, — коротко кивнул Вудс. — Снаряды для требушетов, пращи, смола, промасленные стрелы, дрова для костров...

— Отличная работа, сир, — похвалил Грейв и нашел глазами Зануду. — Питер, ты тоже остаешься в замке. На случай поражения...

— Никаких поражений! — возмутился Вудс, но Грейв лишь бросил на него мрачный взгляд.

— ...на случай поражения: возьми несколько людей, которым доверяешь. Ты должен будешь вывести леди Ройз из замка по подземельям и укрыть ее в Предгорьях — пока не придет подмога от короля.

— А она придет? — лениво пожеывая соломинку, уточнил Ригер.

— Непременно, — холодно ответил Грейв, хотя на самом деле не был так в этом уверен. — Зануда?..

— Вас понял, капитан, — уныло ответил его соратник. — Но вы разделяете нас — это нехорошо.

— Разделяю, но ненадолго, — Грейв попытался подбодрить его улыбкой. — Как только одержим победу, мы вновь воссоединимся. Вопросы?

— Кхм, — вновь подал голос Ригер, почесав белобрысый затылок. — Не хотел бы, чтобы меня приняли за Зануду, но... почему просто не дожидаться подмоги в замке? Сдерживая осаду, внутри мы будем в большей безопасности, чем в открытом сражении.

— Ты забываешь о людях, которые остались в поселениях. Враги не станут щадить никого: дотла сожгут дома, вытопчут поля, убьют оставшихся крестьян. Мы не можем оставить людей на произвол судьбы.

— Они сами выбрали свою судьбу, — пожал плечами Ригер. — Почему мы должны рисковать из-за них?

— Это люди леди Ройз, и мы обязались их защищать. Кроме того, замок не так уж неуязвим — мы сами недавно брали его, забыл? Любую крепость можно взять числом и мощным ударом. А здесь, в стенах замка, набилось слишком много людей, яблоку негде упасть. Как мы будем вести бой в такой тесноте?

А еще — если подмога от короля и соседей не придет, гибель обитателей замка станет лишь вопросом времени. В открытом бою куда больше шансов победить, несмотря на небольшой перевес в численности врага.

Но об этом Грейв не хотел говорить вслух.

Ригер крикнул и обвел глазами других командиров, словно ища поддержки.

— Что тебя пугает? — Грейв постарался вложить в собственный голос как можно больше вызова.

— Твоя самонадеянность. У них две или три сотни, у нас не наберется и двух.

На Грейва накатило глухое раздражение. Он всегда ценил Ригера за верность и смелость, но сейчас его привычка спорить играла против капитана. Однако сдаваться он не собирался.

— Надо быть всего лишь чуточку яростней, чем наши враги. Трусости я не потерплю.

— В трусости меня никто не смеет обвинять, — здоровяк Ригер вскинул бровь и угрожающе повел могучими плечами. — Вопрос лишь в наших возможностях. Кто знает, на чьей стороне сегодня будет удача. Быть может, мы разобьем их с первого удара, а может быть, придется держать долгий бой. Давай начистоту: когда ты ожидаешь подмогу от короля?

Грейв пожал плечами.

— Кто знает? Гонцы уже должны были достигнуть Южных земель. Все будет зависеть от того, как скоро его величество откликнется на призыв и соберет армию.

— А что, если он поддержит Мортингера? — подал голос непривычно серьезный Болтун.

— Не поддержит, — уверенно ответил Грейв. — Леди Ройз — его племянница и пока

что единственная наследница. Он не допустит, чтобы ей причинили зло.

Он поднялся и оглядел присутствующих на совете.

— Я призываю вас всех отбросить любые сомнения: уверенность солдат в победе должна быть непоколебима. Правда за нами — запомните это, сирь.

* * *

Дать обещание было куда легче, чем сдержать его. Весь первый день с начала битвы Гвен провела в сторожевой башне, не чувствуя усталости даже после бессонной ночи. Сквозь узкое отверстие бойницы ей были видны холмистые земли, простирающиеся на западе: именно там показалось живое черное море, затопившее сперва линию горизонта, а затем — и остатки жухлой осенней зелени на вершинах пологих курганов.

Войска схлестнулись за земляным валом. Не было предупреждений, не было призывов сдаться — закованная в броню вражеская кавалерия, вооруженная длинными копьями, неукротимым ураганом ворвалась в передние ряды защитников.

Гвен вздрогнула, словно могла из безопасности замка, находящегося на значительном расстоянии от места битвы, услышать и ощутить всю чудовищную мощь смертельной сшибки. Но похоже, Дрейк предусмотрел какую-то хитрость: Гвен видела сквозь приближающие стекла, как ноги некоторых неприятельских лошадей неожиданно подламывались и всадники падали наземь. Подняться без посторонней помощи латнику в тяжелых доспехах, да еще в суматохе кровавого побоища, было невозможно; лошади, обезумев от боли и страха, взвивались на дыбы, в ужасе метались среди копий и мечей, топтали подкованными копытами своих же упавших всадников — и Гвен вскоре потерялась в мельтешении животных, людей и оружия. Трудно было разобрать, чей меч разит противника — свой или вражеский? Невозможно было уследить за тем, чье копьё пронзило блестящую под холодным ноябрьским солнцем броню: иные штандарты уже превратились в рваные тряпки бурого цвета.

Гвен усиленно пыталась разглядеть в безудержной пляске копыт, мечей и копий фигуру Дрейка — но где уж там... Никакие стекла не могли приблизить место битвы настолько, чтобы можно было различить гербы на доспехах и форму глухих шлемов с забралами.

Когда нервы сдавали, Гвен закусывала губу и передавала пост сирю Вудсу, а сама окидывала тревожным взглядом внутренние дворы замка. Простому люду не сиделось в стенах жилищ: женщины сбивались в группы у колодца и шептались друг с другом, обеспокоенно качая головами и прижимая концы платков к губам, страже приходилось то и дело гонять сорванцов-мальчишек, норовящих облепить зубцы крепостных стен, чтобы хотя бы издали взглянуть на настоящую битву.

Когда над замком сгустились сумерки, у Гвен не на шутку разболелась голова. Она послала к лекарю Филиппу за снадобьем и мимоходом взглянула на сира Вудса, который продолжал напряженно вглядываться в даль. Внезапная бледность его лица и плотно стиснутые губы не понравились Гвен, и брови сами собой сошлись на переносице.

— Что там, сир Лесли? — выдохнула она, нервно ломая пальцы и боясь услышать ответ.

— Кхм, — рыцарь бросил на нее быстрый взгляд и тут же отвел глаза. — Ровным счетом ничего непредвиденного, миледи. Битва продолжается, волноваться не о чем...

— Миледи! — услышала она позади себя взволнованный голос и обернулась. — Сир

Вудс!

Оруженосец Дрейка в измятых доспехах, совсем еще мальчишка, придерживал в руке шлем и теребил перевязь с мечом на поясе. Замешкавшись, он упал перед Гвен на одно колено.

— Встань, мальчик. Говори.

— У меня послание, миледи, — поспешно заговорил оруженосец. — От капитана Грейва.

Гвен обменялась коротким взглядом с сиром Лесли и ободряюще кивнула мальчишке.

— Капитан просит сира Вудса усилить оборону перед штурмом замка. А вас, миледи... готовиться к отступлению.

— Мы... проигрываем? — срывающимся голосом прошептала Гвен.

— Миледи, — мальчишка побледнел и бросил взгляд, полный надежды, на начальника стражи. — К лорду Мортингру прибыло подкрепление. Силы теперь слишком неравны.

Гвен бросилась к приближающим стеклам, но разглядеть что-либо в сгущающихся сумерках не представлялось возможным, и она вновь отпрянула. Сама того не замечая, она принялась ходить из стороны в сторону, судорожно сцепив пальцы.

— А как же наши фланги? Они не вступили в битву? Они должны были прикрывать основные войска...

— Вступили, миледи, и уже давно. Теперь нет уже ни флангов, ни авангарда... — мальчишка испуганно сглотнул. — Сплошное месиво.

— Леди Ройз, — подал голос Лесли Вудс. — Вам следует прислушаться к словам капитана и спуститься в укрытие.

— Капитан... жив? — Гвен с надеждой и ужасом вглядывалась в испачканную кровью физиономию парнишки.

— Жив, миледи, — поспешно ответил тот.

— Он... не ранен?

— Не могу знать, добрая госпожа, — мальчишка зачем-то снова упал на колено и склонил голову. — Когда я уходил, был жив и держался верхом на коне.

Гвен вновь сцепила тонкие пальцы. Он жив. Это самое главное. Она не покинет замка, пока еще есть надежда...

* * *

Теперь уже никто не мог сказать Гвен наверняка, что происходит снаружи. Все, что она знала — войскам неприятеля удалось прорвать оборону перед земляной насыпью, и штурм замка длится уже третий день. Сира Вудса она не видела с тех пор, как он оставил ее под защитой человека по прозвищу Зануда. От того она ничего не могла добиться: он вполне оправдывал свое прозвище и, вторя заметно состарившемуся за последние дни лекарю Филиппу, неустанно бубнил о том, что госпоже следует быть благоразумной и покинуть замок прежде, чем он будет взят.

Гвен отмахивалась от обоих: от перепуганного насмерть старика и раздражающе назойливого Зануды. Она жадно слушала немногочисленных гонцов, которые изредка приходили от сира Лесли и приносили сухие, безрадостные вести. Снаружи, среди холмов, все еще продолжались разрозненные стычки между вражескими силами и уцелевшими

остатками ее гвардии, что успели отступить или укрыться в лесах, а теперь время от времени нападали на неприятеля с тыла.

Основные же силы лорда Мортингера были заняты штурмом. До сих пор стены замка и скромный отряд в двадцать воинов сдерживали нападавших, но Гвен понимала: рано или поздно замок падет под непрекращающимися атаками внушительной армии. Гонцы доносили, что отчаянные смельчаки из стана неприятеля по ночам пытаются засыпать камнями и песком ров, но отважные обитатели замка до утренней зари разбирают завалы под градом стрел, едва ли не по шею в холодной грязной воде. Прошлой ночью, ценой невероятных потерь, буквально по трупам собратьев по оружию, усеявшим дно защитного рва, войска неприятеля прорвались к подъемному мосту, и тогда в ход пошли пращи, смола и горящие стрелы.

К вечеру третьего дня тараны лорда Мортингера пробили подъемный мост. В «загоне» погибло множество вражеских солдат, сокрушенных самоотверженными контратаками защитников, кипящим маслом, смолой и градом камней; но тьма-тьмуца тех, кто напирал сзади и шел по трупам вперед — все никак не заканчивалась.

— Миледи, — выслушав очередного гонца, Питер Зануда переменялся в лице. — Теперь уж оставаться здесь равносильно смерти. Через час-другой замок окончательно падет.

— Я дождусь вестей от капитана Грейва, — упрямо качнула головой побледневшая Гвен.

— Миледи... не хочу вас расстраивать, но от капитана уже давно не было вестей. Наша гвардия разбита, и едва ли он мог уцелеть посреди этой бойни.

— Я не верю вам, — она почти беззвучно шевельнула губами. — Он не мог погибнуть. Не мог.

— Миледи... нам следует идти. Прошу вас, не заставляйте меня...

— Подмога!!! — прокричал кто-то снаружи, и за дверью раздались тяжелые шаги бегущего человека. — Подмога!

Дверь распахнулась, и Гвен с затаенной надеждой взглянула на вошедшего. То был рыцарь из вольных, один из тех, что был завербован в ее гвардию после турнира. Гвен даже помнила его имя — но в этот момент ее память словно растеряла все те сведения, что не касались ее возлюбленного Дрейка.

— Подмога? — воскликнула она. — Неужто? Откуда?

— Государь, госпожа, — посыльный рухнул перед ней на одно колено, загремев тяжелыми доспехами. — Королевские штандарты показались на горизонте.

* * *

Все внезапно переменялось. Безумие битвы сменилось зловещим затишьем, оглушающий лязг металла — приглушенными ругательствами. Челядь испарилась с замковых дворов, женщины оберегали детей и юных девиц от наводнивших замок уставших, израненных, обозленных солдат.

В кабинете Гвен собрались трое: его величество восседал в ее собственном кресле с высокой спинкой, а перед ним, отделенные от государя большим дорогим столом с полированной столешницей, в широких, обитых пурпурным бархатом креслах сидели враждующие стороны: владелица Волчьего Логова Гвендолин Ройз и ее кровный дядя, лорд

Доннел Мортингер.

— Поверить не могу, что в моем королевстве, которое едва-едва начало оживать после разгула чумы, случилось такое! У меня под самым носом! — негодовал государь, нервно сжимая и разжимая ладони на ручках кресла. — Да как вам только в голову пришло подобное, лорд Мортингер?!

Дядюшка Доннел бросил злобный взгляд на племянницу и угрюмо ответил:

— Я должен был защитить свои права на Дрохенвальд...

— Права? Побойтесь бога, Доннел! Ведь это не наша милая Гвендолин пошла на вас войной! Каким таким образом она могла посягнуть на ваши права?!

— Она собирала армию, — дядюшка пронзил Гвен жестким взглядом холодных глаз. — Что я должен был предпринять? Сидеть и ждать ее нападения? Уж поверьте, ваше величество, она собирала рыцарей в свое войско не для того, чтобы они отплясывали у нее на балах!

— Гвен? — венценосный дядюшка обратил на нее укоризненный взгляд. — Объяснись. Зачем тебе понадобилась армия?

Но что она могла ответить? Что собирала ее лишь потому, что сама опасалась нападения? Говорить ровно то, что только что озвучил ее дядя Доннел? Ну уж нет. Лебезить и мямлить она не будет. Это, возможно, единственный и последний шанс поговорить с государем начистоту.

— Дрохенвальд принадлежит мне по праву, ваше величество. Возможно, вам это неизвестно, но мой отец оставил наследницей меня. Дядя Доннел узурпировал мой замок...

— Помилуй, Гвен! — поморщившись, оборвал ее король. — Тебе мало одного замка? Разве ты несчастлива во владениях своего покойного мужа? Вместо того, чтобы забивать голову дурью, лучше бы подумала о своем замужестве! Негоже молодой женщине столько лет ходить во вдовах.

— Я предлагал ей это, ваше величество, — вкрадчиво вставил лорд Мортингер, словно почуяв, что настроение короля слегка переменялось, и не в пользу их общей племянницы. — Если бы она согласилась стать моей женой...

— Никогда! — Гвен едва удержалась, чтобы не вскочить с кресла и не вцепиться ногтями в лицо ненавистному узурпатору. — Этого не будет никогда!

Она не узнавала себя в этой несдержанной женщине, внутри которой клокотал гнев. Но пережитое напряжение последних дней, породившее бессонницу и лютую головную боль, а паче всего отсутствие вестей о Дрейке лишали ее привычного самообладания.

— Но почему же, Гвен? — с нескрываемым раздражением спросил король. — Ведь это был бы наилучший выход, с какой стороны ни взгляни! Если бы ты вышла за лорда Мортингера, вы стали бы жить в мире и согласии и сохранили бы себе оба замка! А мне не пришлось бы отвлекаться от государственных дел и вмешиваться в междоусобные дразги.

Глаза Гвен застлало яростью.

— Я никогда не стану женой человека, который обманом отнял мой дом! Который насильно выдал меня замуж за дряхлого старика! Разве вы не понимаете, ваше величество, чего он добивается?

— Чего? — удивленно переспросил король.

Гвен уже открыла было рот, чтобы произнести очевидное, но, поймав искренне растерянный взгляд своего венценосного дядюшки, внезапно осеклась. Если она скажет ему, что лорд Мортингер ждет-не дождется, когда сам государь покинет этот мир, чтобы сесть на

престол рядом с единственной его наследницей, короля может хватить удар. А может — кто знает? — он разгневадается еще пуще и в пылу негодования лишит ее права наследовать престол...

— Расторгнуть... мою помолвку, — пробормотала Гвен, сделав над собой усилие и стараясь превратиться в ту кроткую юную девицу, которой знал ее дядя-государь.

Она понимала, что ее слова звучат жалко и глупо, но ничего не могла с собой поделать.

— Помолвку? — король, казалось, опешил. — Так ты уже помолвлена, Гвен? И с кем же?

Лорд Доннел выглядел не менее удивленным, но его удивление граничило с бешенством.

— Уж не с лордом ли Вэнсом, к которому вы ездили на свидание, леди Ройз? — ядовито прошипел он. — Но, должен признать, это глупая причина, поскольку я не слышал...

— Не с лордом Вэнсом, — перебила его Гвен, гордо вздернув подбородок. — А с Дрейком ван Зандерхардом, лордом Зазимья.

На несколько мгновений в кабинете воцарилось молчание. Оба дядюшки выглядели изрядно потрясенными новостью.

— Дрейк ван Зандерхард, — первым нарушил тишину государь. — Да, я помню эту грустную историю. Бедняга Герхард совсем недавно последовал в лучший мир, вслед за своим отцом. Я уже и сам ломаю голову, что делать с этим несчастным Зазимьем. Однако, сколь мне известно, его брат Дрейк был лишен права наследования и исчез на просторах королевства, быть может, даже умер...

— Он не умер, — твердо сказала Гвен, которой очень хотелось в это верить. — В последние месяцы он жил здесь, в Волчьем Логове. Он участвовал в турнире, ваше величество, и вы чествовали его как победителя. Возможно, вы знали его под именем капитан Грейв, он же рыцарь Темное Пламя.

Лицо дядюшки Доннела перекошилось.

— Эта шваль...

— Не смейте называть его так! — на этот раз Гвен действительно вскочила со своего места и вперила ненавидящий взгляд в негодея. — Он — высокородный лорд и положением не ниже вашего. А уж чести и благородства ему не занимать, в отличие от вас. И — да, я помолвлена с ним. Это случилось накануне вашего нападения.

— Что ж, — уже совладав с первой растерянностью, молвил король. — Я бы с большой радостью увиделся с этим малым — уж не самозванец ли он? Я неплохо знал его отца и, думаю, смог бы уловить некоторое сходство...

— Не самозванец, — жестко ответила Гвен. — Но я не знаю, где он сейчас. Он возглавлял мое войско на подступах к замку...

Метнув быстрый взгляд на дядюшку Доннела, она подозрительно нахмурилась: глаза того внезапно забегали, будто ему было известно нечто, о чем он предпочел бы умолчать.

— Вы знаете, что с ним? — Гвен и сама почувствовала, как переменилась в лице; ее голос дрогнул — не столько от гнева, сколько от тревожного предчувствия.

— Увы, моя дражайшая племянница, — развел короткопалыми ладонями лорд Мортингер. — Как можно уследить в сумятице битвы за судьбой одного воина, который к тому же до сих пор представлялся мне наемником и предводителем разбойников...

— Так вы с ним знакомы? — заинтересованно приподнял бровь его величество.

Лорд Мортингер осекся: Гвен была уверена, что он уже прикусил язык и отчаянно жалел, что столь неразумно проявил осведомленность о личности своего врага.

— Мой драгоценный дядюшка Доннел пытался нанять лорда ван Зандерхарда, когда тот ещё был известен как капитан Грейв, с целью взять штурмом мой замок. Это было летом, до турнира, — елеинным голосом пропела Гвен, поочередно переводя глаза с одного дядюшки на другого, причем дядюшке по отцу взгляд доставался куда более ядовитый. — К счастью, нанятый им капитан оказался куда разумней своего нанимателя и отказался от преступных замыслов.

— Кхм, — король наморщил нос, явно не желая вновь выслушивать свары своих подданных. — Лорд Мортингер, леди Ройз. Вот мое королевское распоряжение: немедленно велите своим людям разыскать упомянутого вами капитана, живого или мертвого. И в ваших интересах, лорд Мортингер, найти его все же живым, в противном случае вам придется отвечать перед короной за смерть высокородного лорда или же представить веские доказательства того, что он был самозванцем.

* * *

Ведро ледяной воды привело Грейва в чувство, но боль и непрекращающийся гул в голове мешали сообразить, что с ним произошло и где он вообще находится. Чужие голоса проникали в мозг расплывчато и смутно, разгоняя звенящую боль от головы по всему телу, и он не сразу сумел разобрать слова.

— Снимите с него кандалы, гром бы побил ваши души! — гневно приказал кто-то знакомым голосом, но сознание то и дело уплывало, мешая узнать говорившего.

— Он военнопленный, — хмуро буркнул в ответ чужой голос.

— Именем короля! — к гневному голосу добавилось шуршание бумаги. — Сражение закончено, кто поднимет оружие с сей поры — будет казнен на месте.

Грейв отважился приоткрыть свинцовые веки — это удалось ему с трудом.

— Капитан! — чья-то крупная фигура склонилась над ним и потрясла за плечо, заставив Грейва сцепить зубы от боли. — Ох, простите... милорд, вы в порядке?

Лесли Вудс. А за спиной его маячит, кажется, Питер Зануда. Но как такое может быть? Ведь Вудс был оставлен на защите замка, а Зануде полагалось...

Гвен... Тяжелый шелк волос, водопадом струящийся ему на плечи... Нежный изгиб милых губ, шепчущих слова любви... Прохладные тонкие пальцы, ласково скользящие по покрытой испариной коже...

Она должна была выжить.

Грейв шевельнул разбитыми губами:

— Что... с Гвен?..

— С Леди Ройз все хорошо, милорд, — встревоженное лицо Вудса расплывалось перед глазами, в то время как кто-то звенел ключами, освобождая от тяжелых кандалов полыхающие болью руки и ноги.

— Но... как?..

Он силился спросить, как получилось так, что враг, разбивший наголову армию Волчьего Логова, вдруг пощадил его хозяйку; и почему сам Грейв все еще жив и видит перед собой Вудса и Зануду, оставленных на страже замка и леди Ройз; и никто больше не

приходит, чтобы грубо вырвать его из беспамятства и снова пнуть посильнее в кровоточащие раны... но на все эти слова сил уже просто не хватило.

— Его Величество прислал подмогу, как вы и ожидали, милорд. Вы можете встать? — Вудс осторожно попытался приподнять сломанную руку Грейва, вырвав из пересохшей глотки сдавленное ругательство. — Ох, простите... Я не думал... Эй, вы! Подайте милорду носилки!

— С каких... пор... я тебе стал... милордом... — прохрипел Грейв и вновь потерял сознание.

* * *

Когда он пришел в себя в следующий раз, ему показалось, будто время стерло из его жизни огромный кусок в несколько месяцев, и он снова лежит на той самой кушетке, где старый лекарь Филипп лечил его после неудавшегося разбойничьего нападения на замок леди Ройз, заказанного ненасытным лордом Мортингером. Он даже пошевелил руками и ногами, в полной уверенности, что ощутит на запястьях и лодыжках тяжелые оковы, не позволяющие ему встать, но вместо этого почувствовал лишь боль в сломанной руке и раздавленной крупом убитого коня ноге.

— Дрейк? — донесся до него тихий шепот, и нежная ладонь осторожно легла на кисть забинтованной и затянутой в лубок руки.

— Гвен... — он с трудом повернул пульсирующую от боли голову на звук милого голоса.

— Не шевелись, любимый, — прошептала она, расплываясь перед его глазами в полумраке комнаты. — Филипп строго запретил... Ты хочешь пить?

Определенно, это была его собственная комната, в которой еще совсем недавно он провел столь волшебную ночь со своей возлюбленной леди. Но все еще сложно было поверить в то, что это не сон: он жив, и Гвен жива и сидит сейчас рядом с ним, наяву прикасаясь к его руке.

— Гвен... я проиграл...

— Дрейк, — ему показалось, что в ее голосе он услышал слезы. — У тебя не было шанса победить. Сир Лесли сказал, что их было пять сотен.

— Насколько... все плохо? — образ Гвен наконец-то перестал двоиться, прекрасные глаза сияли изумрудным блеском в неярком пламени свечи.

— Все очень хорошо, любимый, — он различил слабую улыбку, тронувшую уголки милого рта, и мимолетное мерцание одинокой слезы, скатившейся по бледной щеке. — С нами государь, он остановил побоище.

— Гвен, а твой... дядя...

— Лорд Мортингер усмирен в своих алчных притязаниях. Я известила государя о нашей помолвке.

— Но... мы... — неуверенно промычал Грейв; каждое слово стоило ему немалых усилий, — мы ведь не объявляли еще... и никто не знает моего настоящего имени...

— Уже все знают. Государь лишь ждет доказательств. Я отправила гонцов в Зазимье, чтобы как можно скорее привезли людей, способных подтвердить твоё происхождение. Тот рыцарь... Ледяная Скала...

— Абелард, — Грейв чуть усмехнулся. — Он придет. И привезет с собой бумагу в доказательство. Не волнуйся, Гвен, ты связалась не с самозванцем.

— Я никогда не думала так! — с горячностью воскликнула Гвен. — Я с самого начала знала... Ох, Дрейк! Я так боялась, что мы не найдем тебя живым!

— Я держался, сколько мог, Гвен. Но их было слишком много. Мой конь пал, а нога застряла в стремени, и я оказался уязвим. Меня не добились на месте, а взяли в плен. Правда, не могу сказать, сколько времени провел там.

— Мы расстались четыре дня назад, любимый, — грустно улыбнулась Гвен, ласково погладив прохладными пальцами его пылающий от лихорадки лоб. — Но теперь все позади. Государь... мой дядя... благоволит к моему решению.

Грейв уже достаточно хорошо знал свою возлюбленную, ловя на долгих аудиенциях каждое движение изящной брови, каждый взмах густых ресниц, каждую смену интонации в мелодичном голосе, чтобы не заметить в привычно ласковых словах нотки сожаления.

— Гвен... О чем ты недоговариваешь? Ты... сомневаешься в том, что приняла правильное решение? Если ты не хочешь... я не стану тебя неволить...

— Не смей даже думать так, Дрейк, — она пылко стиснула пальцы его здоровой руки. — Я отдала тебе свое сердце, и оно всегда будет принадлежать только тебе, как и вся моя жизнь.

— Тогда... что тебя тревожит, Гвен?

Он слегка прищурился, напрягая зрение: проклятая полутьма мешала ему разглядеть прекрасное лицо невесты со всей ясностью, но от него не укрылось то, как леди Ройз прикусила нижнюю губу, словно пыталась сдержать рвущиеся наружу слова.

— Скажи мне, Гвен... Какая из нас будет семья, если мы не можем доверять друг другу свои тревоги?

— Его величество поставил условие, — тихо выдохнула она.

Грейв замолчал, терпеливо ожидая продолжения.

— Он не хочет междоусобной вражды в своих землях... Поэтому и велел мне сделать выбор. Если я хочу выйти замуж за тебя, я обязана письменно, при свидетелях, отказаться от своих прав на Дрохенвальд и признать право на владение им за моим дядей Доннелом. Если же я хочу Дрохенвальд... Я должна выйти за него замуж.

Грейв по-прежнему молчал, обдумывая ее слова. Он должен был признать, что государь проявил мудрость, позволяя Гвен самой выбрать свой путь, но необходимость ради любви добровольно отказаться от родительского дома, к которому она была страстно привязана, причиняла ей явную боль, и это разрывало ему сердце.

— Мне очень жаль, Гвен.

— Мне — нет, — она гордо вскинула подбородок, прямо глядя ему в глаза. — Когда-то ты выбрал любовь вместо власти и был счастлив в своем решении. И я... тоже хочу быть счастливой, Дрейк. Рядом с тобой.

Грейв медленно перебирал в ладони ее тонкие пальцы, понимая, что никто во всем мире не мог бы сделать этот выбор вместо нее. Он не задавал больше глупых вопросов: он ни единого мгновения не сомневался в ее выборе.

— Я люблю тебя, Гвен, — сами собой шевельнулись его губы.

— И я люблю тебя, Дрейк, — она склонилась к его лицу и с невыразимой нежностью коснулась мягкими устами его разбитых губ.

Сладкий поцелуй вскружил голову... Но на краю сознания продолжали вспыхивать

новые беспокойные мысли. Как сделать так, чтобы в Зазимье она чувствовала себя уютней, чем в родительском Дрохенвальде? Как сделать так, чтобы его собственный замок стал родным домом и для нее самой, и для их будущих детей?

Как сделать так, чтобы его любимая действительно была счастлива?

Но эти мелкие тревоги вытеснила другая, неотвратимая мысль, железным кольцом стиснувшая его сердце.

Счастливая семейная жизнь с любимой женщиной — возможна, он знал это твердо.

Но лишь до той поры, пока она не станет королевой.

Конец